

ВЕСТНИК СУРГУТСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ НАУКИ
ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ

12+

**БЮДЖЕТНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
ХАНТЫ-МАНСКИЙСКОГО АВТОНОМНОГО ОКРУГА – ЮГРЫ
«СУРГУТСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»**

**ВЕСТНИК СУРГУТСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА**

Научный журнал

ТОМ 11, № 4

**ЭКОНОМИЧЕСКИЕ НАУКИ
ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ**

**Сургут
2023**

Учредитель и издатель
Бюджетное учреждение высшего образования Ханты-Мансийского автономного округа – Югры
«Сургутский государственный университет»

Издание зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций.
Свидетельство о регистрации СМИ Эл. № ФС77-85690 от 03.08.2023.

Издается с декабря 2013 года.
Выходит 4 раза в год.

Главный редактор
Шарамеева Ольга Александровна, канд. экон. наук, доцент (Сургут)

Заместитель главного редактора
Попова Лариса Александровна, канд. юрид. наук, доцент (Сургут)

Редакционная коллегия
Дядькин Дмитрий Сергеевич, д-р юрид. наук, проф. (Сургут)
Жадобина Наталья Николаевна, канд. юрид. наук, доцент (Сургут)
Зубарева Любовь Витальевна, д-р экон. наук, проф. (Сургут)
Каратаев Алексей Сергеевич, д-р экон. наук, проф. (Сургут)
Кодинцев Александр Яковлевич, д-р юрид. наук, проф. (Санкт-Петербург)
Нехайчик Владимир Казимирович, канд. юрид. наук, доцент (Сургут)
Поликов Юлиан Николаевич, д-р экон. наук, доцент (Донецк)
Чарковская Нозми Ивановна, канд. юрид. наук, доцент (Сургут)
Чуланова Оксана Леонидовна, д-р экон. наук, доцент (Сургут)
Ширинкина Елена Викторовна, д-р экон. наук, доцент (Сургут)
Ямпольская Наталья Юрьевна, д-р экон. наук, доцент (Сургут)

Редакционный совет
Архипов Игорь Валентинович, д-р юрид. наук, доцент (Москва)
Бархатов Виктор Иванович, д-р экон. наук, проф. (Челябинск)
Белкин Анатолий Рафаилович, д-р юрид. наук, проф. (Москва)
Борков Виктор Николаевич, д-р юрид. наук, доцент (Омск)
Галазова Светлана Сергеевна, д-р экон. наук, проф. (Владикавказ)
Гусева Валентина Ивановна, д-р экон. наук, проф. (Бишкек)
Дежнёв Александр Сергеевич, д-р юрид. наук, доцент (Омск)
Жаров Сергей Николаевич, д-р юрид. наук, доцент (Челябинск)
Зайцева Лариса Владимировна, д-р юрид. наук, доцент (Тюмень)
Зеленцов Александр Борисович, д-р юрид. наук, проф. (Москва)
Зырянова Татьяна Владимировна, д-р экон. наук, проф. (Екатеринбург)
Ибрагимов Солиджон Ибрагимович, д-р юрид. наук, проф. (Душанбе)
Иванчина Юлия Валерьевна, д-р юрид. наук, доцент (Екатеринбург)
Истомина Елена Александровна, д-р юрид. наук, доцент (Екатеринбург)
Камышова Анна Борисовна, д-р экон. наук, доцент (Санкт-Петербург)
Карзаева Наталья Николаевна, д-р экон. наук, проф. (Москва)
Курныкина Ольга Васильевна, д-р экон. наук, доцент (Москва)
Мильчакова Наталья Николаевна, д-р экон. наук, проф. (Тюмень)
Мишунина Алена Александровна, д-р юрид. наук, проф. (Тюмень)
Некрасова Ольга Леонидовна, д-р экон. наук, проф. (Донецк)
Немытина Марина Викторовна, д-р юрид. наук, проф. (Москва)
Сверчкова Ольга Федоровна, д-р экон. наук, доцент (Шахты)
Сергеев Андрей Борисович, д-р юрид. наук, проф. (Челябинск)
Сунцов Александр Павлович, д-р юрид. наук, проф. (Тюмень)
Татув Арсен Азидович, д-р экон. наук, проф. (Нальчик)
Хижняк Вероника Сергеевна, д-р юрид. наук, доцент (Саратов)
Шарапов Роман Дмитриевич, д-р юрид. наук, проф. (Санкт-Петербург, Тюмень)

Выпускающий редактор
Хасанова Алёна Шамильевна

Решением Высшей аттестационной комиссии с 01 февраля 2022 года журнал включен в «Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук» по следующим научным специальностям: 5.2.1. Экономическая теория (экономические науки), 5.2.4. Финансы (экономические науки); с 21 февраля 2023 года по следующим научным специальностям: 5.1.2. Публично-правовые (государственно-правовые) науки (юридические науки), 5.1.4. Уголовно-правовые науки (юридические науки), 5.2.3. Региональная и отраслевая экономика (экономические науки).

С требованиями для авторов, а также с полными текстами статей можно ознакомиться на сайте surguvest.ru.

Журнал включен в базу данных РИНЦ (лицензионный договор с Научной электронной библиотекой № 158-03/2014 от 20.03.2014).

Журнал зарегистрирован в Национальном центре ISSN Российской Федерации, ISSN 2312-3419 (Print), ISSN 2949-3455 (Online).

Подписной индекс Объединенного каталога «Пресса России» 43401.

Адрес редакции

628412, Тюменская обл., Ханты-Мансийский автономный округ – Югра, г. Сургут, пр. Ленина, д. 1.
Тел.: + 7 (3462) 76-29-88, факс: + 7 (3462) 76-29-29, e-mail: science.journals@surgu.ru

Редактор

Хисамутдинова Любовь Михайловна

Переводчик

Петрова Анастасия Вячеславовна

Верстка

Мельниковой Екатерины Алексеевны

Фото на обложке

Печерского Максима Сергеевича

Адрес учредителя, издателя

Бюджетное учреждение высшего образования Ханты-Мансийского автономного округа – Югры
«Сургутский государственный университет»,
628412, Ханты-Мансийский автономный округ – Югра, г. Сургут, пр. Ленина, 1
Тел.: + 7 (3462) 76-29-29

Дата опубликования 25.12.2023. Формат 60 × 84/8

Уч.-изд. л. 12,8. Заказ № 299

Цена свободная

© БУ ВО «Сургутский государственный университет»

© Коллектив авторов

СОДЕРЖАНИЕ

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ НАУКИ

Анисимов А. Ю., Плахотникова М. А., Грабский А. А. Цифровизация бизнес-процессов металлургического предприятия как направление обеспечения устойчивого развития	6
Дагаева И. А., Феоктистова О. С., Проскурина А. В. Оценка профессиональной деятельности специалистов, ответственных за реализацию молодежной политики на муниципальном уровне (на примере Псковской области)	16
Заведеев Е. В. Принципы и алгоритмы стратегического планирования модельной стратегии социально-экономического развития муниципалитетов Югры	27
Комарова О. В., Карабатов Д. С. Возможности бизнес-аналитики в решении задач корпоративного управления в розничной торговле	38
Крамаров С. О., Кузьминов А. Н., Рутта Н. А., Сахарова Л. В., Гребенюк Е. В. Искусственный интеллект в контроле и управлении финансами корпорации	51
Лабабиди М. Р., Земзюлина В. Ю., Слукина С. А. «Зеленые» цепочки поставок как драйвер развития циркулярной экономики	67
Ладыженко С. Н. Конкурентоспособность участников рынка туристских услуг в условиях цифровой трансформации	76
Степанов Е. А., Плетнёв Д. А., Буй Н. Х. Межстрановые отношения в моноэкспортном регионе как составляющая внешнеэкономической стратегии предприятий	82

ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ

Антонченко В. В. Политическая конъюнктурность права как проблема уголовной политики	93
Власов Ю. А. Толкование оценочных понятий при квалификации преступлений, совершенных по экстремистским мотивам	101
Кириллов Д. А. Предупреждение о признаках преступления в решении по итогам налоговой проверки	110
Перемолотова Л. Ю., Черноярва И. М. Особенности организации труда женщин, осужденных к лишению свободы	116
Руденко В. В. Институционализация мониторинга в системе стратегического планирования в России	122

CONTENTS

ECONOMICS

Anisimov A. Yu., Plakhotnikova M. A., Grabsky A. A. Digitalization of business processes of a metallurgical enterprise as a sustainable development direction	6
Dagaeva I. A., Feoktistova O. S., Proskurina A. V. Evaluating performance of youth policy workers in municipalities (the Pskov Region case)	16
Zavedeev E. V. Principles and algorithms of strategic planning of a model strategy for social and economic development of Ugra's municipalities	27
Komarova O. V., Karabatov D. S. Capabilities of business intelligence in solving the problems of corporate governance in retail trade	38
Kramarov S. O., Kuzminov A. N., Rutta N. A., Sakhaova L. V., Grebenyuk E. V. Artificial intelligence in corporate finance control and management	51
Lababidi M. R., Zemzyulina V. Yu., Slukina S. A. Green supply chain as a development driver for a circular economy	67
Ladyzhenko S. N. Competitive ability of participants of the tourist services market under digital transformation ...	76
Stepanov E. A., Pletnev D. A., Bui N. K. International relations in mono-export region as a component of enterprises' foreign economic strategy	82

LAW

Antonchenko V. V. Political opportunism of law as an issue of criminal policy	93
Vlasov Yu. A. Defining estimate concepts in classification of extremism crimes	101
Kirillov D. A. Notice on crime evidence in tax audit's decision	110
Peremolotova L. Yu., Chernoyarova I. M. Features of imprisoned women labor management	116
Rudenko V. V. Institutionalization of monitoring in Russia's strategic planning system	122

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ НАУКИ

Научная статья

УДК 334.012.32:330.47

DOI 10.35266/2949-3455-2023-4-1

ЦИФРОВИЗАЦИЯ БИЗНЕС-ПРОЦЕССОВ МЕТАЛЛУРГИЧЕСКОГО ПРЕДПРИЯТИЯ КАК НАПРАВЛЕНИЕ ОБЕСПЕЧЕНИЯ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ

Александр Юрьевич Анисимов^{1✉}, Мария Александровна Плахотникова²,
Александр Адольфович Грабский³

¹ Московский финансово-промышленный университет «Синергия», Москва, Россия

² Россети Центр, Москва, Россия

³ Российский государственный геологоразведочный университет имени Серго Орджоникидзе,
Москва, Россия

¹ anisimov_au@mail.ru ✉, <https://orcid.org/0000-0002-8113-4523>

² erelda@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6305-2006>

³ grabskyaa@gmail.com, <https://orcid.org/0009-0000-3299-4896>

Аннотация. В статье рассматриваются результаты анализа современного состояния внешней бизнес-среды предприятий металлургической отрасли, а также уровня цифровизации ключевых представителей металлургической отрасли России, на основе которых изучаются возможности и риски, сопровождающие процессы цифровизации металлургического производства, и их влияние на конкурентоспособность металлургической отрасли страны в целом. Общий анализ отрасли показывает, что металлургические предприятия уже долгое время функционируют в условиях экономической и политической нестабильности, вызванной нарушением цепочек поставок, антироссийскими санкциями, кризисными явлениями на фоне пандемии коронавируса и общей геополитической напряженностью, что оказывает значительное влияние на возможности их устойчивого развития. Авторы проанализировали результаты SWOT-анализа металлургического предприятия на примере публичного акционерного общества «Северсталь», разработав на основе этих результатов стратегические реакции, являющиеся основой формирования стратегии цифровизации металлургического предприятия. Кроме того, была проведена оценка силы связи уровня цифровизации производства металлургических предприятий и их рентабельности, которая показала наличие прямой связи данных факторов. Уровень цифровизации бизнес-процессов металлургического предприятия напрямую влияет на его конкурентоспособность, что подразумевает необходимость формирования набора стратегических реакций, позволяющих сформулировать стратегию цифровизации бизнес-процессов металлургического предприятия, которая помогает повысить результативность его деятельности и минимизировать риски для повышения эффективности и конкурентоспособности российской металлургии на глобальном рынке. Оценка эффективности предлагаемой стратегии цифровизации показывает, что ее успешное внедрение способствует значительному повышению рентабельности деятельности металлургических предприятий.

Ключевые слова: бизнес-процессы, металлургическое предприятие, цифровизация бизнес-процессов, цифровая трансформация, экономический эффект, SWOT-анализ, устойчивое развитие

Для цитирования: Анисимов А. Ю., Плахотникова М. А., Грабский А. А. Цифровизация бизнес-процессов металлургического предприятия как направление обеспечения устойчивого развития // Вестник Сургутского государственного университета. 2023. Т. 11, № 4. С. 6–15. DOI 10.35266/2949-3455-2023-4-1.

Original article

DIGITALIZATION OF BUSINESS PROCESSES OF A METALLURGICAL ENTERPRISE AS A SUSTAINABLE DEVELOPMENT DIRECTION

Aleksandr Yu. Anisimov^{1✉}, Mariya A. Plakhotnikova², Aleksandr A. Grabsky³

¹ Moscow University for Industry and Finance "Synergy", Moscow, Russia

² Rosseti Centre, Moscow, Russia

³ Sergo Ordzhonikidze Russian State University for Geological Prospecting, Moscow, Russia

¹ anisimov_au@mail.ru ✉, <https://orcid.org/0000-0002-8113-4523>

² erelda@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6305-2006>

³ grabskyaa@gmail.com, <https://orcid.org/0009-0000-3299-4896>

Abstract. The article discusses the results of the analysis covering the current state of the external business environment of metallurgical enterprises and the level of digitalization of significant metallurgical leaders in Russia. Based on them, the authors examined the possibilities and risks that are associated with the digitalization of the metallurgical industry, as well as their effects on the competitive ability of such industry in Russia in general. The general analysis of the metallurgical industry portrays the economic and political instability caused by supply chain disruption, anti-Russian sanctions, the downturn driven by the coronavirus pandemic and general geopolitical tension that has been dictating the performance of metallurgical enterprises for a long period and thus affects their sustainable development. The authors analyzed findings of the SWOT analysis of metallurgical enterprises, using Severstal PJSC as an example, and developed strategic reactions that serve as the foundation for the development of the digitalization strategy of the metallurgical industry. In addition, the evaluation of the connection between the level of digitalization of metallurgical enterprises' performance and their profitability demonstrates that there is a direct connection. The level of digitalization of business processes of a metallurgical enterprise has a direct impact on its competitive ability, implying the necessity to establish a set of strategic reactions that make it possible to develop a strategy for digitalization of metallurgical enterprises' business processes. This strategy helps increase their performance and minimize risks, resulting in an increase in the efficiency and competitive ability of the Russian metallurgical industry on the global market. The evaluation of the efficiency of the digitalization strategy proposed reveals that its successful implementation contributes to a significant increase in the metallurgical enterprises' profitability.

Keywords: business processes, metallurgical enterprise, digitalization of business processes, digital transformation, economic effect, SWOT analysis, sustainable development

For citation: Anisimov A. Yu., Plakhotnikova M. A., Grabsky A. A. Digitalization of business processes of a metallurgical enterprise as a sustainable development direction. *Surgut State University Journal*. 2023;11(4):6–15. DOI 10.35266/2949-3455-2023-4-1.

ВВЕДЕНИЕ

Последние шесть лет российская экономика постепенно наращивает темпы цифровизации бизнес-процессов своих основных отраслей. Ключевые задачи этого стратегического направления развития определены национальным проектом «Цифровая экономика», в котором задекларирована основная цель цифровизации – «повысить эффективность и конкурентоспособность российской экономики на глобальном рынке» [1]. Кроме того, основными направлениями цифровизации, которые актуальны для металлургиче-

ской отрасли, являются цифровые технологии и искусственный интеллект. Металлургические предприятия на данный момент активно разрабатывают «цифровые проекты на основе машинного обучения, нейросетей и искусственного интеллекта» [2, 3]. Процессы цифровизации в значительной степени затронули металлургические предприятия России, поскольку они являются частью одной из базовых отраслей российской экономики, в том числе ориентированных на экспорт. Металлургические предприятия уже долгое время функционируют в условиях экономической

и политической нестабильности, вызванной нарушением цепочек поставок, антироссийскими санкциями, кризисными явлениями на фоне пандемии коронавируса (COVID-19) и общей геополитической напряженностью, что оказывает значительное влияние на возможности их устойчивого развития. Как показывает практика, цифровизация бизнес-процессов металлургических предприятий является инструментом поддержания устойчивого развития, поскольку формирует дополнительные конкурентные преимущества. Учитывая сложность внешней среды и специфику деятельности металлургических предприятий, успех процесса цифровизации в значительной степени зависит от стратегических реакций, которые предусматривают ответ на внешние и внутренние риски проектов по цифровизации и на вновь возникающие возможности. Именно это придает высокую актуальность исследованиям, позволяющим определить наиболее значимые факторы, влияющие на процессы цифровизации бизнес-процессов металлургических предприятий, оценить их характер и влияние, а также дать прогноз экономического эффекта предстоящих этапов цифровизации.

Целью исследования является формирование набора стратегических реакций, позволяющих сформулировать стратегию цифровизации бизнес-процессов металлургического предприятия, повысить результативность его деятельности и минимизировать риски для повышения эффективности и конкурентоспособности российской металлургии на глобальном рынке.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ

В процессе исследования был проведен SWOT-анализ, который включал в себя следующие этапы:

- 1) экспертная оценка факторов внутренней среды предприятия;
- 2) экспертная оценка факторов внешней среды предприятия;
- 3) формирование матрицы SWOT-анализа.

Первый этап был реализован при помощи SNW-анализа, являющегося частью SWOT-анализа, следующим образом. На основе кри-

тических объектов управления для металлургической отрасли, определенных в ходе обобщения исследований ведущих авторов по данной тематике [2, 4–6], было выделено шестнадцать функциональных сфер предприятия, которые были подвергнуты экспертной оценке по шкале от «1» до «5», где «1» – «значительно хуже, чем в среднем по отрасли», «2» – «хуже, чем в среднем по отрасли», «3» – «совпадает со средней оценкой по отрасли», «4» – «лучше, чем в среднем по отрасли», «5» – «значительно лучше, чем в среднем по отрасли». Экспертная оценка была организована по электронной почте, в качестве экспертов выступили пять специалистов ПАО «Северсталь». Вес факторов был определен на основе опроса представителей руководства металлургических предприятий, в котором участвовали 20 человек. Общий вес выделенных внутренних факторов равен «1». Взвешенная оценка каждого фактора была определена по формуле:

$$BO_i = ЭО_i \times ВФ_i, \quad (1)$$

где BO_i – взвешенная оценка i -го фактора,

$ЭО_i$ – экспертная оценка,

$ВФ_i$ – вес i -го фактора,

$i = 1 \dots 16$.

На основе полученной взвешенной оценки факторы были распределены, согласно методике, на три категории: сильные стороны (вес больше, чем 0,3), нейтральные (вес от 0,18 до 0,3), слабые стороны (вес меньше, чем 0,18). В дальнейшем анализе участвовали факторы, которые попали в категории «сильные» и «слабые стороны».

Второй этап был проведен аналогично первому, только выбор факторов осуществлялся на основе компаративного анализа открытых источников, в основном, годовых отчетов металлургических компаний (ПАО «Северсталь», ПАО «Металлоинвест», ГК НЛМК и др.). Экспертная оценка внешних факторов была получена путем нахождения среднего значения оценок экспертов. На основе качественной оценки характера влияния каждого из выделенных факторов внешней среды они были разделены на угрозы и возможности.

Корреляционный анализ был осуществлен на основе сопоставления количества реализованных до 2022 г. проектов по цифровизации бизнес-процессов (в рамках направлений программы «Цифровая экономика»), указанных на официальных сайтах десяти компаний и их рентабельности на 2022 г. (ПАО «Северсталь», ПАО «Металлоинвест», ГК НЛМК, ПАО «ТМК», ПАО «Магнитогорский металлургический комбинат» и т. д.). В качестве источника данных рентабельности были ис-

пользованы годовые отчеты компании и их бухгалтерская отчетность.

Метод Дельфи был реализован в три тура. В первом туре экспертной оценки всеми участниками экспертизы была получена определенная анкета, содержащая вопрос «Какова будет рентабельность в 2024 г. после внедрения разработанных мероприятий по цифровизации бизнес-процессов?». В табл. 1 показаны результаты первого тура экспертизы.

Таблица 1

Результат первого тура

Эксперт	1	2	3	4	5	6	7	8
Экспертные данные, х, %	10	7	8	10	11	12	7	9
Ранжированный ряд	7	7	8	9	10	10	11	12

Примечание: составлено авторами на основании данных, полученных в исследовании.

Далее был проведен второй тур, в ходе которого эксперты отвечали на тот же вопрос, что и в первом туре: «Какова будет рентабельность в 2024 г. после внедрения разработанных мероприятий по цифровизации бизнес-процессов?». При этом, всем участ-

никам требовалось пересмотреть ответ, который они дали в предыдущем туре после того, как ознакомились с другими экспертными мнениями. В табл. 2 представлены экспертные оценки, полученные во время второго тура экспертизы.

Таблица 2

Результат второго тура

Эксперт	1	2	3	4	5	6	7	8
Экспертные данные, х, %	10	8	10	10	11	8	8	9
Ранжированный ряд	8	8	8	9	10	10	10	11

Примечание: составлено авторами на основании данных, полученных в исследовании.

Результаты экспертной оценки, отраженные в табл. 2, распределены уже более равномерно, но недостаточно, чтобы завершить экспертизу, поэтому был осуществлен третий тур. Экспертная оценка в третьем туре проходила аналогично второму, каждый эксперт пере-

сматривал предыдущий ответ и мог его исправить. При этом каждый участник должен был дать аргументированное объяснение, почему он оставляет или изменяет свою оценку. Результат третьего тура представлен ниже (табл. 3).

Таблица 3

Результат третьего тура

Эксперт	1	2	3	4	5	6	7	8
Экспертные данные, х, %	9	8	10	10	11	8	8	9
Ранжированный ряд	8	8	8	9	9	10	10	11

Примечание: составлено авторами на основании данных, полученных в исследовании.

Как видно из данных табл. 3, по причине достаточной согласованности мнений участ-

ников экспертиза была завершена после третьего тура.

РЕЗУЛЬТАТЫ И ИХ ОБСУЖДЕНИЕ

Оценка цифровизации бизнес-процессов металлургического предприятия как направления обеспечения устойчивого развития может осуществляться на различных уровнях (макро-, мезо- и микро-). На данный момент одним из ключевых игроков российской металлургической отрасли является ПАО «Северсталь». Она представляет собой крупную вертикально-интегрированную компанию (основной актив – металлургический завод), которая включает отдельную организацию, отвечающую за цифровизацию бизнес-процессов всей компании – ООО «Северсталь Диджитал» [7]. Такой под-

ход обеспечил ПАО «Северсталь» лидерские позиции в процессе цифровизации деятельности металлургического предприятия, поэтому опыт компании можно экстраполировать на другие предприятия при минимальной адаптации результатов исследования.

Формирование стратегических реакций основывается на применении инструментов стратегического анализа, поэтому для оценки внутренней и внешней среды ПАО «Северсталь» был выбран SWOT-анализ [8, 9]. На первом этапе проведена оценка внутренних факторов предприятия при помощи SNW-анализа (табл. 4).

Таблица 4

**Результат оценки внутренней среды ПАО «Северсталь»
в рамках первого этапа SWOT-анализа**

Факторы внутренней среды	Оценка, баллы	Вес фактора	Взвешенная оценка
1. Степень реализации внедряемых компанией инноваций и периодичность внедрения компанией инноваций	5	0,07	0,37
2. Широта ассортимента товаров	2	0,06	0,12
3. Уровень качества товаров	4	0,07	0,30
4. Востребованность товаров предприятия	4	0,07	0,30
5. Уровень цены на товары предприятия	3	0,05	0,16
6. Эффективность сбыта предприятия	3	0,05	0,16
7. Уровень сервиса	3	0,04	0,13
8. Широта ассортимента дополнительных услуг	3	0,04	0,13
9. Уровень квалификации сотрудников	5	0,07	0,34
10. Уровень образования сотрудников	5	0,06	0,30
11. Относительная доля рынка предприятия	5	0,07	0,34
12. Темп роста доли рынка	4	0,04	0,18
13. Себестоимость товаров предприятия	5	0,06	0,30
14. Рентабельность деятельности предприятия	5	0,07	0,37
15. Уровень технической оснащенности производства	4	0,06	0,29
16. Уровень цифровизации производства	4	0,08	0,31
Итого		1	

Примечание: составлено авторами на основании [7, 10].

На основе полученной в табл. 4 взвешенной оценки (далее – ВО) внутренние факторы были распределены на сильные, нейтральные и слабые (табл. 5).

Таблица 5

Группировка факторов внутренней среды

Сильные	ВО	Нейтральные	ВО	Слабые	ВО
S1. Степень реализации внедряемых компанией инноваций и периодичность внедрения компанией инноваций	0,37	N1. Уровень качества товаров	0,30	W1. Широта ассортимента товаров	0,12
S2. Уровень квалификации сотрудников	0,34	N2. Востребованность товаров предприятия	0,30	W2. Уровень цены на товары предприятия	0,16

Окончание табл. 5

Сильные	ВО	Нейтральные	ВО	Слабые	ВО
S3. Относительная доля рынка предприятия	0,34	N3. Уровень образования сотрудников	0,30	W3. Эффективность сбыта предприятия	0,16
S4. Уровень цифровизации производства	0,31	N4. Темп роста доли рынка	0,18	W4. Уровень сервиса	0,13
S5. Рентабельность деятельности предприятия	0,37	N5. Уровень технической оснащенности производства	0,29	W5. Широта ассортимента дополнительных услуг	0,13
х	-	N6. Себестоимость товаров предприятия	0,30	х	-

Примечание: составлено авторами на основании данных, полученных в исследовании.

Результаты первого этапа, представленные в табл. 5, демонстрируют наличие у предприятия одинакового количества сильных и слабых сторон, показательным является то, что уровень цифровизации и рентабельность одновременно оказались в категории сильных сторон. Предварительно можно предположить наличие связи между этими факто-

рами. На предприятии реализуется сильная инновационная составляющая, что производит синергетический эффект на проекты цифровизации. На втором этапе была проведена оценка внешних факторов (экспертная оценка, ЭО), влияющих в среднесрочном периоде на предприятие (табл. 6) [3, 4, 7, 11].

Таблица 6

Угрозы и возможности отрасли

Возможности (О)	ЭО	Угрозы (Т)	ЭО
О1. Государственная поддержка металлургической отрасли	3,8	Т1. Наличие антироссийских санкций и общая геополитическая напряженность	4,2
О2. Политика импортозамещения	4,8	Т2. Замедление мировой экономики из-за последствий экономического кризиса, вызванного пандемией COVID-19	4
О3. Продолжение программы «Цифровая экономика», позволяющей постоянно повышать уровень цифровизации производства	4,6	Т3. Рост конкуренции на локальных рынках	4,4
О4. Рост внутреннего спроса на сталь	4,6	Т4. Рост инфляции	2,6
О5. Рост квалификации кадрового потенциала отрасли	4,6	Т5. Нарушение цепочек поставок	4,6
О6. Появление абсолютно новых технологических решений, которые способны значительно повысить эффективность металлургического сектора	2,8	Т6. Снижение цен на сталь	4
		Т7. Возникновение проблем с экспортом	4,6
		Т8. Политика декарбонизации	3,8
Итого	28,2	х	32,2

Примечание: составлено авторами на основании [3, 4, 7, 11].

Данные, представленные в табл. 6, демонстрируют, что возможностей у предприятия на текущий момент меньше, чем угроз, их совокупное влияние также меньше совокупного влияния отрицательных факторов. Полученные на первом и втором этапах результаты необходимо объединить в матрицу SWOT-

анализа (табл. 7). В матрицу были добавлены не все факторы, полученные на предыдущих этапах анализа, а только наиболее значимые, которые в среднесрочном периоде могут либо существенно увеличить, либо существенно уменьшить конкурентоспособность предприятия.

Таблица 7

Матрица SWOT-анализа для ПАО «Северсталь»

Факторы внешней среды	Факторы внутренней среды	
	Сильные стороны	Слабые стороны
	S1. Степень реализации внедряемых компаний инноваций и периодичность внедрения компанией инноваций S2. Уровень квалификации сотрудников S3. Относительная доля рынка предприятия S4. Уровень цифровизации производства S5. Рентабельность деятельности предприятия	W1. Широта ассортимента товаров W2. Уровень цены на товары предприятия W3. Эффективность сбыта предприятия W4. Уровень сервиса W5. Широта ассортимента дополнительных услуг
Возможности O2. Политика импортозамещения O3. Продолжение программы «Цифровая экономика», позволяющей постоянно повышать уровень цифровизации производства O4. Рост внутреннего спроса на сталь O5. Рост квалификации кадрового потенциала отрасли	O2, O3 → S1 O3, O4 → S2 O3 → S4 O4 → S3 O4 → S5	O2 → W1 O3, O4 → W2 O3 → W3 O5 → W4 O3 → W5
Угрозы T1. Наличие антироссийских санкций и общая геополитическая напряженность T2. Замедление мировой экономики из-за последствий экономического кризиса, вызванного пандемией COVID-19 T3. Рост конкуренции на локальных рынках T5. Нарушение цепочек поставок T6. Снижение цен на сталь T7. Возникновение проблем с экспортом	T1 → S1 T2, T3, T5 → S2, S3 S4 → T5, T7 T2, T3, T5, T6 → S5	T1 → W2 T2 → W2 T3 → W2 T5 → W1, W3 T6 → W1, W3 T7 → W3

Примечание: составлено авторами на основании [5, 12, с. 6].

На основе матрицы SWOT-анализа, представленной в табл. 7, сформированы стратегические реакции, которые можно объединить в стратегию цифровизации бизнес-процессов предприятия с учетом минимизации выявленных рисков:

1) учитывая высокую степень реализации внедряемых компанией инноваций, а также частое их внедрение компанией, нужно максимально принимать участие в мероприятиях, связанных и с политикой импортозамещения, и с «Цифровой экономикой», главные проекты должны быть в категориях «Цифровые технологии» и «Искусственный интеллект»;

2) максимально использовать имеющийся уровень цифровизации производства для освоения растущего внутреннего спроса на сталь, а также повышать уровень цифровизации бизнес-процессов, используя возможности национальной программы;

3) обучать своих сотрудников, повышая их компетенции в сфере цифровизации и политики импортозамещения;

4) использовать рост внутреннего спроса на сталь для повышения конкурентоспособности, опираясь на значительную долю рынка и высокую рентабельность деятельности;

5) расширять ассортимент товаров и дополнительных услуг, ориентируясь на потребность, определяемую политикой импортозамещения;

6) рост внутреннего спроса на сталь позволит снизить уровень цены на товары предприятия до уровня конкурентов, учитывая отдачу от проектов по цифровизации бизнес-процессов в рамках направлений национальной программы «Цифровая экономика»;

7) рост квалификации кадрового потенциала отрасли позволяет нанять персонал, способный обеспечить высокий уровень сервиса;

8) высокая степень реализации внедряемых компанией инноваций и частота внедрения компанией инноваций позволит минимизировать риски, связанные с антироссийскими санкциями и общей геополитической напряженностью;

9) высокий уровень квалификации сотрудников и значительная доля рынка позволят преодолеть замедление мировой экономики, рост конкуренции и нарушение цепочек поставок;

10) нарушение цепочек поставок и возникновение проблем с экспортом можно преодолеть при помощи высокого уровня цифровизации производства;

11) замедление мировой экономики из-за последствий экономического кризиса, вызванного пандемией COVID-19, рост конкуренции на локальных рынках, нарушение цепочек поставок, возникновение проблем с экспортом отрицательно влияют на рентабельность деятельности, поэтому нужно в первую очередь минимизировать эти риски;

12) наличие антироссийских санкций и общая геополитическая напряженность, замедление мировой экономики из-за последствий экономического кризиса, вызванного пандемией COVID-19, рост конкуренции на локальных рынках и уровень цены на товары предприятия составляют стратегически критические пары, поэтому ценовая политика предприятия должна содержать компенсационные мероприятия по снижению влияния этих факторов;

13) нарушение цепочек поставок и широта ассортимента товаров также составляют стратегически критическую пару, поэтому необходимо настраивать новые цепочки поставок, ориентируясь на новых стратегических партнеров;

14) нарушение цепочек поставок, снижение цен на сталь и проблемы с экспортом образуют стратегически критические пары с эффективностью сбыта предприятия, для повышения эффективности сбыта необходимо ориентироваться на внутренний рынок и выстраивание новых цепочек поставок.

Исходя из приведенных выше стратегических реакций, можно сформулировать новую стратегию цифровизации бизнес-процессов (далее – СЦБП) металлургического предприятия, способствующую устойчивому развитию, а именно интенсификацию инновационных проектов по цифровизации производственных бизнес-процессов в рамках направлений национальной программы «Цифровая экономика» и с учетом политики импортозамещения. СЦБП также должна учитывать формирование новых цепочек поставок и подразумевать возможность постоянного обучения сотрудников предприятия с целью повышения их цифровых компетенций.

Предлагаемая СЦБП металлургического предприятия может быть применена только при условии, что уровень цифровизации бизнес-процессов предприятия имеет прямое влияние на рентабельность деятельности предприятия. С целью установления взаимосвязи уровня цифровизации бизнес-процессов и рентабельности деятельности был проведен корреляционный анализ. Исходные данные для корреляционного анализа представлены в табл. 8.

Таблица 8

Исходные данные для корреляционного анализа

№ п/п	Предприятия	КП, ед.	R, %
1	ПАО «Северсталь»	9	30,0
2	ПАО «Металлоинвест»	8	61,0
3	ГК НЛМК	9	38,0
4	ПАО «ТМК»	4	13,0
5	ПАО «Магнитогорский металлургический комбинат»	9	30,9
6	ПАО «Новолипецкий металлургический комбинат»	7	26,9
7	АО «ЕВРАЗ Западно-Сибирский металлургический комбинат»	5	20,1
8	АО «Оскольский электрометаллургический комбинат имени Алексея Алексеевича Угарова»	4	18,6
9	ПАО «Мечел»	5	28,0
10	ПАО «Ашинский металлургический завод»	6	24,8

Примечание: КП – количество проектов по цифровизации; R – рентабельность по EBIT. Составлено авторами на основании материалов источников [3, 6, 11, 13].

Рассчитанный по данным табл. 8 коэффициент корреляции (K_p) равен 0,65, можно сделать вывод, что между уровнем цифровизации бизнес-процессов и рентабельностью деятельности существует прямая связь средней силы. Это означает, что предлагаемая стратегия цифровизации бизнес-процессов металлургического предприятия может быть применена с определенной эффективностью.

После того, как была доказана связь между уровнем цифровизации бизнес-процессов и рентабельностью деятельности предприятия, необходимо спрогнозировать увеличение рентабельности на 2024 г. за счет получения отдачи от предлагаемой стратегии цифровизации бизнес-процессов, для этого был применен метод Дельфи [14]. Получен следующий результат (табл. 9).

Таблица 9

**Итоговые результаты прогнозирования рентабельности деятельности
ПАО «Северсталь»**

Этап	Интервал	Средняя оценка в туре, %	Разность квартилей
1	10–20	19,5	10
2	18–21	19,5	3
3	18–20	19	2

Примечание: составлено авторами на основании данных, полученных в исследовании.

Таким образом, по данным табл. 9, оценка эффективности цифровизации бизнес-процессов ПАО «Северсталь» при помощи метода экспертного прогнозирования Дельфи показала, что предлагаемая стратегия цифровизации бизнес-процессов предприятия ведет к повышению рентабельности деятельности компании на 19 %. Это является значительным увеличением эффективности деятельности предприятия и доказывает целесообразность применения предлагаемой стратегии цифровизации бизнес-процессов.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Обеспечение устойчивого развития металлургического предприятия может быть построено только на базе оптимальной стратегии

цифровизации его бизнес-процессов. Такая ситуация обуславливается факторами внешней среды, которые предполагают, что для поддержания конкурентоспособности металлургическим предприятиям необходимо постоянно повышать зрелость своих бизнес-процессов, т. е. их постепенную цифровизацию. Стратегические предпосылки цифровизации бизнес-процессов должны быть учтены и взаимосвязаны в единой стратегии цифровизации, которая способна значительно увеличить и постоянно наращивать рентабельность деятельности металлургического предприятия, обеспечивая тем самым в будущем устойчивое развитие на глобальном рынке не только самому предприятию, но и российской металлургии в целом.

Список источников

1. Цифровая экономика РФ. URL: https://digital.gov.ru/ru/activity/directions/858/?utm_referrer=https%3a%2f%2fyandex.ru%2f (дата обращения: 19.07.2023).
2. Великая О. А. Инновационная политика металлургических предприятий и их устойчивое развитие в промышленном секторе // Естественнo-гуманитарные исследования. 2022. № 41. С. 94–100.
3. Черная металлургия России: что ждет отрасль в 2022 году. URL: <https://journal.tinkoff.ru/news/rus-metal-industry-2022/> (дата обращения: 19.07.2023).
4. Николаева Е. В., Бирюкова Е. А. Исследование процессов цифровой трансформации горно-металлургических компаний РФ // *π-Economy*. 2023. Т. 16, № 2. С. 24–36.

References

1. Tsifrovaia ekonomika RF. URL: https://digital.gov.ru/ru/activity/directions/858/?utm_referrer=https%3a%2f%2fyandex.ru%2f (accessed: 19.07.2023). (In Russian).
2. Velikaya O. A. Innovative policy of metallurgical enterprises and their sustainable development in the industrial sector. *Natural-Humanitarian Studies*. 2022;(41):94–100. (In Russian).
3. Chernaia metallurgii Rossii: chto zhdet otrasl v 2022 godu. URL: <https://journal.tinkoff.ru/news/rus-metal-industry-2022/> (accessed: 19.07.2023). (In Russian).
4. Nikolaeva E. V., Biryukova E. A. Research of digital transformation processes of mining and metallurgical companies of the Russian Federation. *π-Economy*. 2023;16(2):24–36. (In Russian).

5. Романова О. А., Сиротин Д. В. Цифровизация производственных процессов в металлургии: тенденции и методы измерения // Известия Уральского государственного горного университета. 2021. № 3. С. 136–148. DOI 10.21440/2307-2091-2021-3-136-148.
6. Nwaila G. T., Frimmel H. E., Ghorbani Y. The minerals industry in the era of digital transition: An energy-efficient and environmentally conscious approach. *Resources Policy*. 2022;78:102851.
7. Северсталь. URL: <https://severstal.com/rus/> (дата обращения: 19.07.2023).
8. Plakhotnikova M., Anisimov A., Kulachinskaya A. et al. The impact of digitalization of the economy on the development of enterprises in the Arctic. *E3S Web of Conferences*. 2020;220:01041.
9. Yibo J., Jingqin S., Li C. et al. Platform business model innovation in the digitalization era: A “driver-process-result” perspective. *Journal of Business Research*. 2023;160:113818.
10. Fischer M., Imgrund F., Janiesch C. et al. Strategy archetypes for digital transformation: Defining meta objectives using business process. *Information & Management*. 2020;57(5):103262.
11. Черкасова В. А., Слепушенко Г. А. Влияние цифровизации бизнеса на финансовые показатели российских компаний // Финансы: теория и практика. 2021. Т. 25, № 2. С. 128–142.
12. Плахотникова М. А., Вертакова Ю. В. Современные тенденции трансформации стратегического управления инновационно-промышленными кластерами // Теория и практика сервиса: экономика, социальная сфера, технологии. 2021. № 1. С. 5–10.
13. Металлургическая отрасль в России: крупнейшие производители стали. URL: <https://delprof.ru/press-center/open-analytics/metallurgicheskaya-otrasl-v-rossii-krupneyshie-proizvoditeli-stali/> (дата обращения: 19.07.2023).
14. Broccardo L., Zicari A., Jabeen F. How digitalization supports a sustainable business model: A literature review. *Technological Forecasting and Social Change*. 2022;187:122146.
5. Romanova O. A., Sirotin D. V. Digitalization of production processes in metallurgy: Trends and measurement methods. *News of the Ural State Mining University*. 2021;(3):136–148. DOI 10.21440/2307-2091-2021-3-136-148. (In Russian).
6. Nwaila G. T., Frimmel H. E., Ghorbani Y. The minerals industry in the era of digital transition: An energy-efficient and environmentally conscious approach. *Resources Policy*. 2022;78:102851.
7. Severstal. URL: <https://severstal.com/rus/> (accessed: 19.07.2023). (In Russian).
8. Plakhotnikova M., Anisimov A., Kulachinskaya A. et al. The impact of digitalization of the economy on the development of enterprises in the Arctic. *E3S Web of Conferences*. 2020;220:01041.
9. Yibo J., Jingqin S., Li C. et al. Platform business model innovation in the digitalization era: A “driver-process-result” perspective. *Journal of Business Research*. 2023;160:113818.
10. Fischer M., Imgrund F., Janiesch C. et al. Strategy archetypes for digital transformation: Defining meta objectives using business process. *Information & Management*. 2020;57(5):103262.
11. Cherkasova V. A., Slepushenko G. A. The impact of digitalization on the financial performance of Russian companies. *Finance: Theory and Practice*. 2021;25(2):128–142. (In Russian).
12. Plakhotnikova M. A., Vertakova Yu. V. Modern trends of the strategic management transformation in the innovation and industrial clusters. *Teoriia i praktika servisa: ekonomika, sotsialnaia sfera, tekhnologii*. 2021;(1):5–10. (In Russian).
13. Metallurgicheskaya otasl v Rossii: krupneishie proizvoditeli stali. URL: <https://delprof.ru/press-center/open-analytics/metallurgicheskaya-otrasl-v-rossii-krupneyshie-proizvoditeli-stali/> (accessed: 19.07.2023). (In Russian).
14. Broccardo L., Zicari A., Jabeen F. How digitalization supports a sustainable business model: A literature review. *Technological Forecasting and Social Change*. 2022;187:122146.

Информация об авторах

А. Ю. Анисимов – кандидат экономических наук, доцент, заместитель директора по учебно-методической работе.

М. А. Плахотникова – кандидат экономических наук, доцент, ведущий специалист.

А. А. Грабский – доктор технических наук, профессор.

Information about the authors

A. Yu. Anisimov – Candidate of Sciences (Economics), Docent, Deputy Director for Educational and Methodological Work.

M. A. Plakhotnikova – Candidate of Sciences (Economics), Docent, Leading Specialist.

A. A. Grabsky – Doctor of Sciences (Engineering), Professor.

Научная статья
УДК 323.3:331.108
DOI 10.35266/2949-3455-2023-4-2

ОЦЕНКА ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СПЕЦИАЛИСТОВ, ОТВЕТСТВЕННЫХ ЗА РЕАЛИЗАЦИЮ МОЛОДЕЖНОЙ ПОЛИТИКИ НА МУНИЦИПАЛЬНОМ УРОВНЕ (НА ПРИМЕРЕ ПСКОВСКОЙ ОБЛАСТИ)

**Ирина Анатольевна Дагаева^{1✉}, Ольга Сергеевна Феоктистова²,
Алла Владимировна Проскурина³**

^{1, 2, 3} Псковский государственный университет, Псков, Россия

¹ degava@mail.ru ✉, <https://orcid.org/0000-0003-4006-1556>

² olisfeon@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9935-353X>

³ prosaav00@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2347-1599>

Аннотация. Авторами работы предпринята попытка исследования отдельных аспектов кадрового обеспечения сферы молодежной политики в муниципалитетах Псковской области, а именно выполнен сравнительный анализ профильных структур молодежной политики на муниципальном уровне в Псковской и Новгородской областях, проведен опрос специалистов, ответственных за работу с молодежью на муниципальном уровне Псковской области. Опрос проводился путем анкетирования с помощью Яндекс-формы. В нем приняли участие 26 специалистов, ответственных за реализацию молодежной политики из всех муниципальных образований Псковской области, которым было предложено оценить уровень своего профессионализма на основе перечня знаний и умений в соответствии с профессиональным стандартом «Специалист по работе с молодежью». Выводы по опросу позволили определить дефициты в знаниях и умениях специалистов по работе с молодежью, выявить потребности в развитии профессиональных компетенций, использовать полученные результаты для разработки программ повышения квалификации образовательными организациями, реализующими программы дополнительного профессионального образования.

Ключевые слова: молодежная политика, кадровое обеспечение молодежной политики, специалист по работе с молодежью, профессиональные компетенции, полномочия органов местного самоуправления, муниципалитет

Для цитирования: Дагаева И. А., Феоктистова О. С., Проскурина А. В. Оценка профессиональной деятельности специалистов, ответственных за реализацию молодежной политики на муниципальном уровне (на примере Псковской области) // Вестник Сургутского государственного университета. 2023. Т. 11, № 4. С. 16–26. DOI 10.35266/2949-3455-2023-4-2.

Original article

EVALUATING THE PERFORMANCE OF YOUTH POLICY WORKERS IN MUNICIPALITIES (THE PSKOV REGION CASE)

Irina A. Dagaeva^{1✉}, Olga S. Feoktistova², Alla V. Proskurina³

^{1, 2, 3} Pskov State University, Pskov, Russia

¹ degava@mail.ru ✉, <https://orcid.org/0000-0003-4006-1556>

² olisfeon@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9935-353X>

³ prosaav00@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2347-1599>

Abstract. The authors attempt to study certain aspects of youth policy staffing in the municipal bodies of the Pskov Region. Specifically, the authors conducted the comparative analysis of the youth policy

structures in municipalities of the Pskov and Novgorod Regions and interviewed youth policy workers at the municipal level in the Pskov Region. The questionnaire was conducted via the Yandex-form. 26 youth workers from all the Pskov Region municipal bodies participated in the questionnaire. They were offered to evaluate the level of their expertise according to the list of knowledge and skills in compliance with the professional standard “Youth Worker”. The findings obtained via questionnaire revealed the lack of knowledge and skills among youth workers and the necessity in developing professional competencies. These results were used to design an advanced training programs for continuing professional education institutions.

Keywords: youth policy, youth policy staffing, youth worker, expertise, authority of self-government bodies, municipality

For citation: Dagaeva I. A., Feoktistova O. S., Proskurina A. V. Evaluating the performance of youth policy workers in municipalities (the Pskov Region case). *Surgut State University Journal*. 2023;11(4):16–26. DOI 10.35266/2949-3455-2023-4-2.

ВВЕДЕНИЕ

Государственная молодежная политика (далее – ГМП) является одним из приоритетных направлений деятельности государства в РФ, что обусловлено пониманием роли молодежи для настоящего и будущего развития страны. На повышенное внимание государства к вопросам молодежной политики (далее – МП) указывает в последнее время и развитие ее нормативно-правовой базы. Так, в ст. 72 Конституции Российской Федерации в 2020 г. введен пункт, определяющий МП предметом совместного ведения РФ и субъектов РФ [1]. В этом же году принят федеральный закон о молодежной политике, в котором обозначены полномочия федеральных, региональных органов государственной власти и органов местного самоуправления в сфере МП [2].

Очевидно, что эффективность реализации МП на всех уровнях во многом зависит от ее кадрового обеспечения. Однако вопрос кадрового обеспечения МП в РФ остается актуальным для государства и научной общественности. Можно выделить несколько аспектов данной проблемы, возможные варианты решения которой обсуждаются в научных исследованиях. Во-первых, остро стоит проблема дефицита кадров в сфере МП. Так, Е. В. Андрушина отмечает, что в основном сотрудниками молодежной сферы являются педагоги, психологи, социальные работники, в то время как существует потребность в специалистах более узкого профиля, которые обеспечивали бы развитие творческого, интеллектуального, инновационного потенциала молодых

людей [3, с. 275]. А. Ю. Кретов указывает на наличие разрыва между кадровым и технологическим обеспечением МП, подчеркивая неспособность существующих программ переподготовки и повышения квалификации его преодолеть [4, с. 108].

В ряде исследований акцентируется внимание на необходимости постоянного развития компетенций сотрудников молодежной сферы, систематического повышения квалификации специалистов по работе с молодежью. Н. Н. Пушкарева указывает еще на одну принципиально важную проблему, а именно на дефицит квалифицированных кадров в системе образования и, что особенно важно, низкий уровень взаимодействия вузов, обучающих специалистов по работе с молодежью, работодателями [5, с. 30]. Д. Е. Грибов предлагает модель кадрового обеспечения ГМП, где в качестве элементов обозначены подготовка, переобучение и повышение квалификации сотрудников, ответственных за реализацию МП, оценка качества деятельности и аттестация сотрудников, а также методы управления в учреждении молодежной сферы [6]. М. В. Езопов в своей работе особо подчеркивает необходимость разработки системы оценки профессиональных компетенций кадров, работающих с молодежью, на основе проведения их диагностики с применением современных технологий, и на этой основе проведение конкурсного замещения вакантных должностей в органах МП [7, с. 517].

В 2018 г. был утвержден Федеральный государственный образовательный стандарт

высшего образования (далее – ФГОС ВО) по направлению подготовки 39.03.03 Организация работы с молодежью. Он разработан с участием ведущих отечественных ученых Т. К. Ростовской и соавт., которые отметили, что отличительной чертой профессиональной деятельности специалиста по работе с молодежью являются умение гибко и оперативно адаптировать теоретические положения к требованиям практики, умение самостоятельно вести поиск, анализ и оценку профессиональной информации. Это предполагает определенный уровень наукоемкости профессии [8, с. 57]. Приказом Министерства труда и социальной защиты РФ от 12.02.2020 № 59н утвержден профессиональный стандарт «Специалист по работе с молодежью», который определяет перечень трудовых функций, а также необходимые знания и умения для их реализации.

Однако приходится констатировать, что, с одной стороны, государство прилагает значительные усилия по развитию и актуализации нормативно-правовой базы МП, включая совершенствование требований как к квалификации специалистов, так и положениям ФГОС ВО по данному направлению, с другой стороны, ситуация с кадрами в сфере МП принципиально не меняется. Особую актуальность данная проблема приобретает на муниципальном уровне, что связано, в свою очередь, с ресурсными возможностями, на что обращают внимание К. В. Подъячевой, И. А. Халий, Е. И. Войтенко, К. Ю. Конова и др. Они отмечают проблемы острой нехватки кадров в сфере МП (особенно на уровне районов), ухудшения ситуации с кадрами в будущем [9, с. 271], отсутствия необходимой профессиональной квалификации и практического опыта у сотрудников МП на муниципальном уровне, несоответствия количественного состава сотрудников в сфере МП и масштабов и характера решаемых задач, масштабов и темпов социальных перемен [10].

Федеральный закон о молодежной политике 2020 г. наделил органы местного самоуправ-

ления такими полномочиями, как организация и проведение мероприятий по работе с молодежью на территории муниципального образования (далее – МО), разработка и реализация муниципальных программ, мониторинг реализации МП на территории МО и др. По нашему мнению, в современных исследованиях не в полной мере раскрыты вопросы, посвященные оценке потенциала реализации данных полномочий, в частности вопросы, связанные с оценкой потребности в профессиональных компетенциях сотрудников молодежной сферы на уровне МО.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ

Согласно законодательству, специалист по работе с молодежью должен иметь соответствующую профессиональную квалификацию и осуществлять свою деятельность в инфраструктуре МП. В свою очередь, инфраструктура МП представляет собой систему, включающую государственные и муниципальные организации, а также иные юридические лица, независимо от организационно-правовых форм, деятельность которых направлена на улучшение социально-экономического положения и развитие молодежи, молодых семей, молодежных общественных объединений.

В каждом регионе имеют место особенности формирования и функционирования профильной инфраструктуры МП на уровне МО, обусловленные объективными обстоятельствами, в первую очередь, кадровым обеспечением и ресурсными возможностями соответствующего МО. Это наглядно демонстрируют данные двух регионов – Псковской и Новгородской областей, где наблюдаются различия в построении профильных структур, отвечающих за реализацию МП.

Анализируя статистику молодежи в исследуемых регионах, стоит отметить незначительное ежегодное снижение численности молодых людей, что соответствует общероссийской тенденции (рис. 1) [11].

Рис. 1. Динамика численности населения в возрасте от 14 до 35 лет в Псковской и Новгородской областях на 1 января 2023 г., чел.

Примечание: составлено авторами по [11].

Тревожным фактом является незначительное снижение доли молодого населения в стране

в общей численности населения в целом, так и в анализируемых регионах (рис. 2).

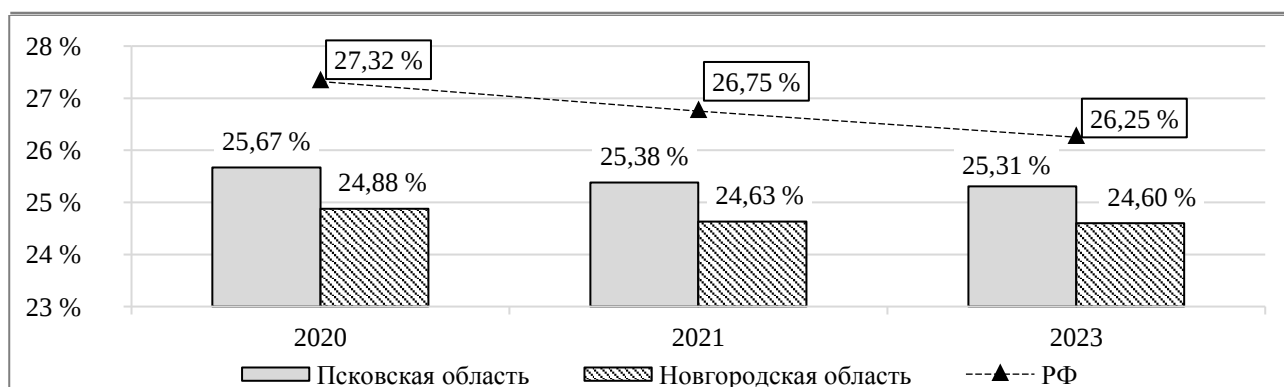

Рис. 2. Доля численности молодежи в общей численности населения на 1 января 2023 г. года, в %

Примечание: составлено авторами по [11].

В Псковской области больше всего молодежи сосредоточено в городских округах Псков и Великие Луки. Из 26 МО в 17 (65,39 %) население в возрасте от 14 до 35 лет составляет менее 3 тыс. чел. В более чем половине муниципальных районов доля молодого населения составляет в среднем от 20 до 25 %, в восьми муниципальных районах – менее 20 % от общей численности населения.

За реализацию МП на муниципальном уровне в Псковской области отвечают как начальники, специалисты и консультанты отделов и комитетов местных администраций, так и руководители и специалисты учреждений культуры и досуга, молодежных центров, муниципальных учреждений дополнительного образования. На муниципальном уровне в Псковской области сферу МП объединяют с такими сферами, как культура, спорт,

туризм (38,4 % МО), образование (7,7 %), социальная политика (3,8 %), проектная деятельность (3,8 %).

В половине из 26 МО (50 %) специалисты, ответственные за работу с молодежью, осуществляют свою деятельность в различных учреждениях, включая центры досуга, дома культуры, молодежные центры и другие структуры, и не являются муниципальными служащими. Для сравнения, в соседней Новгородской области вопросами реализации МП на муниципальном уровне занимаются исключительно муниципальные служащие, из которых 81,8 % являются руководителями структурных подразделений местных администраций, 18 % – заместителями руководителей. При этом из 22 МО Новгородской области в половине из них МП объединена с такой сферой, как культура и спорт, в 40,9 % –

с образованием, и в 4,5 % – с социальной политикой.

Для замещения должности муниципальной службы требуется соответствие квалификационным требованиям, в том числе к знаниям и умениям, которые необходимы для исполнения должностных обязанностей. Если для муниципальных служащих оценка профессиональной деятельности ч. 1 ст. 18 Федерального закона № 25-ФЗ предусмотрена в рамках обязательной процедуры аттестации, то для лиц, не являющихся муниципальными служащими, такая оценка не проводится. В этих условиях провести первоначальную оценку профессиональной деятельности специалистов по работе с молодежью предлагается на основе опроса. Опросом были охвачены 26 специалистов, отвечающих за работу с молодежью, из всех МО Псковской области. Респондентам было предложено провести самооценку своего профессионального уровня на основе перечня знаний и умений, определенного профессиональным стандартом «Специалист по работе с молодежью».

Объектом исследования настоящей работы выступает профессиональная деятельность специалистов, ответственных за работу с молодежью на муниципальном уровне (на примере Псковской области). Предметом иссле-

дования являются дефициты знаний и умений муниципальных служащих и других лиц, ответственных за работу с молодежью.

В рамках исследования была определена следующая рабочая гипотеза: при осуществлении профессиональной деятельности специалистами, ответственными за реализацию МП, имеют место быть дефициты определенных знаний и умений, обусловленные многообразием направлений деятельности, ее спецификой, а также динамикой изменений, происходящих во всех сферах жизнедеятельности общества (общественно-политической, экономической, культурной, научной и других сферах), что требует постоянного обновления профессиональной базы знаний.

РЕЗУЛЬТАТЫ И ИХ ОБСУЖДЕНИЕ

Результаты опроса позволили выделить основные характеристики специалистов по работе с молодежью в МО Псковской области: половина опрошенных респондентов (13 чел.) являются муниципальными служащими, 21 чел. (81 %) составляют женщины, 5 чел. (19 %) – мужчины, из которых 4 чел. (16,4 %) относятся к муниципальным служащим.

Возрастной состав лиц, осуществляющих работу с молодежью в муниципальных образованиях Псковской области, представлен на рис. 3.

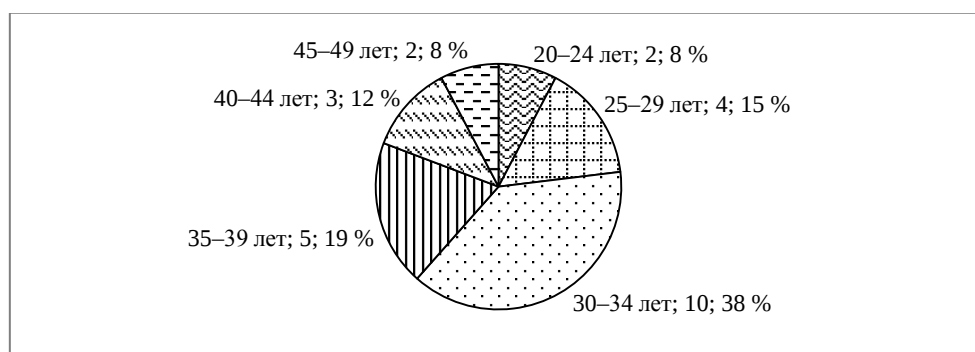

Рис. 3. Распределение респондентов по возрасту

Примечание: составлено авторами на основании данных, полученных в исследовании.

Для большинства лиц, которые ведут работу с детьми и молодежью, характерно наличие высшего образования (суммарно 54 % респондентов, где по 27 % – бакалавриат и специалитет), доля респондентов, имеющих среднее профессиональное образование, составляет 38 %, по 4 % приходится на респондентов, закончивших магистратуру и аспирантуру.

«Организацию и осуществление мероприятий по работе с детьми и молодежью» как основной вид деятельности указали 92 % респондентов обеих групп.

Анализ результатов опроса относительно двух групп респондентов (муниципальных служащих и лиц, которые не являются муниципальными служащими, но осуществляют

работу с детьми и молодежью на муниципальном уровне) позволил сделать следующие выводы.

Муниципальные служащие приоритетом в деятельности считают «разработку планов и программ по организации мероприятий в сфере МП» и «организацию различных форм мероприятий по основным направлениям МП» (92 %). Далее следует «организация и проведение физкультурно-спортивных и оздоровительных мероприятий» (69 %), «проведение мониторинговых исследований с выявлением проблем в сфере МП» и «проведение информационных кампаний в социальных СМИ» (54 % в каждом из направлений деятельности).

Лица, не являющиеся муниципальными служащими, но осуществляющие работу с молодежью в большей степени, чем муниципальные служащие, работают по вопросам консультирования молодых граждан (в том числе с целью содействия их самореализации, развитию инновационной, предпринимательской, добровольческой деятельности),

что составило 46 % против 38 %. Вопросам разработки новых форм и методов организации работы с подростками и молодежью уделяют внимание 54 % респондентов. Вопросами оказания адресной помощи молодежи, а также молодежи, нуждающейся в особой заботе государства, занимаются 23 % респондентов данной категории. Организацией дополнительного профессионального образования работников, ответственных за реализацию мероприятий в сфере МП, занимаются 23 % респондентов, организацией деятельности специализированных (профильных) лагерей – 15 % респондентов.

Всего по 4 чел. из каждой исследуемой группы отметили такое направление, как «мониторинг удовлетворенности молодежи качеством предоставленных услуг», в своей профессиональной деятельности. Еще меньше внимания уделяется вопросам ресурсного обеспечения для реализации задач подразделения, ответственного за работу с молодежью, и отдельных специалистов в сфере МП. Сводные данные представлены на рис. 4.

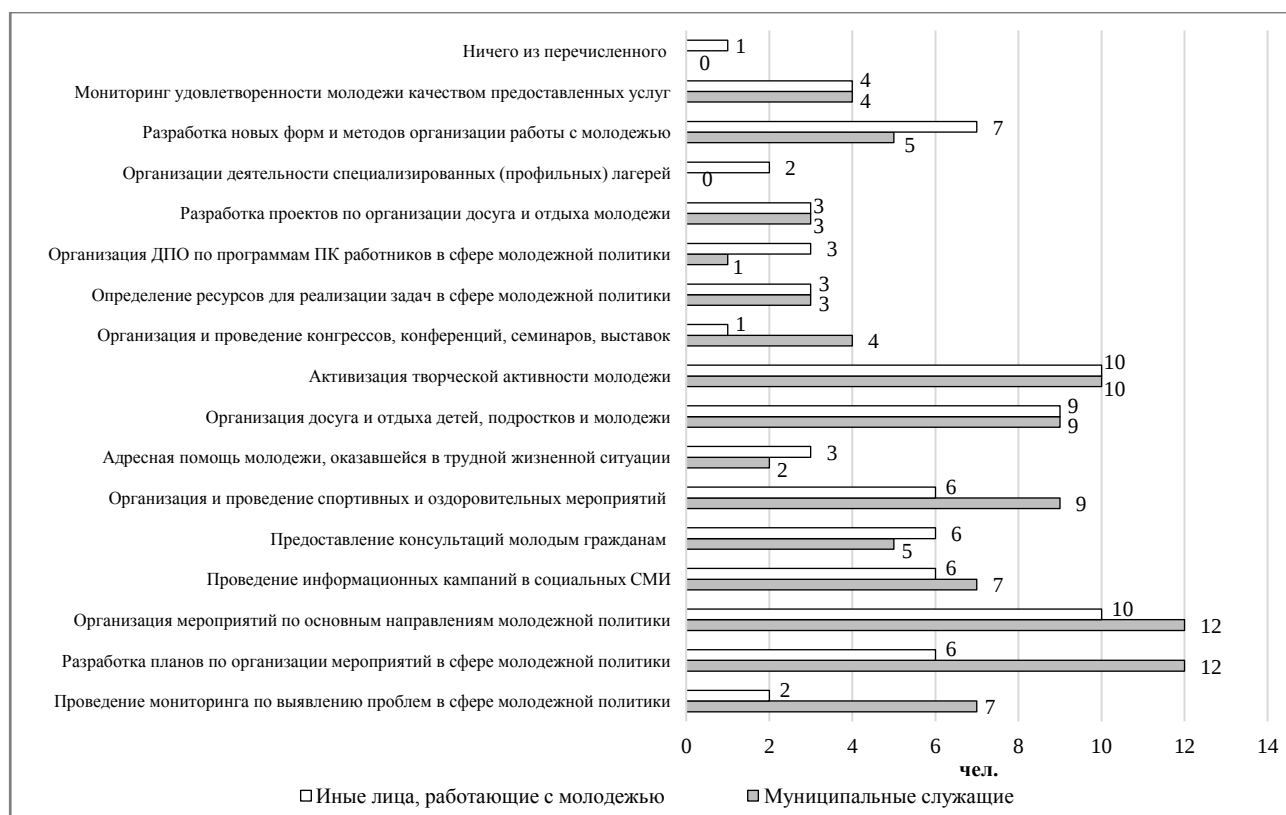

Рис. 4. Направления деятельности муниципальных служащих и лиц, работающих с детьми и молодежью на муниципальном уровне

Примечание: составлено авторами на основании данных, полученных в исследовании.

Анализ ответов на вопрос по самооценке респондентами дефицита знаний для успешной реализации профессиональной деятельности показал следующие результаты (рис. 5, 6).

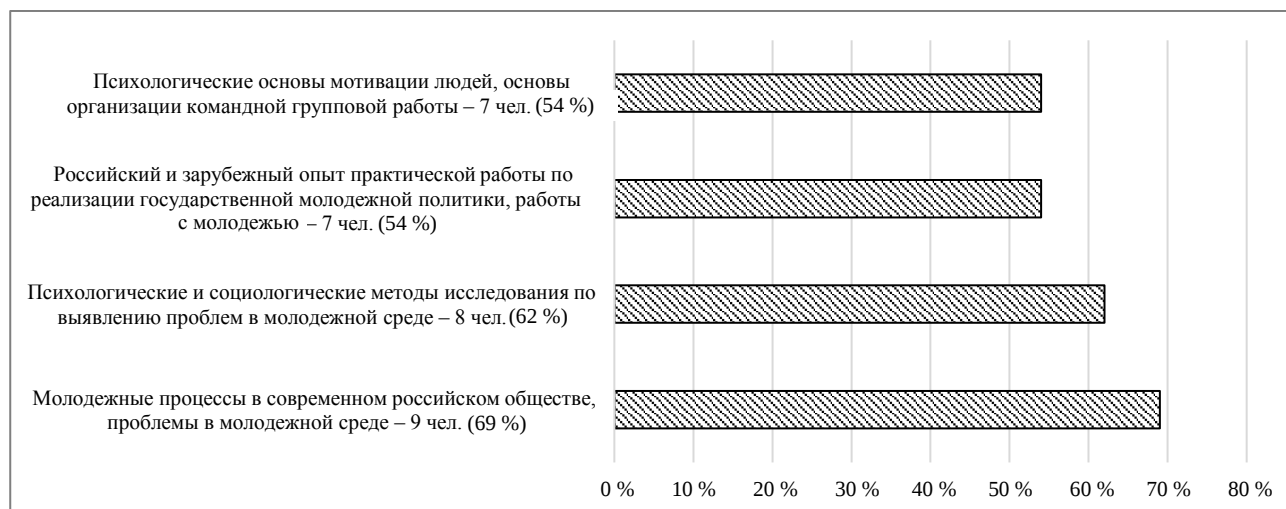

Рис. 5. Перечень дефицитов знаний муниципальных служащих в работе с молодежью
 Примечание: составлено авторами на основании данных, полученных в исследовании.

Полученные данные говорят о том, что муниципальные служащие не обладают знаниями о молодежной среде, о методах исследований молодежной сферы, не обмениваются опытом

реализации МП как в России, так и за рубежом, а также не знают основ мотивации и групповой работы.

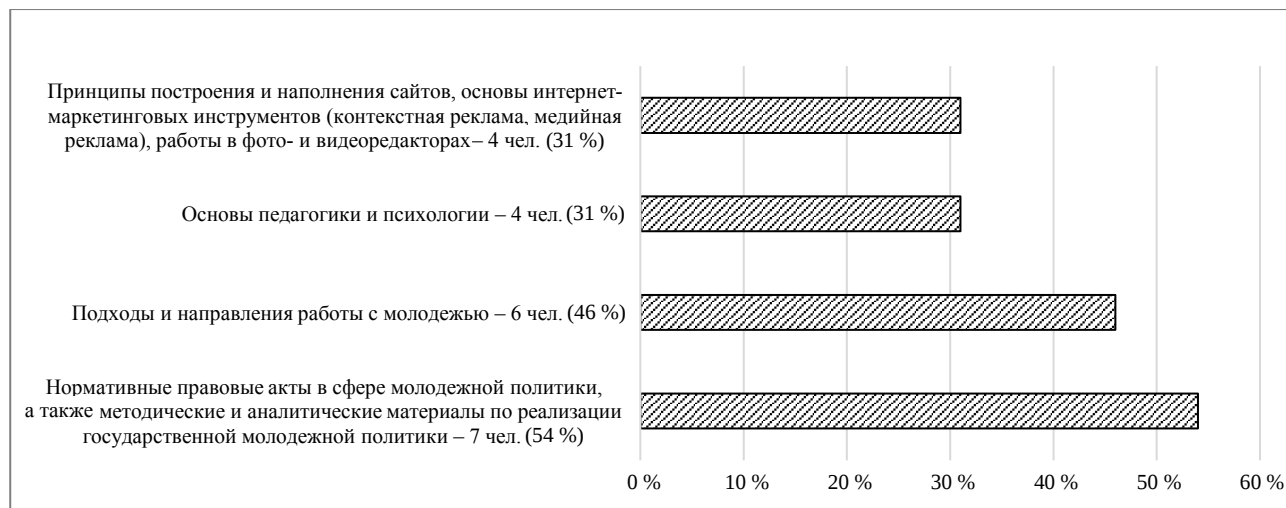

Рис. 6. Перечень дефицитов знаний иных лиц, осуществляющих работу с молодежью
 Примечание: составлено авторами на основании данных, полученных в исследовании.

Данные о дефицитах знаний лиц, не являющихся муниципальными служащими, говорят, что им не хватает знаний нормативно-правовой базы по реализации ГМП, о том, как работать с молодежью с педагогической и психологической точки зрения, а также как выстраивать и наполнять взаимодействие

с молодежью посредством Интернета и через другие инструменты взаимодействия.

Анализ ответов на вопрос о дефиците умений показал, что муниципальные служащие ощущают потребность в повышении навыков работы в вопросах, перечень которых представлен на рис. 7.

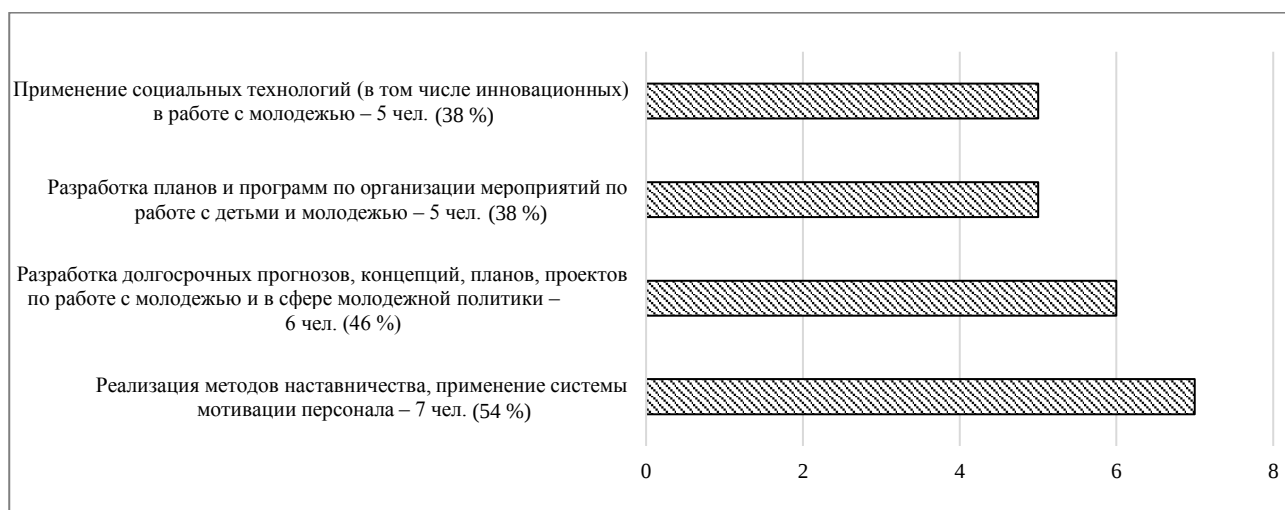

Рис. 7. Перечень дефицитов умений муниципальных служащих в работе с молодежью

Примечание: составлено авторами на основании данных, полученных в исследовании.

Лица, не являющиеся муниципальными служащими, но осуществляющие работу с детьми и молодежью, выделили дефициты навы-

ков в своей работе, которые представлены на рис. 8.

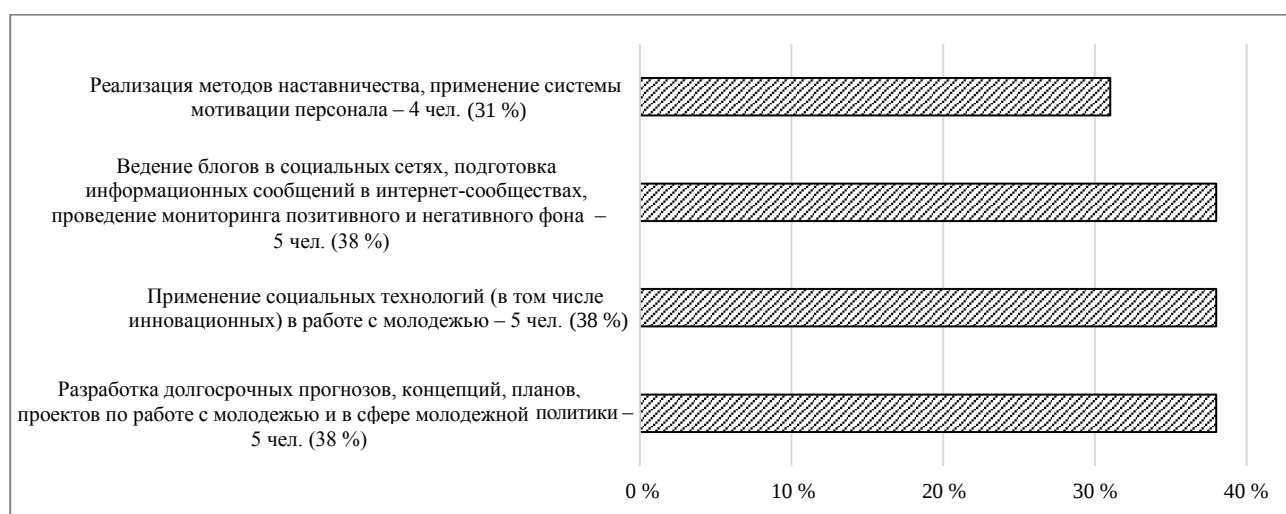

Рис. 8. Перечень дефицитов умений иных лиц, осуществляющих работу с молодежью

Примечание: составлено авторами на основании данных, полученных в исследовании.

Лица, не являющиеся муниципальными служащими, в меньшей степени признают свои профессиональные дефициты. Муниципальных служащих интересуют навыки разработки документов по составлению прогнозов, планов, концепций по работе с молодежью.

Обе исследуемые группы указали на интерес по реализации наставничества и повышению мотивации персонала, который обозна-

чили разные возрастные категории, что дает основания предположить возникновение насущной потребности в методической помощи по этому вопросу.

Полученные данные о том, какие области знаний нужно изучать специалисту по работе с молодежью для повышения эффективности своей деятельности, отображены на рис. 9.

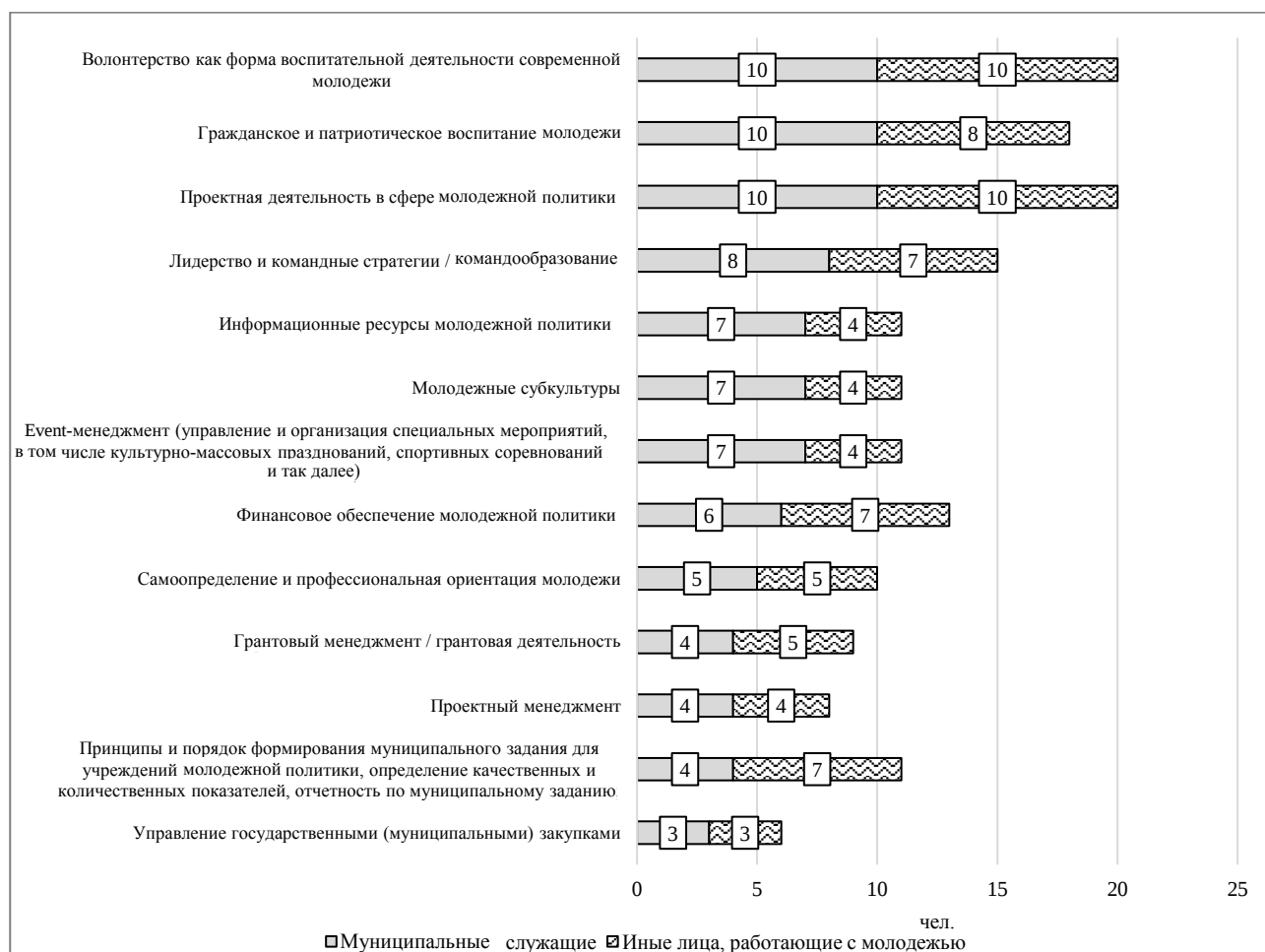

Рис. 9. Области знаний, необходимых для специалиста по работе с молодежью
Примечание: составлено авторами на основании данных, полученных в исследовании.

Помимо изучения процессов волонтерства и проектной деятельности респонденты заинтересованы в освоении практиками воспитания патриотизма и гражданственности российской молодежи. Исследование принципов командной работы, лидерства и финансового обеспечения реализации МП занимает важное место в сфере работы с молодежью. Следует обратить внимание, что более половины респондентов из лиц, не являющимися муниципальными служащими, изъявили желание разобраться в том, как формируется муниципальное задание для учреждений МП, как определяются качественные и количественные показатели и отчетность по муниципальному заданию.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Особенностью реализации МП на муниципальном уровне Псковской области является

то, что профессиональная деятельность специалистов, ответственных за работу с молодежью, осуществляется как в рамках муниципальной службы, так и вне ее. Сфера профессиональной деятельности обеих категорий практически идентична. Это обстоятельство определяет некоторые сложности в организации процедуры оценки профессионального уровня специалистов, ответственных за работу с молодежью. Исследование показало, что специалисты, ответственные за работу с молодежью на муниципальном уровне, реализуют практически все трудовые функции в соответствии с профессиональным стандартом «Специалист по работе с молодежью». Как муниципальные служащие, так и лица, не являющиеся ими, испытывают дефицит знаний и умений, необходимых для реализации трудовых функций, что подтверждает сформулированную авторами гипотезу.

Сотрудники, ответственные за реализацию МП, испытывают дефицит знаний в таких вопросах, как «молодежные процессы в современном российском обществе, проблемы в молодежной среде», «психологические и социологические методы исследования по выявлению проблем в молодежной среде», «нормативные правовые акты в сфере МП», а также «методические и аналитические материалы по реализации ГМП» и др. Ощущается потребность в освоении навыков работы в таких вопросах, как «разработка долгосрочных прогнозов, концепций, планов, проектов по работе с молодежью и в сфере МП», «разработка планов и программ по организации мероприятий по работе с детьми и молодежью, в том числе гражданскому и патриотическому, толерантному воспитанию молодежи, формированию правовых, культурных и нравственных ценностей среди молодежи», «применение социальных технологий в работе с молодежью».

Все это свидетельствует о необходимости, во-первых, организации мониторинга ситуации с обеспечением кадрами, их подготовкой для работы с молодежью на муниципальном уровне, во-вторых, организацией повышения квалификации специалистов, ответственных за работу с молодежью. Актуальным видится вопрос о формировании эффективной системы мониторинга, целью которого должна стать комплексная оценка профессиональной деятельности сотрудников, ответственных за реализацию МП, выявление потребностей специалистов в соответствующих знаниях и умениях. Комплексная оценка профессиональной деятельности специалистов по работе с молодежью, исходя из сложившейся си-

туации, может проводиться в несколько этапов, первым из которых видится самооценка специалиста, которая в большей степени мотивирует сотрудников на возможность дальнейшего профессионального развития. Формат исследования профессиональной деятельности не должен ограничиваться исключительно общими требованиями, в том числе профессионального стандарта, а учитывая динамичное изменение внешних условий реализации МП, может включать оценку потребности в дополнительных знаниях, необходимых для эффективной реализации профессиональной деятельности специалистов по работе с молодежью. Во время исследования специалисты отметили потребность в таких областях, как лидерство и командные стратегии, командообразование, проектный менеджмент, технологии поддержки и сопровождения, Event-менеджмент, управление государственными (муниципальными) закупками, грантовый менеджмент, молодежные субкультуры и др.

Целесообразно также более активное включение региональных вузов в организацию ресурсных центров для переподготовки и повышения квалификации кадров в сфере МП, деятельность которых направлена на выявление потребностей в профессиональных компетенциях действующих специалистов по работе с молодежью, организацию соответствующих программ повышения квалификации. Необходимо использовать не только собственные ресурсы, но и привлекать специалистов по работе с молодежью, готовых к сотрудничеству, изучая лучшие практики на муниципальном уровне.

Список источников

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Рос. газ. 2020. 4 июля. № 144. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
2. О молодежной политике в Российской Федерации : федеральный закон от 30.12.2020 № 489-ФЗ. Доступ из СПС «Гарант».
3. Андрюшина Е. В. Государственная молодежная политика в российском обществе: этапы, основные направления, показатели результативности //

References

1. Constitution of the Russian Federation (adopted by the popular vote on December 12, 1993, with additions approved by the all-Russian vote on July 1, 2020). Russian Newspaper. 2020. July 4. No. 144. Accessed through Law assistance system "Consultant Plus". (In Russian).
2. Federal Law of December 30, 2020 No. 489-FZ "On Youth Policy in the Russian Federation". Accessed through Law assistance system "Garant". (In Russian).
3. Andryushina E. V. State youth policy in Russia: Evolution, main directions, performance indicators.

- Государственное управление. Электронный вестник. 2018. № 67. С. 269–281.
4. Кретов А. Ю. Механизмы государственной молодежной политики в Российской Федерации: проблемы практической реализации // Вестник Поволжского института управления. 2019. Т. 19, № 6. С. 101–112. DOI 10.22394/1682-2358-2019-6-101-112.
 5. Пушкарева Н. Н., Баишева Л. Э. Формирование кадрового потенциала в реализации государственной молодежной политики Российской Федерации // Sociologie Člověka. 2020. № 1–2. С. 28–34.
 6. Грибов Д. Е. Формирование модели эффективного кадрового обеспечения в сфере молодежной политики // Управленческий учет. 2021. № 11–1. С. 192–201. DOI 10.25806/uu11-12021192-201.
 7. Езопов М. В., Дьяков Д. И. Подготовка квалифицированных кадров для реализации современной модели молодежной политики // Московский экономический журнал. 2021. № 12. С. 512–525. DOI 10.24412/2413-046X-2021-10731.
 8. Ростовская Т. К., Фомина С. Н. «Три кита» управления государственной молодежной политикой в современной России. В 3-х т. Т. 3. Кадровое обеспечение реализации государственной молодежной политики : моногр. М. : РГСУ, 2017. 184 с.
 9. Подъячев К. В., Халий И. А. Государственная молодежная политика в современной России: концепт и реалии // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. 2020. Т. 20, № 2. С. 263–276. DOI 10.22363/2313-2272-2020-20-2-263-276.
 10. Войтенко Е. И., Коновалова К. Ю. Теоретические аспекты осуществления молодежной политики на территории муниципального образования // Научные известия. 2019. № 17. С. 31–39.
 11. Численность населения Российской Федерации по полу и возрасту // Федеральная служба государственной статистики : офиц. сайт. URL: <https://rosstat.gov.ru/compendium/document/13284> (дата обращения: 03.08.2023).
 - Public Administration. E-Journal. 2018;(67):269–281. (In Russian).
 4. Kretov A. Yu. Mechanisms of state youth policy in the Russian Federation: Problems of implementation. *The Bulletin of the Volga Region Institute of Administration*. 2019;19(6):101–112. DOI 10.22394/1682-2358-2019-6-101-112. (In Russian).
 5. Pushkareva N. N., Baisheva L. E. Formation of personnel potential in the implementation of the state youth policy of the Russian Federation. *Sociologie Člověka*. 2020;(1–2):28–34. (In Russian).
 6. Gribov D. E. Formation of a model of effective human resources in the sphere of youth policy. *Managing Accounting*. 2021;(11–1):192–201. DOI 10.25806/uu11-12021192-201. (In Russian).
 7. Ezopov M. V., Dyakov D. I. Training of qualified personnel for implementation of a modern youth policy model. *Moscow Economic Journal*. 2021;(12):512–525. DOI 10.24412/2413-046X-2021-10731. (In Russian).
 8. Rostovskaya T. K., Fomina S. N. “Tri kita” upravleniia gosudarstvennoi molodezhnoi politikoi v sovremennoi Rossii. In 3 vols. Vol. 3. Kadrovoe obespechenie realizatsii gosudarstvennoi molodezhnoi politikoi. Monograph. Moscow: RSSU; 2017. 184 p. (In Russian).
 9. Podyachev K. V., Khaliy I. A. The state youth policy in contemporary Russia: Concept and realities. *RUDN Journal of Sociology*. 2020;20(2):263–276. DOI 10.22363/2313-2272-2020-20-2-263-276. (In Russian).
 10. Voitenko E. I., Konovalova K. Yu. Theoretical aspects of the implementation of youth policy in the territory of the municipality. *Nauchnye izvestiia*. 2019;(17):31–39. (In Russian).
 11. *Federal State Statistics Service*. Russian Federation population by sex and age. URL: <https://rosstat.gov.ru/compendium/document/13284> (accessed: 03.08.2023). (In Russian).

Информация об авторах

И. А. Дагаева – кандидат экономических наук, доцент.

О. С. Феоктистова – кандидат экономических наук, доцент.

А. В. Проскурина – кандидат исторических наук, доцент.

Information about the authors

I. A. Dagaeva – Candidate of Sciences (Economics), Docent.

O. S. Feoktistova – Candidate of Sciences (Economics), Docent.

A. V. Proskurina – Candidate of Sciences (History), Docent.

Научная статья

УДК 332.145

DOI 10.35266/2949-3455-2023-4-3

ПРИНЦИПЫ И АЛГОРИТМЫ СТРАТЕГИЧЕСКОГО ПЛАНИРОВАНИЯ МОДЕЛЬНОЙ СТРАТЕГИИ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ МУНИЦИПАЛИТЕТОВ ЮГРЫ

Егор Владимирович Заведеев

Сургутский государственный университет, Сургут, Россия

zavedeev@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1142-9841>

Аннотация. Для обеспечения сбалансированного и устойчивого долгосрочного развития всех территорий и отраслей экономики Российской Федерации в условиях разнообразных вызовов и сдерживающих факторов, придания происходящим процессам системного, планомерного характера во всех субъектах и муниципалитетах страны реализуется стратегическое планирование, разрабатываются нормативно-правовые и методические документы, регламентирующие и обеспечивающие этот процесс.

В Ханты-Мансийском автономном округе – Югре для обеспечения большей системности и научной обоснованности процессов разработки и обновления муниципальных стратегий было принято решение о формировании методического пособия (своеобразной Модельной стратегии социально-экономического развития муниципального образования), в котором были бы представлены общие рекомендации о содержании и порядке проведения работ по стратегическому планированию.

Предметом исследования выступают процессы стратегического планирования муниципальных образований, объектом исследования – содержание, алгоритмы и методики, рекомендуемые для разработки стратегических планов развития муниципальных образований Ханты-Мансийского автономного округа – Югры.

Ключевые слова: экономические системы, развитие муниципальной экономики, стратегическое планирование, модельная стратегия, устойчивое долгосрочное развитие, стратегия социально-экономического развития, современные проблемы, глобальные вызовы

Для цитирования: Заведеев Е. В. Принципы и алгоритмы стратегического планирования модельной стратегии социально-экономического развития муниципалитетов Югры // Вестник Сургутского государственного университета. 2023. Т. 11, № 4. С. 27–37. DOI 10.35266/2949-3455-2023-4-3.

Original article

PRINCIPLES AND ALGORITHMS OF STRATEGIC PLANNING OF A MODEL STRATEGY FOR SOCIAL AND ECONOMIC DEVELOPMENT OF UGRA'S MUNICIPALITIES

Egor V. Zavedeev

Surgut State University, Surgut, Russia

zavedeev@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1142-9841>

Abstract. Strategic planning is being implemented, and regulatory and legal, methodological documents are being developed in order to provide the balanced and sustainable long-term development of all the territories and economic sectors of the Russian Federation under various challenges and deterrents, and to ensure that these processes are systematic and sustainable in all of the country's constituent entities and municipalities.

A methodological manual (some kind of a Model Strategy for Social and Economic Development of Municipalities) containing general recommendations on the content and order of strategic planning is to be compiled in the Khanty-Mansi Autonomous Okrug – Ugra in order to provide a systematic and scientific substantiation of the processes of municipal strategy development and renewal.

The subject of the study is the processes of strategic planning of municipalities, and the object of the study is the content, algorithms and methods recommended for establishing strategic plans for the development of municipalities in the Khanty-Mansi Autonomous Okrug – Ugra.

Keywords: economic systems, development of municipal economy, strategic planning, model strategy, sustainable long-term development, strategy for social and economic development, modern problems, global challenges

For citation: Zavedeev E. V. Principles and algorithms of strategic planning of a model strategy for social and economic development of Ugra's municipalities. *Surgut State University Journal*. 2023;11(4):27–37. DOI 10.35266/2949-3455-2023-4-3.

ВВЕДЕНИЕ

Любая социально-экономическая система (город, регион, страна) в настоящее время функционирует в очень сложных высокостановочных условиях. На пути развития данных систем стоит большое количество глобальных вызовов, разнообразных по своей природе и характеру воздействия: климатическая повестка, регулярно возникающие экономические и финансовые кризисы, политическая нестабильность, различные факторы геополитического характера, а в последнее время и боевые действия. В условиях высокой степени взаимосвязанности всех мировых политических и экономических процессов указанные проблемы могут представлять непосредственную угрозу жизнеспособности и выживанию экономических систем любого назначения или уровня. Особенно все эти вызовы влияют на возможности обеспечения устойчивого долгосрочного развития государства в целом, регионов и муниципалитетов [1].

Для формирования системы противодействия центробежным силам, сдерживающим планомерное, сбалансированное и устойчивое долгосрочное развитие всех территорий и отраслей экономики страны, придания происходящим процессам системного, централизованного характера в 2014 г. был принят закон «О стратегическом планировании в Российской Федерации» (далее – ФЗ № 172).

В рамках вышеприведенного федерального закона система стратегического планирования РФ должна обеспечивать вертикальную и горизонтальную координацию стратегических целей, задач и приоритетов всех участников процессов долгосрочного, устойчивого социально-экономического развития (далее – СЭР) и дальнейшую декомпозицию сформу-

лированных целевых установок на все сферы экономики, уровни территориального управления. В результате стратегическое планирование на муниципальном уровне становится значимым элементом системы стратегического планирования страны в целом – стратегические цели и задачи развития каждого субъекта федерации должны быть ориентированы на достижение целей и приоритетов долгосрочного развития Российской Федерации, а цели и задачи муниципальных образований, в свою очередь, должны быть согласованы с целевыми установками регионального уровня (п. 1, ст. 5 и ст. 6, ФЗ № 172) [2].

В конце 2022 г. в Ханты-Мансийском автономном округе – Югре была актуализирована Стратегия социально-экономического развития с продлением сроков ее реализации до 2036 г. и ориентиром целевых установок до 2050 г. В данном документе была уточнена генеральная стратегическая цель долгосрочного развития автономного округа, скорректированы стратегические задачи и приоритеты, расширены и более тщательно проработаны направления достижения стратегических установок. По сути, был сформирован качественно новый стратегический документ, учитывающий произошедшие за последние пять лет изменения в нормативной документации и факторы новой глобальной реальности (COVID-19), изменения геополитической ситуации и пр.

Следующим этапом стратегического планирования в регионе являются корректировка и актуализация действующих Стратегий социально-экономического развития муниципальных образований Югры, а в некоторых муниципалитетах – и полный цикл работ по формированию таких документов.

Сегодня разработка типовых моделей стратегий регионов и муниципалитетов России – это важная и актуальная задача, ее решение необходимо осуществить в ближайшее время, что позволило бы сократить противоречия стратегического планирования в регионах, сделать более совершенной его методическую основу. При формировании таких модельных стратегий следует исходить из того, что единого образца стратегического документа для разных типов регионов и муниципалитетов быть не может. Необходима разработка моделей для разных типов регионов и муниципалитетов в зависимости от уровня их развития и особенностей функционирования [3].

Исходя из всего вышесказанного, для обеспечения более системного и научно-обоснованного характера процессов разработки и обновления муниципальных стратегий Департаментом экономического развития Правительства Ханты-Мансийского автономного округа – Югры было принято решение о формировании специального методического документа – Модельной стратегии социально-экономического развития муниципального образования (далее – МС СЭР МО), в которой были бы представлены общие рекомендации о порядке проведения работ по стратегическому планированию, общий типовой алгоритм этих работ, желательная структура и содержание разрабатываемых документов, общий перечень и полномочия участников стратегического планирования и пр.

Цель проведенного исследования – формирование МС СЭР МО Ханты-Мансийского автономного округа – Югры на основе изучения принципов, методов, алгоритмов, нормативного регулирования процессов стратегического планирования на разных уровнях. В статье отражены основные результаты проведенной работы, общие принципы и подходы к реализации процессов стратегического планирования в муниципалитетах региона.

В рамках темы научного исследования были проанализированы работы Ю. И. Бушневой, Ю. Н. Лапыгина, Д. В. Тулинова, А. В. Миненко, Б. С. Жихаревич, Н. А. Лебе-

девой, О. В. Русецкой, Т. К. Прибышина, А. Г. Атаева и пр. В ходе проведенного обзора были выявлены принципиальные положения, методы и подходы, которые необходимо учесть при разработке МС СЭР МО.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ

Основные методы проведенного исследования: изучение научной литературы, нормативно-правовой базы, статистических источников, публикаций о теории и практике стратегического планирования в СМИ и Интернете; выявление значимых факторов и тенденций развития муниципальных образований, их обобщение, систематизация и классификация на основе методов индукции, дедукции, анализа и синтеза.

РЕЗУЛЬТАТЫ И ИХ ОБСУЖДЕНИЕ

Стратегия СЭР города или муниципального района должна стать для соответствующего субъекта хозяйствования главным «рабочим инструментом», устанавливающим цели, задачи, направления, порядок и индикаторы достижения целей долгосрочного развития.

Стратегическое планирование муниципалитета должно быть направлено на обеспечение двух задач:

- определение направлений, конкретных путей рационального использования имеющихся у муниципалитета внутренних и доступных внешних ресурсов для выполнения программ, мероприятий, необходимых для решения задач, обусловленных стратегическими целями и задачами регионального, федерального уровня;
- определение наиболее значимых проблем и слабых сторон самого муниципалитета и разработка мер и программ, направленных на повышение эффективности его функционирования, устранение выявленных недостатков.

Формирование стратегической цели развития муниципалитета, его миссии, приоритетных целей и задач по направлениям его развития необходимо реализовывать путем глубокого анализа общественного мнения, мнения наиболее значимых стейкхолдеров, выявления сильных и слабых сторон, наибо-

лее существенных зон риска и возможностей развития МО. Все это необходимо осуществлять с учетом целей и задач, обозначенных в стратегических документах регионального и федерального уровней.

Важнейшими социально-экономическими характеристиками, которые должны быть учтены в процессе стратегического планирования, являются:

- развитость институциональной среды муниципального и регионального управления;
- общественные и социальные институты, уровень развития гражданского общества;
- структура населения, профессиональный состав трудовых ресурсов, уровень образования, демографическая ситуация;
- экономическая рациональность размещения, насыщенность территории, связанность с другими муниципальными образованиями;
- развитие муниципальной экономики, характеристики и уровень развития ее производственно-хозяйственного комплекса;
- составные элементы и факторы внешней среды (природно-климатические, географические, конкурентные – межрегиональные; конкурентные – межмуниципальные, рыночные и т. п.).

Необходимо согласиться с мнением Т. Г. Грищенко и А. А. Посольского о том, что предыдущий опыт стратегического планирования в муниципалитетах и «сам результат работы в значительной степени напоминали “игру в разработку стратегии”» [4]. Для продуктивного анализа и разработки качественных стратегий нужна универсальная методика их разработки.

В подавляющем большинстве муниципальных образований отсутствуют специально созданные подразделения по стратегическому развитию, которые могли бы осуществлять работу по формированию стратегии, а функциональное разделение труда работников исполнительной и законодательной власти не предусматривает полномочий по системной разработке стратегии у традиционно создаваемых подразделений. Квалификации у работников органов власти недостаточно, поскольку стратегии разрабатываются в лучшем случае раз в четыре года, а опыт, получен-

ный при предыдущей разработке, устаревает и забывается без его частого применения. В литературе присутствуют исследования, в которых процесс разработки стратегического плана МО скрыт за общими рассуждениями о выявлении проблем и установлении стратегических целей. Обилие статей и разнообразие подходов свидетельствуют о том, что интерес к методическому обеспечению стратегического планирования в МО велик, а методическое обеспечение отстает, стремясь адаптировать инструментарий, разработанный для бизнес-структур [5].

Исходя из вышесказанного, в общей концепции МС СЭР МО Ханты-Мансийского автономного округа – Югры были определены рекомендации относительно содержания и общего назначения разрабатываемого документа. Также указывалось, что МС должна ориентироваться на методические рекомендации по разработке и корректировке стратегии СЭР для субъектов РФ, сформулированные в Приказе Минэкономразвития России от 23.03.2017 № 132. В соответствии со всем вышесказанным в МС должны определяться следующие элементы стратегического планирования МО:

1. Примерная структура и перечень обязательных и локальных (обеспечивающих) разделов Стратегии с учетом особенностей жизнедеятельности и развития муниципальных образований Югры, содержание этих разделов и желательный перечень основных элементов.

2. Рекомендованный набор индикаторов, обеспечивающих возможность оценки достижения целей Стратегии развития МО как составной части автономного округа и участника системы его целей и приоритетов развития.

3. Рекомендации относительно проработки механизмов межмуниципального взаимодействия, затрагивающих развитие других муниципальных образований и региона в целом, пространственного развития территорий с учетом агломерационных процессов на данных территориях и их влияния на развитие муниципальных образований.

4. Порядок осуществления взаимодействия между участниками стратегического планиро-

вания, включая хозяйствующих субъектов, действующих на территории МО, и население.

5. Возможные алгоритмы и механизмы общественных обсуждений проектов стратегий развития (охват заинтересованных участников обсуждений, как обосновывающих материалов, так и самой стратегии, где на разных этапах могут быть различные участники).

6. Принципы формирования муниципальных программ по обеспечению достижения целей и задач, установленных в разрабатываемых стратегических документах.

7. Рекомендации относительно определения ресурсного обеспечения программных мероприятий Стратегий формируются с учетом действующих федеральных и региональных документов субъекта Федерации, в которые включено или может быть включено МО, а также предлагаемые проекты с прогнозными объемами финансирования.

8. Рекомендации по выработке целевых установок, направлений и инструментов по достижению устойчивого развития на основе рационального использования природных, производственных, трудовых, информационных и предпринимательских ресурсов, с учетом экономических, политических, территориальных, научно-технических, социальных, культурных и других факторов.

9. Принципы и механизмы пространственного развития муниципальных образований автономного округа, повышение рациональности использования территорий, сбалансированность пространственного, экономического, культурного и социального развития в долгосрочной перспективе, повышение места и роли муниципальных образований в развитии автономного округа в целом.

Указанные выше методические рекомендации содержат следующий перечень структурных элементов: положения документов стратегического планирования РФ; приоритеты, цели и задачи СЭР; описание целевого сценария; основные направления развития человеческого капитала и социальной сферы; кадровое обеспечение экономики и пр. Ука-

занные разделы должны быть объединены в четыре блока: аналитический, блок целеполагания, целевой сценарий, ресурсное обеспечение реализации стратегий [5].

В ходе анализа научных источников были сформулированы следующие ключевые принципы стратегического планирования муниципалитетов [6–10]:

1. Необходимость активизации работы по учету мнения всех заинтересованных сторон и населения МО, положений региональных стратегий. В этом случае документы реально могут стать долгосрочным инструментом достижения компромисса интересов основных стейкхолдеров территории.

2. К формулировке стратегии следует привлекать всех стейкхолдеров и общественность, а организацию процесса стратегического планирования поручать консультантам по управлению и организационному развитию.

3. Процесс формулирования стратегии должен быть реализован на базе стратегических целей, с применением творческого подхода и определения образа несуществующего, но желаемого будущего состояния МО.

4. Для комплексного учета влияния факторов внешней среды, определяющих перспективу развития МО с точки зрения возможностей и угроз, следует применять методы стратегического анализа, базирующиеся на результатах классического PEST-анализа и SWOT-анализа МО в разрезе федерального, регионального и межмуниципального уровней.

5. Стратегические решения, принимаемые относительно пространственного развития муниципалитета, должны учитывать повышение рациональности использования территорий автономного округа в целом, сбалансированность их экономического, культурного и социального развития в долгосрочной перспективе.

С учетом всего вышесказанного, в МС был предложен общий алгоритм стратегического планирования, состоящий из трех этапов (рис. 1–3):

Рис. 1. Этап I. Проведение комплексного анализа СЭР МО. SWOT-анализ

Примечание: составлено автором.

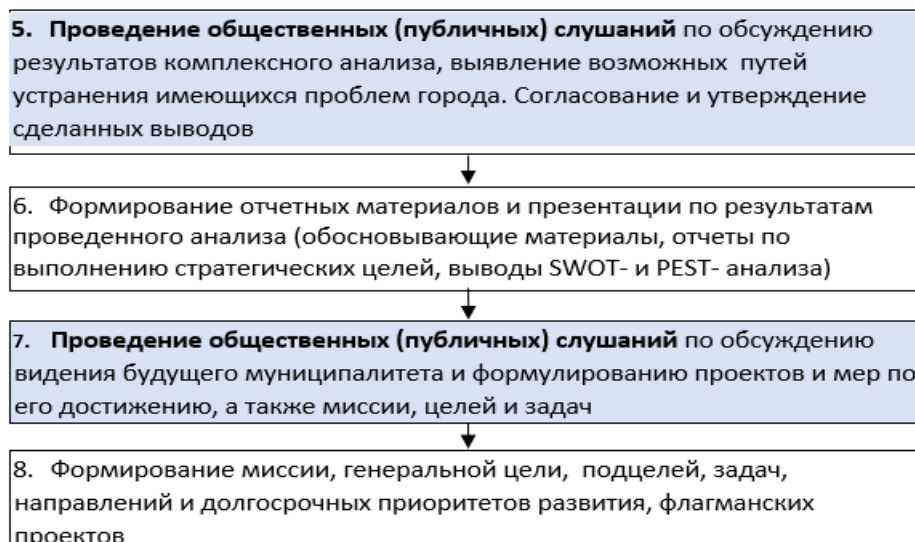

Рис. 2. Этап II. Формирование стратегических целей, задач и направлений развития

Примечание: составлено автором.

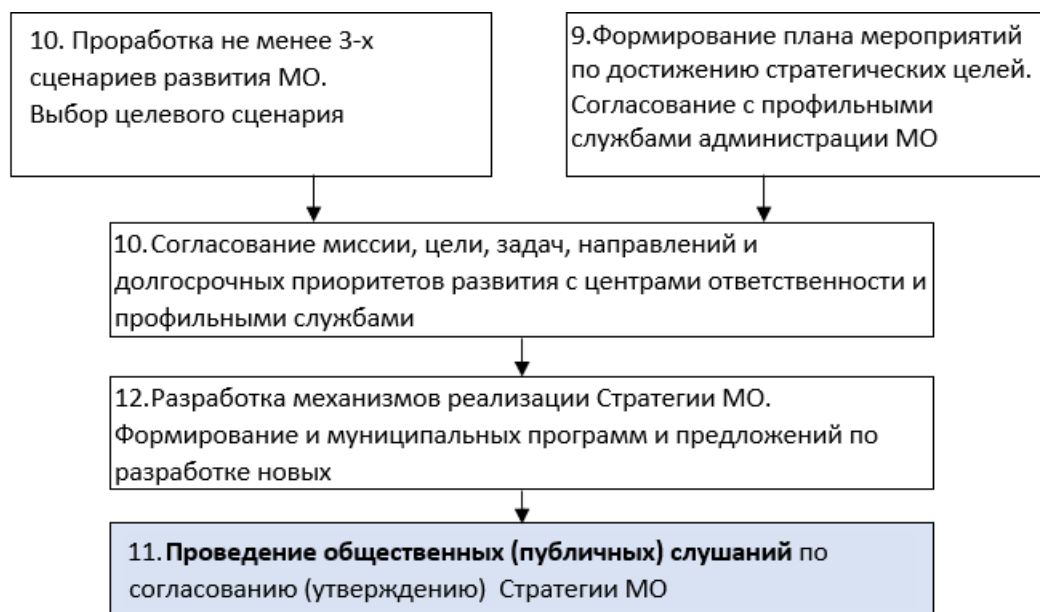

Рис. 3. Этап III. Согласование стратегических целевых установок, проработка сценариев развития МО и плана мероприятий Стратегии
Примечание: составлено автором.

В первую очередь в процессе стратегического планирования МО должны быть обозначены правовые акты, составляющие нормативно-правовую базу данной работы и документы, определяющие ее исходные данные.

В соответствии с законом о стратегическом планировании документы регионального и муниципального управления формируют иерархическую структуру, представленную на рис. 4.

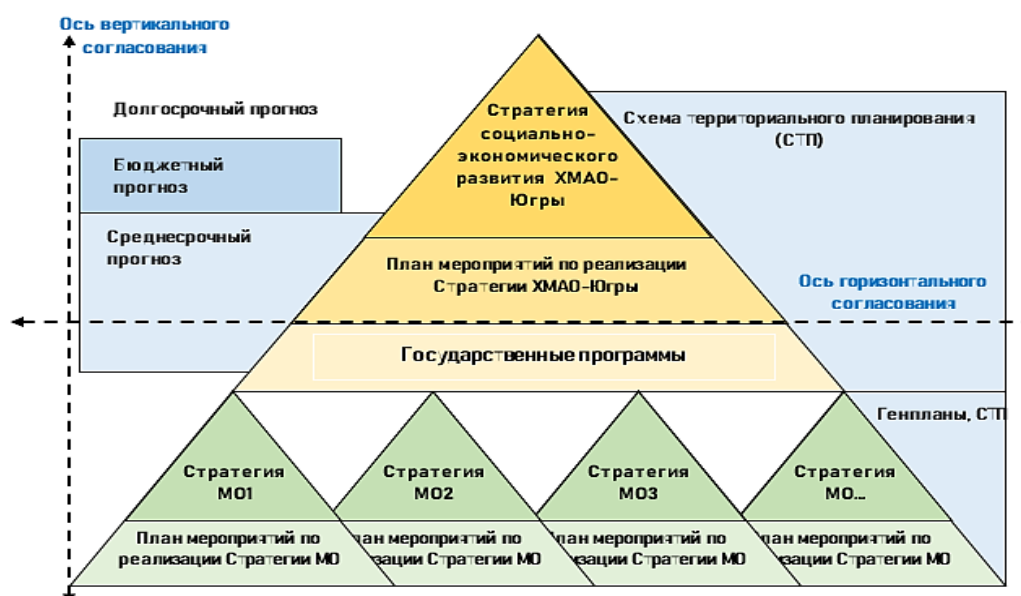

Рис. 4. Иерархия документов стратегического планирования
Примечание: составлено автором.

Исходя из логики процесса стратегического планирования, положений общей концепции МС, а также основополагающих принципов

разработки Стратегии развития, был сформирован документ, структура и краткое содержание которого представлено в таблице.

Таблица

Содержание разделов Модельной стратегии

№	Наименование раздела	Краткое содержание
1	Понятие, принципы и порядок разработки Стратегий СЭР МО	1.1. Нормативно-правовое обеспечение процесса стратегического планирования, его общая логика, принципы реализации; основные положения концепции МС, назначение и общее содержание, общий алгоритм стратегического планирования МО Ханты-Мансийского автономного округа – Югры
2	Содержание, методики и источники информации для разработки Стратегии СЭР МО	2.1. Составление рейтинга МО среди городов и районов Югры и сходных городов, районов России и развитых стран. 2.2. Общий анализ развития МО (анализ соответствия стратегических целей, задач, направлений, приоритетов, показателей действующей Стратегии СЭР МО стратегическим установкам Стратегии СЭР–2050, анализ выполнения стратегических целей, задач и показателей действующей Стратегии СЭР анализируемого МО, социальное самочувствие, комплексный анализ развития стратегических сфер жизнедеятельности МО). 2.3. Внешние и внутренние ограничения развития МО, конкурентные преимущества (SWOT- и PEST-анализа). 2.4. Определение целевого сценария стратегического развития МО. 2.5. Миссия, генеральная цель, цели, задачи, направления и долгосрочные приоритеты МО. 2.6. Механизмы и инструменты достижения долгосрочных целей развития МО. 2.7. Оценка ресурсного обеспечения реализации Стратегии. 2.8. План мероприятий по реализации стратегии. Муниципальные и государственные программы, флагманские проекты. 2.10. Учет выполнения показателей муниципальных Стратегий СЭР при оценивании высших должностных лиц МО. 2.11. Визуализация элементов Стратегии СЭР
3	Структура, содержание, методики и источники информации для разработки обосновывающих материалов (отраслевых разделов (томов)) по приоритетным направлениям развития муниципалитета	3.1. Демографическое развитие. 3.2. Кадровое обеспечение. 3.3. Развитие гражданского общества. 3.4. Развитие сферы добычи полезных ископаемых. 3.5. Развитие обрабатывающего производства. 3.6. Развитие малого и среднего предпринимательства, в том числе социального. 3.7. Строительный комплекс. 3.8. Развитие сельского, лесного хозяйства, охоты, рыболовства и рыбоводства. 3.9. Развитие туристической отрасли. 3.10. Развитие жилищно-коммунального комплекса. 3.11. Обеспечение электрической энергией. 3.12. Социальная сфера и сектор услуг, в том числе в негосударственном секторе. 3.13. Финансовая система. 3.14. Развитие информационных, коммуникационных технологий и информационного общества. 3.15. Политика в отношении коренных малочисленных народов Севера и ее реализация на местном уровне. 3.16. Основы пространственного развития МО. 3.17. Формирование Инновационной стратегии. 3.18. Формирование Инвестиционной стратегии

Примечание: составлено автором.

Таким образом, МС состоит из трех разделов.

В первом разделе представлены общие положения процессов стратегического планирования, его общая логика, принципы, общее содержание и назначение МС, общий алгоритм процесса разработки или актуализации

Стратегии развития МО Ханты-Мансийского автономного округа – Югры.

Второй раздел является основным. Его структура в целом соответствует рекомендуемой структуре итогового документа – Стратегии МО. В данном разделе представлены

методические рекомендации по реализации видов исследований и работ, необходимых в рамках стратегического планирования МО. В частности, по каждому смысловому элементу муниципальной Стратегии приведены:

- структура, примерное содержание раздела или параграфа, где будет раскрываться соответствующий смысловой элемент стратегии;
- набор методов и инструментов, с помощью которых может быть исследован данный элемент;
- виды необходимых исходных данных и источники их получения;
- возможные шаблоны аналитических и отчетных таблиц;
- показатели и индикаторы оценивания результатов исследования данного смыслового элемента, в том числе значения показателей, достижение которых требуется в соответствии со Стратегией автономного округа;
- перечень проблем и факторов, влияющих на социально-экономическое развитие СЭР по анализируемому смысловому блоку, методики их выявления и анализа;
- приоритеты, цели, задачи и направления социально-экономической политики в рамках соответствующего смыслового блока: методики, критерии, факторы целеполагания, модельные формулировки целевых установок.

Особое внимание в данном разделе уделено смысловым блокам, связанным с анализом СЭР муниципалитета, выявлением внешних и внутренних ограничений этого развития, порядку проведения стратегических сессий и общественных слушаний, а также процессам формирования миссии, генеральной цели, задач, направлений и долгосрочных приоритетов развития.

В частности, по SWOT-анализу представлена подробная, пошаговая методика его проведения с привлечением экспертов из наиболее значимых для МО секторов экономики и сфер деятельности, а также с учетом результатов социологических опросов. Приведен порядок отбора экспертов, шаблоны необходимых аналитических таблиц.

По проведению общественных слушаний предлагается 3-этапная схема с использова-

нием как очной, так и заочной форм обсуждения материалов стратегических исследований. На первом этапе в ходе проведения серии стратегических сессий предполагается обсуждение результатов комплексного анализа текущего развития МО, выявленных при этом проблем, угроз, возможностей и стратегических приоритетов. Второй этап охватывает обсуждение видения будущего муниципалитета и формулирование проектов, мер по его достижению, а также миссии, целей и задач. На третьем этапе проводятся слушания по обсуждению и согласованию окончательного варианта проекта Стратегии.

Преимущественно именно по результатам общественных обсуждений и стратегических сессий вырабатываются предварительные и итоговые формулировки миссии и генеральной стратегической цели развития муниципалитета.

Третий раздел МС содержит общие указания относительно структуры и содержания обосновывающих материалов по наиболее значимым направлениям развития, видам и секторам деятельности. Данные обосновывающие материалы носят дополнительный по отношению к самой Стратегии характер и необходимы для реализации двух задач:

1) полученные в ходе работы над данными документами результаты используются для более комплексного, обоснованного и исчерпывающего анализа развития МО с представлением в самой Стратегии наиболее существенных выводов и тенденций развития этих отраслей и секторов;

2) выявление проблем и сдерживающих факторов развития указанных отраслей и определение возможных путей и конкретных мер по повышению эффективности их функционирования, выработка на этой основе стратегических целевых установок их развития. По сферам, играющим наиболее существенную роль в СЭР МО, указанные целевые установки могут быть отражены в самой Стратегии. По сферам и отраслям, имеющим важное самостоятельное значение, могут быть сформированы отдельные стратегические документы.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, основной целью разработанного документа является оказание научно-методической помощи разработчикам Стратегий развития МО региона.

В рамках проекта по разработке Модельной стратегии социально-экономического развития муниципального образования Ханты-Мансийского автономного округа – Югры были определены общие рекомендации о порядке проведения работ по стратегическому планированию, типовой алгоритм этих работ, желательная структура и содержание разрабатываемых документов, общий перечень и полномочия участников стратегического планирования и пр.

В ходе представленного исследования были получены следующие результаты:

1) придание процессу стратегического планирования в автономном округе единого, системного и научно-обоснованного характера;

2) выработка на этой основе единых универсальных требований к структуре и содержанию создаваемых стратегических документов, к порядку и алгоритмам их формирования;

3) выработка единых подходов к процессам целеполагания, применение единой системы показателей оценки СЭР муниципалитетов Югры.

Указанные результаты будут способствовать, в том числе, повышению качества мониторинга и сравнительного анализа достижения целевых установок муниципальных образований, выявлению дополнительных резервов развития и повышению эффективности процессов стратегического управления в целом.

Список источников

1. Заведеев Е. В., Аляров А. А., Осипова А. В. Учет современных глобальных вызовов в теории экономических систем // Вестник Сургутского государственного университета. 2023. Т. 11, № 1. С. 13–18. DOI 10.35266/2312-3419-2023-1-13-18.
2. О стратегическом планировании в Российской Федерации : федеральный закон от 28.06.2014 № 172-ФЗ (ред. от 17.02.2023). Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
3. Бушенева Ю. И. К вопросу о создании модельных стратегий экономического развития регионов России // Проблемы и пути социально-экономического развития: город, регион, страна, мир : материалы XIV Всерос. науч.-практич. конф. с международным участием, 08–09 июня 2023 г., г. Санкт-Петербург. СПб. : Ленинградский государственный университет имени А. С. Пушкина, 2023. С. 20–27.
4. Гриненко Т. Г., Посольский А. А. Анализ опыта организации разработок стратегий развития муниципальных образований // Научные труды Северо-Западного института управления РАНХиГС. 2015. Т. 6, № 4. С. 203–216.
5. Лапыгин Ю. Н., Тулинова Д. В. Методы разработки стратегий муниципальных образований // Управленческое консультирование. 2018. № 1. С. 92–104. DOI 10.22394/1726-1139-2018-1-92-104.
6. Атаева А. Г. Проблемы разработки методологии стратегического планирования для региональных социально-экономических систем // Управление. 2019. Т. 7, № 4. С. 90–99.
7. Пригожин А. И. Цели и ценности: новые методы работы с будущим. М. : Дело, 2010. 431 с.
8. Каткова М. А., Колядин Н. П. Методологические аспекты разработки стратегии социально-эконо-

References

1. Zavedeev E. V., Alyarov A. A., Osipova A. V. Modern global challenges impact on the economic systems theory. *Surgut State University Journal*. 2023;11(1):13–18. DOI 10.35266/2312-3419-2023-1-13-18. (In Russian).
2. Federal Law of June 28, 2014 No. 172-FZ “On Strategic Planning in the Russian Federation” (as amended on February 17, 2023). Accessed through Law assistance system “Consultant Plus”. (In Russian).
3. Busheneva Yu. I. K voprosu o sozdanii modelnykh strategii ekonomicheskogo razvitiia regionov Rossii. In: *Proceedings of the XIV All-Russian Research-to-Practice Conference with International Participation “Problemy i puti sotsialno-ekonomicheskogo razvitiia: gorod, region, strana, mir”*, June 8–9, 2023, Saint Petersburg. St. Petersburg: Pushkin Leningrad State University; 2023. p. 20–27. (In Russian).
4. Grinenko T. G., Posolsky A. A. The analysis of the experience of the organization development of strategies development of municipal formations. *Nauchnye trudy Severo-Zapadnogo instituta upravleniia RANKhiGS*. 2015;6(4):203–216. (In Russian).
5. Lapygin Yu. N., Tulanova D. V. Methods of developing strategies for municipalities. *Administrative Consulting*. 2018;(1):92–104. DOI 10.22394/1726-1139-2018-1-92-104. (In Russian).
6. Ataeva A. G. Problems of developing a strategic planning methodology for regional socio-economic systems. *Management (Russia)*. 2019;7(4):90–99. (In Russian).
7. Prigozhin A. I. *Tseli i tsennosti: novye metody raboty s budushchim*. Moscow: Delo; 2010. 431 p. (In Russian).
8. Katkova M. A., Kolyadin N. P. Methodological aspects of socio-economic development strategy of

мического развития муниципальных образований в современных условиях // Вестник Саратовского государственного социально-экономического университета. 2013. № 5. С. 66–70.

9. Совершенствование стратегического планирования на муниципальном уровне : аналитический отчет. М. : Институт экономики города, 2018. URL: https://urbaneconomics.ru/sites/default/files/ocenka_strategiy_12.18.pdf (дата обращения: 18.01.2023).
10. Жихаревич Б. С., Лебедева Н. А., Русецкая О. В. и др. Стратегии малых городов: территория творчества. СПб. : Международный центр социально-экономических исследований «Леонтьевский центр», 2017. 68 с.

Информация об авторе

Е. В. Заведеев – кандидат экономических наук, доцент.

municipalities in modern conditions. *Vestnik Saratovskogo gosudarstvennogo sotsialno-ekonomicheskogo universiteta*. 2013;(5):66–70. (In Russian).

9. Sovershenstvovanie strategicheskogo planirovaniya na munitsipalnom urovne. Analytical report. Moscow: The Institute for Urban Economics; 2018. URL: https://urbaneconomics.ru/sites/default/files/ocenka_strategiy_12.18.pdf (accessed: 18.01.2023). (In Russian).
10. Zhikharevich B. S., Lebedeva N. A., Rusetskaya O. V. et al. Strategii malykh gorodov: territoria tvorchestva. St. Petersburg: International Centre for Social and Economic Research “Leontief Centre”; 2017. 68 p. (In Russian).

Information about the author

E. V. Zavedeev – Candidate of Sciences (Economics), Docent.

Научная статья

УДК 339.37:65.012.4

DOI 10.35266/2949-3455-2023-4-4

ВОЗМОЖНОСТИ БИЗНЕС-АНАЛИТИКИ В РЕШЕНИИ ЗАДАЧ КОРПОРАТИВНОГО УПРАВЛЕНИЯ В РОЗНИЧНОЙ ТОРГОВЛЕ

Оксана Викторовна Комарова^{1✉}, Дмитрий Сергеевич Карабатов²

^{1,2} Уральский государственный экономический университет, Екатеринбург, Россия

¹ okkomarova@yandex.ru ✉, <https://orcid.org/0000-0001-6145-2631>

² karabatovd@yandex.ru

Аннотация. Статья посвящена исследованию проблемы бизнес-аналитики и BI-систем для бизнес-анализа корпоративных компаний на примере розничных торговых сетей. Проанализированы подходы к трактовке понятий «бизнес-аналитика» и «BI-система», установлено, что концепция бизнес-аналитики активно развивается, терминологический аппарат не сформирован. Цель исследования – выявление особенностей и возможностей бизнес-аналитики в корпоративном управлении розничной торговли. Для достижения данной цели использованы теоретический анализ и обобщение научных исследований. Анализ системного и структурного подхода к трактовке бизнес-аналитики позволяет заключить, что бизнес-аналитика выступает как механизм, обеспечивающий целесообразность действий фирмы ее стратегическим целям и внутренним бизнес-процессам, а BI-системы выступают как ее инструмент. Научная новизна исследования состоит в уточнении понятия «бизнес-аналитика», выявлении ее функций и возможностей в ретейле. На основе анализа особенностей развития розничной торговли в России сформулированы задачи розничных торговых сетей, которые могут быть решены с помощью бизнес-аналитики, систематизированы потребности ретейлеров в вопросе бизнес-аналитики и возможности BI-систем, позволяющие удовлетворить эти потребности.

Ключевые слова: бизнес-анализ, бизнес-аналитика, BI-система, корпоративная компания, розничная торговля (ретейл), розничная торговая сеть (ретейлер)

Для цитирования: Комарова О. В., Карабатов Д. С. Возможности бизнес-аналитики в решении задач корпоративного управления в розничной торговле // Вестник Сургутского государственного университета. 2023. Т. 11, № 4. С. 38–50. DOI 10.35266/2949-3455-2023-4-4.

Original article

CAPABILITIES OF BUSINESS INTELLIGENCE IN SOLVING THE PROBLEMS OF CORPORATE GOVERNANCE IN RETAIL TRADE

Oksana V. Komarova^{1✉}, Dmitry S. Karabatov²

^{1,2} Ural State University of Economics, Yekaterinburg, Russia

¹ okkomarova@yandex.ru ✉, <https://orcid.org/0000-0001-6145-2631>

² karabatovd@yandex.ru

Abstract. The article studies the issue of business intelligence and BI systems for business analysis of corporate companies using retail trade networks as an example. The study analyzes approaches to defining the concepts of business intelligence and BI system. It is determined that the concept of business intelligence is rapidly evolving, and the terminology has not been formed yet. The study aims to identify the features and capabilities of business intelligence in retail corporate governance, which requires theoretical analysis and generalization of scientific research. The analysis of systemic and structural approach to the definition of business intelligence allows it to be viewed as a mechanism that manages the alignment of a company's activity with its strategic goals and internal business processes, while BI systems serve as its tool. The scientific novelty of the study consists of the clarification of the business intelligence concept and the identification of its functions and capabilities in retail. Based on the analysis of features of retail trade development in Russia, the authors determine the problems of retail trade networks that can be solved with business intel-

ligence, systemize retailers' necessities in terms of business intelligence and the capabilities of BI system that allow meeting these necessities.

Keywords: business analysis, business intelligence, BI system, corporate company, retail trade (retail), retail trade network (retailer)

For citation: Komarova O. V., Karabatov D. S. Capabilities of business intelligence in solving the problems of corporate governance in retail trade. *Surgut State University Journal*. 2023;11(4):38–50. DOI 10.35266/2949-3455-2023-4-4.

ВВЕДЕНИЕ

Успешное функционирование компании на рынке зависит от ее способности правильно и своевременно проводить бизнес-анализ. Для корпоративных компаний, представляющих отрасль розничной торговли, данный тезис актуален всегда: ретейлеры являются участниками высококонкурентного рынка, они вынуждены непрерывно оценивать состояние и эффективность своей деятельности и искать пути и инструменты совершенствования бизнес-анализа. Одним из таких инструментов является бизнес-аналитика (Business Intelligence, BI).

Значимость бизнес-аналитики для корпораций, в том числе розничных торговых сетей (ритейла), обусловлена также масштабированием бизнеса, которое определяет, с одной стороны, необходимость детализации и структуризации анализа для подразделений, с другой стороны, – потребности в обобщении всех показателей и формировании целостной картины развития корпорации. Кроме того, стремительное развитие розничной торговли с точки зрения цифровизации отрасли, непрерывно растущего объема данных, высокой конкуренции в сфере ритейла обуславливает необходимость применения систем бизнес-аналитики в качестве инструмента бизнес-анализа. Все эти положения подтверждают актуальность исследования.

Теоретические аспекты анализа проблемы внедрения бизнес-аналитики в системы корпоративного управления многоплановы. Первая группа исследований рассматривает общие проблемы использования бизнес-аналитики в корпоративном секторе экономики. Например, С. В. Новиков считает, что опора на результаты бизнес-анализа, проводимого с использованием аналитических инструментов, повышает качество принятия решений в организации. Также автор определяет общие функции технологий бизнес-аналитики: формирование

ответственности, онлайн-обработка, интеллектуальный анализ данных, сравнительный анализ, прогнозная аналитика и др. [1]. По мнению С. Митровича, бизнес-аналитика является инструментом бизнес-анализа во многих отраслях экономики и «требует непрерывного исследования с учетом специфики ее применения в различных сферах деятельности» [2, с. 3]. Б. Видер (B. Wieder), М.-Л. Оссимиц (M.-L. Ossimitz) показали, что качество данных/информации, масштаб решения BI и качество менеджмента взаимосвязаны [3]. А. Трипати (A. Tripathi), Т. Багга (T. Bagga), Р. Аггарвал (R. Aggarwal) доказали, что инструменты бизнес-аналитики помогают организациям, предоставляя информацию о бизнесе, принимать решения в режиме реального времени, предоставляя руководству возможность повышать операционную эффективность, выявлять новые возможности на конкурентном рынке [4]. Данные исследования подтверждают необходимость дальнейшей теоретической разработки проблемы использования бизнес-аналитики и конкретизации методов ее применения в отдельных отраслях национальной экономики.

Вторая группа исследований связана с изучением отдельных инструментов бизнес-анализа. В исследовании О. Ю. Ильяшенко и соавт. представлены общие подходы к разработке архитектуры BI-систем корпораций и подчеркнута значимость бизнес-аналитики на стратегическом уровне развития корпорации [5]. Х. Трухильо (J. Trujillo), А. Мате (A. Maté) рассматривают механизмы расширения BI-систем и переход к системам BI 2.0, основанные на эволюции Интернета и новых технологий [6]. Ц. Шао (C. Shao), Ю. Янг (Y. Yang), С. Джунджа (S. Juneja), Т. Гситхарам (T. GSeetharam) предложили платформу бизнес-анализа, основанную на IoT и инфраструктуре эффективной визуализации данных (IoT-EDVF) для снижения риска утечек

информации, повышения эффективности управления качеством данных для бизнес-аналитики в корпоративных финансах [7]. М. Магсуди (M. Maghsoudi), Н. Незафати (N. Nezafati) сравнивают модели внедрения BI-систем, т. е. традиционный подход и подход на основе самообслуживания, а также моделируют их соответствующее влияние на организационное принятие BI [8].

Третья группа исследований рассматривает особенности применения бизнес-анализа и бизнес-аналитики в различных отраслях и сферах экономики и управления. Так, Л. В. Силакова, П. А. Магеррамов, М. А. Семкина исследовали проблему автоматизации комплексного бизнес-анализа для организаций малого и среднего бизнеса с использованием информационных систем бизнес-аналитики на примере MS Power BI. Авторы считают, что применение подобного рода программ при формировании аналитической отчетности позволяет оптимизировать процесс диагностики компании и повысить качество принимаемых на этой основе решений. Внедрение BI-решения в работу организаций малого и среднего бизнеса обеспечивает «структуризацию накапливаемых данных, их автоматическую аналитику и инструмент для контроля за показателями эффективности организации и оперативного, а главное обоснованного принятия управленческих решений» [9]. В исследовании В. С. Субочевой рассматриваются варианты использования BI-систем для повышения эффективности работы клиентских менеджеров коммерческого банка на основе формирования матрицы «сущностей данных/бизнес-функций», что позволяет в полном объеме охватить принципы составления отчетности, которые включают: своевременность, релевантность, достаточность и аналитичность [10]. В исследовании А. Г. Савиной, Л. И. Малявкиной, Е. В. Смагина отмечается, что применение BI в страховой сфере имеет не только внутрикорпоративное значение, но и позволяет учитывать макроэкономические и отраслевые факторы, что приводит к качественным изменениям в конкуренции и бизнесе [11, с. 72]. В исследовании В. Н. Наумова, Е. Б. Лычагиной, Л. Ю. Шарабаевой показаны возможности применения BI-систем в государственном управлении [12]. Н. Казейро

(N. Caseiro), А. Коэльо (A. Coelho) показали, что применение бизнес-аналитики влияет на сетевое обучение, инновационность и производительность компаний, что особенно важно в стартапах, поскольку информация является ключевым ресурсом для принятия решений [13]. Данная группа исследований подтверждает необходимость разработки специфических моделей внедрения BI-систем и их адаптации к отраслевой специфике компаний.

Четвертая группа исследований рассматривает проблемы использования бизнес-аналитики на микроуровне, где в фокусе оказываются такие показатели компании, как продажи, выручка, затраты, прибыль. С. Митрович отмечает, что BI-решения обеспечивают возможность многостороннего экономического анализа [14, с. 43–44]. Ц. Бао (Z. Bao), К. Ф. Хашим (K. F. Hashim), А. О. Альмаграби (A. O. Almagrabi), Х. Хашим (H. Hashim) показали, что «влияние BI на развитие управленческого учета промышленных компаний является значимым, ... руководителям промышленных компаний следует уделять больше внимания типу решения и качеству данных, чем гибкости и IOS» [15]. Можно отметить и более узкие исследования бизнес-аналитики, которая может быть использована для оптимизации объема продаж [16].

Обзор научных исследований показал, что проблемы анализа и внедрения BI-систем в целом являются актуальной научной задачей, но терминология и механизмы являются недостаточно проработанными, в частности, анализ применения BI-систем в розничной торговле, а также указывает на необходимость исследований влияния инструментов BI на операционную эффективность и принятие стратегических решений в корпоративном управлении. В этой связи цель исследования – выявление особенностей и возможностей бизнес-аналитики в корпоративном управлении в розничной торговле и совершенствование корпоративного бизнес-анализа ретейлера с помощью бизнес-аналитики.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ

Для достижения поставленной цели авторами были сформулированы этапы анализа: анализ понятий «бизнес-аналитика», «бизнес-

анализ», «BI-система», обоснование необходимости применения бизнес-аналитики в ретейле, анализ его потребностей в определенных аналитических инструментах и функциях, сопоставление возможностей аналитических инструментов бизнес-аналитики и потребностей ретейла, определение общего подхода к формированию бизнес-аналитики в розничных торговых сетях. Данное исследование было реализовано на основе последовательного применения методов отбора публикаций, контент-анализа текстов исследований, анализа развития ретейла в России и его потребностей в сфере бизнес-аналитики, анализа платформ бизнес-аналитики. Основные выводы сделаны на основе сопоставления и синтеза данных. В качестве данных исследования выступают междисциплинарные публикации по проблемам бизнес-аналитики из баз данных РИНЦ и Scopus, а также открытые данные Росстата и специализированных интернет-ресурсов о развитии ретейла (TAdviser.ru, Retail.ru, INFOLine.spb.ru).

РЕЗУЛЬТАТЫ И ИХ ОБСУЖДЕНИЕ

Отправной точкой исследования является категория «бизнес-анализ», который трактуется на основе руководства BABOK (Business Analysis Body of Knowledge) как деятельность, обеспечивающая возможность изменений предприятия через определение потребностей и рекомендацию решений, приносящих пользу заинтересованным сторонам [17, с. 530]. Концептуальная модель бизнес-анализа представляет его как систему взаимосвязанных участников (стейкхолдеров), компонентов (потребностей, ценностей, контекстов и решений) и отношений (процессов изменения и бизнес-процессов) [18]. Таким образом, бизнес-аналитика может рассматриваться как инструмент бизнес-анализа, на что указывает первая группа исследований, или механизм, позволяющий обеспечить единство системы бизнес-анализа. Однако, как научная категория бизнес-аналитика трактуется по-разному, при этом в некоторых исследованиях понятия бизнес-аналитики и BI-систем рассматриваются как различные [19, 20], но все чаще – как термины, имеющие одинаковое

значение, синонимы [21, 22]. Для уточнения этих понятий стоит обратиться к анализу сущности «бизнес-аналитики», что позволяет выделить два подхода к пониманию данной категории.

Некоторые исследователи придерживаются системного подхода к определению «бизнес-аналитики». Э. Тюрбан (E. Turban), Р. Шарда (R. Sharda), Д. Делан (D. Delen) формируют бизнес-аналитику как экосистему, состоящую из баз данных, архитектуры, бизнес-приложений и методологий, облегчающих принятие менеджерами своевременных решений посредством анализа имеющихся данных [23]. М. Магсуди (M. Maghsoudi), Н. Незафати (N. Nezafati) дают следующее определение: «бизнес-аналитика – это подход, который позволяет организациям использовать аналитические данные на основе данных для более эффективного принятия решений» [8]. Н. А. Казакова, С. С. Шитуев определяют бизнес-аналитику как искусство, науку и философию использования идей для совершенствования процесса принятия решений в контексте конкретной бизнес-функции или процесса, ориентированные «на непрерывное, постоянное и итеративное исследование прошлой деловой активности или бизнес-процессов, чтобы получить представление, вести бизнес-планирование и обеспечить конкретный бизнес-результат» [24, с. 164]. Э. В. Маймина определяет бизнес-аналитику как «функциональную сферу управления бизнес-субъектом, нацеленную на проведение системных аналитических исследований его деятельности, декомпозируемых по инструментальному обеспечению и предметно-функциональным направлениям, в совокупности формирующих объективную и достоверную информационную основу для принятия управленческих решений адекватных условиям бизнес-среды и трендам ее развития» [25, с. 52]. Обзор позволяет заключить, что системный подход трактует бизнес-аналитику как подсистему фирмы, предполагающую наличие концепции реализации целей, возложенных на данную подсистему и согласованных с целями фирмы, определенную функциональность данной подсистемы.

Во многих исследованиях преобладает структурный подход к пониманию бизнес-аналитики. Так, И. А. Новотна, О. В. Иванчук считают, что «бизнес-аналитика включает обработку данных с использованием методов их хранения и интеллектуального анализа, поддерживает получение согласованной и квалифицированной информации и, следовательно, знаний, которые могут быть использованы в порядке достижения стратегических целей и задач конечными пользователями и исполнительными руководителями в будущем» [26, с. 94]. О. А. Цуканова, А. А. Ярская рассматривают бизнес-аналитику «как системы инструментов, предназначенных для автоматизированного перевода данных в информацию для принятия управленческих решений посредством последовательной обработки данных: автоматизации ETL-процессов – импорта данных, преобразования и загрузки данных в хранилище, их визуализации и интерактивной работы пользователей» [21, с. 80]. В работе Ц. Шао (C. Shao), Ю. Янг (Y. Yang), С. Джунджа (S. Juneja), Т. Гситхарам (T. GSeetharam) бизнес-аналитика рассматривается как «бизнес-исследования, интеллектуальный анализ данных, визуализация данных, инструменты обработки данных, инфраструктура и передовой опыт» [7]. В целом структурный подход показывает вариативность инструментария бизнес-аналитики, а также

подтверждает соподчинение понятий бизнес-аналитики и BI-систем.

Опираясь на проведенные исследования, в данной статье авторы предлагают трактовать бизнес-аналитику как организационно-экономическую подсистему фирмы, которая направлена на преобразование данных в ценную и комплексную информацию для принятия стратегических управленческих решений. Отличительной чертой данного подхода является рассмотрение бизнес-аналитики как механизма, который, с одной стороны, должен соответствовать стратегическим целям фирмы, с другой стороны, должен обеспечивать процесс не только сбора информации, но придание ей ценности, в том числе аналитической.

Бизнес-аналитика как подсистема фирмы взаимосвязана с другими подсистемами управления и экономического анализа фирмы, представленными на рис. 1. Она имеет свою субъектно-объектную структуру и инструменты. Объектами бизнес-аналитики являются бизнес-процессы и данные, которые их характеризуют, к субъектам можно отнести продуцентов (работников и управленческий персонал, осуществляющих производственную деятельность, характеризуемую определенными данными) и пользователей информации, к которым относятся как управленцы, так и внешние стейкхолдеры.

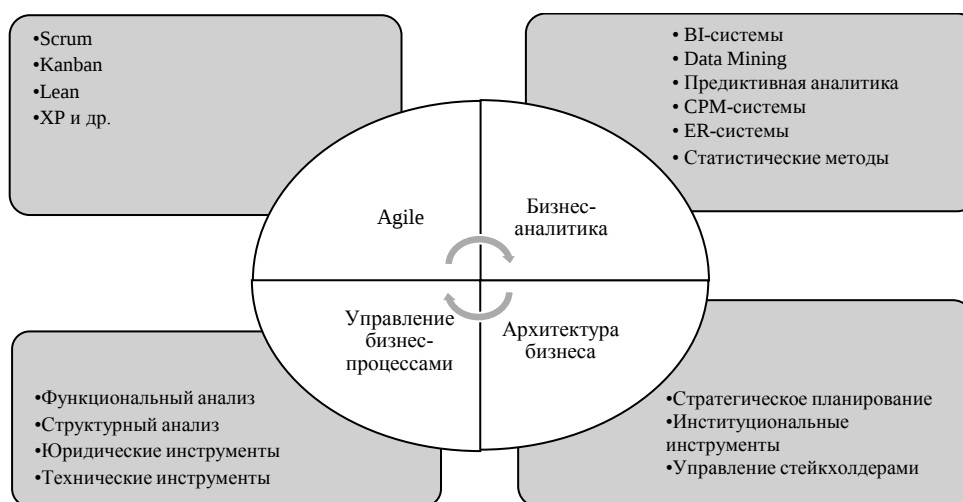

Рис. 1. Бизнес-аналитика в системе бизнес-анализа фирмы

Примечание: составлено авторами по материалам [27–31].

В структурном контексте бизнес-аналитика определяет систему входов/выходов информации и ее обработку: где взять данные, как их интегрировать, а также как их улучшить и представить в качестве аналитических выводов для поддержки принятия бизнес-решений. Таким образом, можно констатировать, что следует разграничивать бизнес-аналитику и BI-системы. Последние представляют собой способы обработки и представления данных, а бизнес-аналитика выступает как цифровая подсистема принятия решений, основой которой является организация сбора и обработки данных таким образом, чтобы с одной стороны, удовлетворить требования стейкхолдеров компании, а с другой стороны, обеспечить стратегическое развитие фирмы.

Бизнес-аналитика выступает в нескольких ипостасях в бизнесе: бизнес-процесс по организации сбора, обработки и консолидации данных; подразделение организации, выполняющее аналитические функции; совокупность инструментов, применяемых в организации для анализа внешней и внутренней среды с целью принятия управленческих решений. Реализация бизнес-аналитики как подсистемы фирмы обусловлена ее функциями, которые выделены на основе обзора источников [21, 24, 25, 32]:

- консолидирующая функция (интеграция и агрегация данных, их обработка и хранение);
- информационная функция (обобщение, представление и визуализация данных);
- коммуникативная функция (канал связи между подразделениями компании);

- аналитическая функция (формирование системы показателей отчетности);
- прогностическая функция (расчет трендов показателей и уровня рисков).

Однако, ценность бизнес-аналитики как подсистемы состоит в ее участии в экономических и управленческих процессах фирмы, экономическом потенциале (возможностях), снижении затрат и повышении эффективности компании. Благодаря адекватному использованию инструментов бизнес-аналитики, BI-систем, в соответствии с корпоративными целями компании могут добиться ускорения и повышения качества бизнес-анализа, оптимизации процесса принятия решений, положительного изменения объемов выручки и других операционных показателей, минимизации или сокращения отдельных видов затрат.

Бизнес-аналитика и BI-системы в частности позволяют оформить всю имеющуюся у компании информацию таким образом, чтобы стало возможным использовать ее для корпоративного бизнес-анализа. Существует большое количество BI-систем, схожих и сближающихся по своему функционалу и интерфейсу. При высокой активности зарубежных разработчиков BI-систем в 2010–2020 гг. на современном российском BI-рынке активно идут процессы импортозамещения (рис. 2). Однако, выбор BI-систем осуществляется компаниями, а ключевыми факторами выбора, как отмечалось в обзоре, являются не только затраты на программное обеспечение, но и результативность получаемой аналитики, риски утечки информации и стратегического применения.

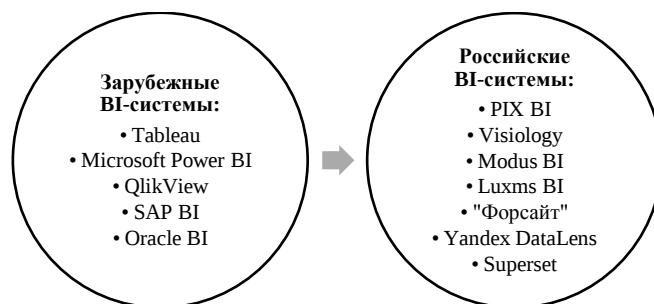

Рис. 2. Зарубежные и российские BI-системы

Примечание: составлено авторами по материалам [21, 33–35].

Исследования рынка BI-систем и процессов импортозамещения [21, 33–36] показывают,

что российские и зарубежные BI-системы обладают схожим функционалом и имеют

свои плюсы и минусы. Некоторые российские ВІ-системы адаптируются для определенных секторов экономики. Так, Luxms ВІ создана для отрасли информационных технологий и телекоммуникаций, государственного сектора, промышленных холдингов, ретейла, банков и др. Modus ВІ ориентирована не только для отраслей промышленности, но и на e-commerce, ретейл и FMCG. В целом можно отметить высокий конкурентный уровень российского рынка ВІ-систем. Однако, именно большое количество альтернатив является тормозящим фактором при внедрении бизнес-аналитики в управление компанией, поскольку выбирая инструмент бизнес-аналитики, необходимо изучать возможности существующих ВІ-систем и подбирать ту, которая в наибольшей степени соответствует задачам компании, а в ряде случаев для подготовки уникальной системы бизнес-аналитики от руководства компании

требуется детальная проработка стратегических целей компании и требований к бизнес-аналитике в целом.

Розничная торговля обеспечивает нормальную жизнедеятельность населения, предлагая продукты питания и непродовольственные товары, представляет значительную часть сферы товарооборота, является основой материально-технической базы торговли России в целом. В 2014–2022 гг. номинальный товарооборот вырос в 1,6 раза, несмотря на его замедление в 2020 г., вызванного пандемией (рис. 3). Ретейл – один из крупнейших работодателей на отечественном рынке труда по причине непрерывного роста торговых сетей и увеличения числа магазинов. Пятая часть экономически активного населения России сконцентрирована именно в данной отрасли. В 2021 г. количество вакансий в сфере ретейла выросло в 2,5 раза по сравнению с 2020 г. [37].

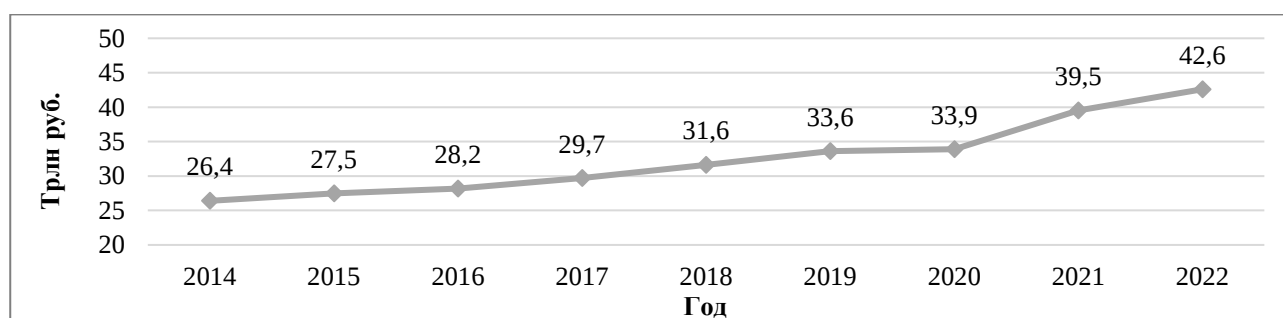

Рис. 3. Динамика оборота розничной торговли России с 2014 по 2022 гг.

Примечание: составлено по материалам [37].

Рынок розничной торговли характеризуется активным развитием многочисленных торговых сетей и высоким уровнем конкуренции между ними. На рис 4. представлена динамика выручки крупнейших розничных сетей России в 2019–2022 гг. На вершине рейтинга – продовольственные торговые сети. По итогам 2021 г. 50,6 % рынка заняли 100 ретейлеров, доля десяти ключевых игроков рынка составила 37,7 %, а пять крупнейших отечественных сетей занимают 32 % рынка. Лидерами по итогам 2021–2022 гг. являются, как и в последние несколько лет, X5 Retail Group («Пятерочка», «Перекресток») и «Магнит». В топ-5 находятся также Mercury Retail

Group («Красное и белое», «Бристоль», «Дикси»), «Лента» и «Светофор».

Анализ отрасли розничной торговли по М. Портеру показывает высокий уровень угроз внутриотраслевой конкуренции; остальные параметры (угрозы со стороны новых игроков, угрозы потери текущих клиентов и угрозы нестабильности поставщиков) имеют среднее значение. С целью контроля и снижения уровня данных угроз торговой организации необходимо постоянно заниматься мониторингом цен конкурентов, анализом собственного ассортимента и ценовой политики, поддерживать контакт с поставщиками, а также изучать потребности клиентов.

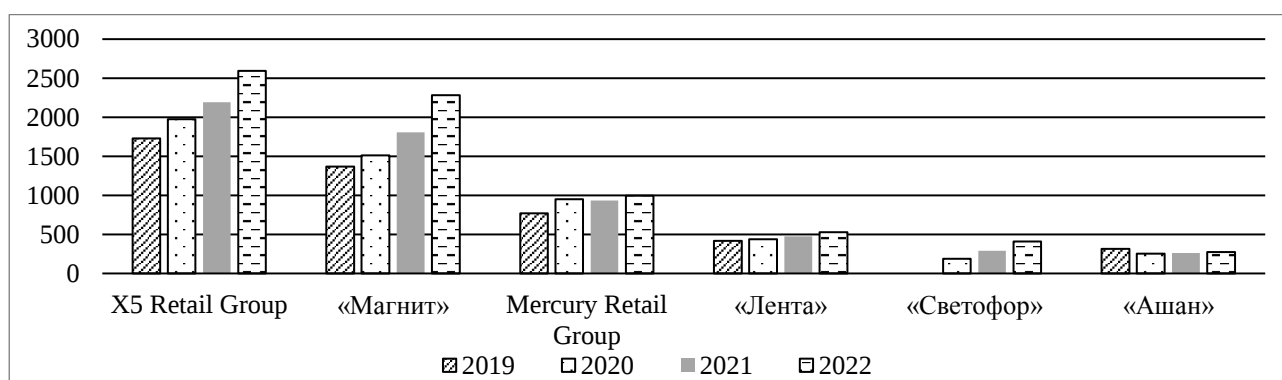

Рис. 4. Динамика выручки крупнейших розничных торговых сетей в России в 2019–2022 гг.

Примечание: составлено по материалам [38].

Розничная торговля является одним из наиболее активных производителей и потребителей данных. Большие данные в ретейле содержат точную и детальную информацию о торговых транзакциях, ассортиментных позициях с их характеристиками, запасах продукции, поставщиках и маркетинговой политике. Сохранение всех этих сведений при их ежеминутном обновлении является трудной задачей: ретейлеры находятся в непрерывном поиске все более эффективных способов извлечения пользы от больших массивов информации. Требуется четкое понимание того, как эти массивы обработать и представить в виде, пригодном для принятия управленческих и иных решений. Это означает, что для обеспечения нормального функционирования розничных торговых сетей нужно проводить эффективный бизнес-анализ, используя для его реализации современные аналитические инструменты, прежде всего бизнес-аналитику.

Бизнес-аналитика современного ретейла в значительной мере влияет на продажи и валовую маржу торговой сети, вследствие чего растет необходимость применения программных средств бизнес-аналитики для принятия операционных решений. В розничной торговле бизнес-аналитика способна решить следующие задачи:

- анализ объемов и динамики продаж, прибыли и других ключевых показателей;
- план-фактный анализ;
- исследование поставщиков и закупок;
- анализ эффективности работы категорийных менеджеров и торговых точек;

- анализ ценовой и акционной политики;
- финансовый анализ компании;
- исследование эффективности программы лояльности;
- анализ структуры и состояния ассортимента;
- оценка объемов остатков продукции в магазинах и на складах;
- анализ поведения клиентов и др.

Розничная торговая сеть обладает некоторыми особенностями, которые должны учитываться при формировании системы бизнес-аналитики компании данной отрасли:

1) большие объемы данных, представленные в разрезах номенклатуры товаров (направление, группа, категория, вид и т. д.), торговых точек, форматов магазинов, географического расположения, категорийных менеджеров, брендов, дней недели и календарных дат и др.;

2) широкий спектр показателей (цена, себестоимость, выручка, прибыль разных видов, маржа, количество чеков, средний чек, пенетрация, оборачиваемость, сторно, рентабельность и др.);

3) многообразие направлений бизнес-анализа розничной торговой сети (товарные запасы, продажи, поставки, логистика, HR, бюджет, программа лояльности, ABC- и XYZ-анализ ассортимента и др.).

Эти три фактора затрудняют процесс аналитики с помощью традиционных инструментов (например, Excel) из-за увеличения размера и усложнения структуры исходных данных. Таким образом, у розничных торговых сетей возникают определенные потребности в повышении скорости, качества и эф-

фактивности обработки, анализа и представления информации. Помочь в этом способны средства бизнес-аналитики (BI-системы). Потребности розничных торговых сетей

в бизнес-аналитике, возможности и преимущества BI-систем для их удовлетворения представлены в таблице.

Таблица

**Возможности и преимущества бизнес-аналитики
для удовлетворения потребностей сетей розничной торговли**

№	Потребности розничной торговли в аналитике	Возможности бизнес-аналитики	Преимущества бизнес-аналитики
1	Необходимость обработки больших объемов данных, поступающих с многочисленных торговых точек по широкому спектру показателей и измерений	BI-инструменты используют модель данных на основе OLAP (Online Analytical Processing, т. е. оперативный анализ данных, их многомерное представление)	Относительно быстрый и доступный процесс извлечения, преобразования и загрузки больших данных о деятельности ретейлера
2	Наличие готовых настроенных наглядных отчетов с целью оптимизации временных и трудовых ресурсов по формированию таких отчетов вручную на регулярной основе	Представление больших данных в виде удобных аналитических интерактивных и автообновляемых отчетов (дашбордов)	Полная, прозрачная и наглядная информация о положении дел в компании и быстрый доступ к отчетам в любой момент времени
3	Использование (консолидирование) данных, поступающих из различных источников в формате Excel, Access, PDF, из облачных хранилищ, SQL-сервера и др.	Подключение к источникам данных: файловым (Excel, XML, PDF), реляционным (SQL Server, MySQL, Oracle) и облачным (Oracle Cloud, Google BigQuery, Microsoft Azure и др.)	Комплексная содержательная аналитика на основе информации о продажах, ассортименте, логистике, бюджете и т. д., взятой из разных сервисов и программ
4	Аналитика данных в отношении номенклатуры товаров, торговых точек, форматов магазинов, географии, категорийных менеджеров, брендов, дней недели, календарных дат и др., а также за определенный временной отрезок	Наличие таких визуальных элементов, как фильтры (срезов, отборов), в том числе многоуровневых	Формирование аналитических отчетов на основе конкретной информации, в зависимости от заданных условий
5	Аналитика отдельно по каждому направлению бизнес-анализа	Многостраничные аналитические отчеты, разнообразие визуализаций и функционала средств бизнес-аналитики	Сбор, хранение и представление информации по каждой сфере деятельности ретейлера; наполнение каждого отчета составляющими, которые предполагает конкретная аналитическая задача
6	Ежедневная автоматическая «подгрузка» новых операционных данных (продажи, чеки, доходы, расходы и пр.) за прошедший день (период)	Инкрементальное (добавочное) автообновление	Минимальные временные затраты на обновление данных и аналитических отчетов
7	Отслеживание фактического состояния ключевых показателей и их сравнение с запланированными	Наличие визуальных элементов: гистограмма, график, карточка, индикатор (датчик), ключевой показатель эффективности	Выполнение план-фактного анализа продаж, доходов и расходов, чеков и других показателей
8	Необходимость регулярного расчета (пересчета) ряда показателей, отсутствующих в исходных данных (различные виды прибыли, LFL, проникновение в чек, рентабельность, ROI, EBITDA, ликвидность, оборачиваемость и др.)	Возможность создания вычисляемых полей (функций) для автоматического расчета агрегированных показателей	Быстрое обновление и актуализация вычисляемых полей при добавлении новых данных

Примечание: составлено по материалам [33–36].

Представленный в таблице перечень потребностей и возможностей не является исчерпывающим, ведь аналитические задачи любой торговой организации достаточно обширны, как и средства бизнес-аналитики, которые призваны решать эти задачи.

Аргументом в пользу применения информационно-аналитических систем для осуществления бизнес-анализа и внедрения модели бизнес-аналитики можно также считать высокие затраты на наем работников, занимающихся обработкой больших массивов данных традиционными средствами, что связано с рисками влияния человеческого фактора – невозможности охватить все данные и учесть все факторы экономического анализа. Также использование традиционных инструментов требует большего количества трудозатрат для расчета определенных показателей, что определяет актуальность внедрения BI-систем в ретейле.

Крупные продуктовые ретейлеры используют разные BI-системы. Например, в «Магните» бизнес-аналитика осуществляется с помощью Qlik, Tableau и SAP BusinessObjects, X5 Retail Group работает в Qlik и Tableau, «Дикси» – в Power BI, «Лента» – в Tableau и Power BI. Однако, в современных условиях ориентация на зарубежное программное обеспечение представляет собой существенные риски компаний. В этой связи формируется новая актуальная задача перехода на российские системы бизнес-аналитики. В этом контексте можно выделить ряд проблем.

Во-первых, обращаясь к технической стороне работы с системами бизнес-аналитики, стоит отметить, что они имеют сложную архитектуру, и эксплуатация BI-систем требует больших финансовых вложений: приобретение программного обеспечения, покупка и продление лицензий, доработка функционала, наем и обучение аналитиков и др.

Во-вторых, внедрение технологий автоматизированного бизнес-анализа (хранения, интеграции, анализа и представления) больших массивов данных становится неотъемлемой частью корпоративной ИТ-стратегии предприятий и должно соответствовать этапу жизненного цикла компании и общим стратегическим целям компании.

В-третьих, повышение эффективности использования данных ограничено, с одной

стороны, необходимостью учета отраслевых особенностей рынка – среднеотраслевых и структурных показателей, с другой стороны, потребностями стейкхолдеров в формировании уникальной BI-системы фирмы (корпорации).

Таким образом, развитие бизнес-аналитики в корпоративном управлении ретейла представляет собой сложную стратегическую задачу цифровизации бизнеса, решение которой в перспективе требует разработки показателей эффективности внедрения BI-систем.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В условиях высокой конкуренции, нестабильной экономики и необходимости постоянного внедрения изменений качественный бизнес-анализ, выполняемый на основе бизнес-аналитики и при участии аналитических платформ, является не только основой развития бизнеса и анализа рисков, но и инструментом предотвращения потерь. На основе проведенного анализа уточнено понятие «бизнес-аналитика» как организационно-экономической подсистемы фирмы, ориентированной на преобразование данных в ценную и комплексную информацию для принятия стратегических управленческих решений. Бизнес-аналитика соединяет бизнес-процесс по организации сбора, обработки и консолидации данных, подразделение организации, выполняющее аналитические функции, и совокупность инструментов бизнес-анализа. Системный и структурный подход к анализу бизнес-аналитики показали, что BI-системы выступают как инструментальные средства бизнес-аналитики и являются составляющей эффективной работы корпорации.

Исследование специфики корпоративного бизнес-анализа и развития розничных торговых сетей позволило выявить особенности бизнес-аналитики в ретейле, что актуализирует разработку специфических моделей бизнес-аналитики и дополняет сложившуюся систему знаний о бизнес-анализе, бизнес-аналитике и BI-системах с конкретизацией ее применения в отдельных отраслях национальной экономики. К особенностям бизнес-аналитики в ретейле относятся: большой объем разнородных данных, множество показателей и измерений, широкий перечень задач, решаемых в процессе бизнес-анализа ретейлера, позволившие сформулировать

возможности и преимущества бизнес-аналитики для удовлетворения потребностей сетей розничной торговли. В контексте проведенного анализа обнаружено, что российские розничные сети используют зарубежные BI-системы, актуальной задачей развития является их импортозамещение. Хотя этот процесс, кроме снижения рисков и зависимости от иностранного программного обеспечения,

сопряжен с ростом затрат на цифровую трансформацию бизнес-процессов, но дает и новые возможности: повышение эффективности использования BI-систем и разработку новых стратегических решений. Перспективным направлением анализа данной проблемы является разработка модели формирования критериев эффективности бизнес-аналитики и BI-систем в ретейле.

Список источников

1. Novikov S. V. Data science and big data technologies role in the digital economy. *TEM Journal*. 2020;9(2):756–762.
2. Митрович С. Проблемы и тенденции внедрения технологий бизнес-интеллекта в процесс экономического анализа в России и за рубежом // *Финансы и управление*. 2019. № 2. С. 1–16. DOI 10.25136/2409-7802.2019.2.28524.
3. Wieder B., Ossimitz M.-L. The impact of Business Intelligence on the quality of decision making – A mediation model. *Procedia Computer Science*. 2015;64:1163–1171.
4. Tripathi A., Bagga T., Aggarwal R. Strategic impact of business intelligence: A review of literature. *Prabandhan: Indian Journal of Management*. 2020;13(3):35.
5. Ильяшенко О. Ю., Ильин И. В., Болобонов Д. Д. Роль BI-систем в совершенствовании процессов обработки и анализа бизнес-информации // *Наука и бизнес: пути развития*. 2017. № 6. С. 124–131.
6. Trujillo J., Maté A. Business Intelligence 2.0: A General Overview. In: Aufaure M. A., Zimányi E., editors. *Business Intelligence. eBISS 2011. Lecture Notes in Business Information Processing*. Vol 96. Berlin, Heidelberg: Springer; 2012. p. 98–116.
7. Shao C., Yang Y., Juneja S. et al. IoT data visualization for business intelligence in corporate finance. *Information Processing and Management*. 2022;59:102736.
8. Maghsoudi M., Nezafati N. Navigating the acceptance of implementing business intelligence in organizations: A system dynamics approach. *Telematics and Informatics Reports*. 2023;11:100070.
9. Силакова Л. В., Маггеррамов П. А., Семкина М. А. Разработка методики автоматизации комплексного бизнес-анализа для организаций МСБ на базе MS POWER BI // *Научный журнал НИУ ИТМО. Серия «Экономика и экологический менеджмент»*. 2019. № 3. С. 101–108. DOI 10.17586/2310-1172-2019-12-3-101-108.
10. Субочева В. С. Использование систем бизнес-аналитики для повышения эффективности работы клиентских менеджеров коммерческого банка // *The Scientific Heritage*. 2021. № 66–1. С. 68–71. DOI 10.24412/9215-0365-2021-66-1-68-71.
11. Савина А. Г., Малавкина Л. И., Смагин Е. В. Исследование возможностей применения инструментов Business Intelligence в страховой сфере // *Научные Записки ОрелГИЭТ*. 2020. № 3. С. 68–73.

References

1. Novikov S. V. Data science and big data technologies role in the digital economy. *TEM Journal*. 2020;9(2):756–762.
2. Mitrovich S. Problemy i tendentsii vnedreniya tekhnologii biznes-intellekta v protsess ekonomicheskogo analiza v Rossii i za rubezhom. *Finansy i upravlenie*. 2019;(2):1–16. DOI 10.25136/2409-7802.2019.2.28524 (In Russian).
3. Wieder B., Ossimitz M.-L. The impact of Business Intelligence on the quality of decision making – A mediation model. *Procedia Computer Science*. 2015;64:1163–1171.
4. Tripathi A., Bagga T., Aggarwal R. Strategic impact of business intelligence: A review of literature. *Prabandhan: Indian Journal of Management*. 2020;13(3):35.
5. Ilyashenko O. Yu., Ilyin I. V., Bolobonov D. D. The role of BI-systems in improving processes of business information processing and analysis. *Science and Business: Ways of Development*. 2017;(6):124–131. (In Russian).
6. Trujillo J., Maté A. Business Intelligence 2.0: A General Overview. In: Aufaure M. A., Zimányi E., editors. *Business Intelligence. eBISS 2011. Lecture Notes in Business Information Processing*. Vol 96. Berlin, Heidelberg: Springer; 2012. p. 98–116.
7. Shao C., Yang Y., Juneja S. et al. IoT data visualization for business intelligence in corporate finance. *Information Processing and Management*. 2022;59:102736.
8. Maghsoudi M., Nezafati N. Navigating the acceptance of implementing business intelligence in organizations: A system dynamics approach. *Telematics and Informatics Reports*. 2023;11:100070.
9. Silakova L. V., Magerramov P. A., Semkina M. A. Automation of integrated business analysis for SME organizations based on MS POWER BI. *Scientific Journal NRU ITMO. Series "Economics and Environmental Management"*. 2019;(3):101–108. DOI 10.17586/2310-1172-2019-12-3-101-108. (In Russian).
10. Subocheva V. S. The use of business intelligence systems to increase the efficiency of client managers of a commercial bank. *The Scientific Heritage*. 2021;(66–1):68–71. DOI 10.24412/9215-0365-2021-66-1-68-71. (In Russian).
11. Savina A. G., Malyavkina L. I., Smagin E. V. Research of the possibilities of Business Intelligence tools in insurance. *Nauchnye Zapiski OrelGIET*. 2020;(3):68–73. (In Russian).

12. Наумов В. Н., Лычагина Е. Б., Шарабаева Л. Ю. Использование BI-систем для обеспечения информационно-аналитической деятельности органов государственной власти // Управленческое консультирование. 2016. № 3. С. 144–153.
13. Caseiro N., Coelho A. The influence of Business Intelligence capacity, network learning and innovativeness on startups performance. *Journal of Innovation & Knowledge*. 2019;4(3):139–145.
14. Митрович С. Специфика интеграции технологий бизнес-интеллекта и больших данных в процессы экономического анализа // Бизнес-информатика. 2017. № 4. С. 40–46.
15. Bao Z., Hashim K. F., Almagrabi A. O. et al. Business intelligence impact on management accounting development given the role of mediation decision type and environment. *Information Processing & Management*. 2023;60(4):103380.
16. Орлова А. Ю., Сорокин А. А., Ловянников Д. Г. Применение средств бизнес-аналитики для управления компанией // Вестник Северо-Кавказского федерального университета. 2023. № 2. С. 145–155.
17. ВАВОК: руководство к Своду знаний по бизнес-анализу. М.: Олимп-Бизнес, 2021. 626 с.
18. Абдурахмонов Х. А. Сущность, цели и возможности бизнес-анализа // Вестник Алтайской академии экономики и права. 2021. № 2. С. 5–9. DOI 10.17513/vaael.1590.
19. Маймина Э. В. К проблеме определения функционала бизнес-аналитики // Вестник Белгородского университета кооперации, экономики и права. 2019. № 2. С. 66–77.
20. Мерджанова Л. З. Бизнес-аналитика как инструмент обеспечения эффективности менеджмента современного предприятия // Информационно-компьютерные технологии в экономике, образовании и социальной сфере. 2022. № 3. С. 102–108.
21. Цуканова О. А., Ярская А. А. Сущность и роль BI-систем в современной экономике // Научный журнал НИУ ИТМО. Серия «Экономика и экологический менеджмент». 2021. № 2. С. 79–85. DOI 10.17586/2310-1172-2021-14-2-79-85.
22. Соколова М. А., Зотова А. А. Характеристика современных BI-систем // Финансовые рынки и банки. 2022. № 11. С. 44–48.
23. Turban E., Sharda R., Delen D. Decision support and Business Intelligence systems. New Jersey: Pearson; 2015. 696 p.
24. Казакова Н. А., Шитуев С. С. Развитие аналитики как метод повышения эффективности торговых сетей // Инновации и инвестиции. 2019. № 4. С. 163–168.
25. Маймина Э. В. Системные условия развития и управленческие перспективы бизнес-аналитики // Вестник Белгородского университета кооперации, экономики и права. 2018. № 6. С. 48–59.
26. Новотна И. А., Иванчук О. В. BI-системы: анализ понятия и функциональных возможностей // Теория и практика общественного развития. 2023. № 2. С. 90–94. DOI 10.24158/tpor.2023.2.12.
12. Naumov V. N., Lygachina E. B., Sharabaeva L. Yu. Use of BI-systems for ensuring information and analytical activity of public authorities. *Administrative Consulting*. 2016;(3):144–153. (In Russian).
13. Caseiro N., Coelho A. The influence of Business Intelligence capacity, network learning and innovativeness on startups performance. *Journal of Innovation & Knowledge*. 2019;4(3):139–145.
14. Mitrovic S. Specifics of the integration of Business Intelligence and Big Data technologies in the processes of economic analysis. *Business Informatics*. 2017;(4):40–46. (In Russian).
15. Bao Z., Hashim K. F., Almagrabi A. O. et al. Business intelligence impact on management accounting development given the role of mediation decision type and environment. *Information Processing & Management*. 2023;60(4):103380.
16. Orlova A. Yu., Sorokin A. A., Lovyannikov D. G. Application of business analysis tools in company management. *Newsletter of North-Caucasus Federal University*. 2023;(2):145–155. (In Russian).
17. BABOK: rukovodstvo k Svodu znanii po biznes-analizu. Moscow: Olimp-Biznes; 2021. 626 p. (In Russian).
18. Abdurakhmonov Kh. A. The essence, goals, and capabilities of business analysis. *Vestnik Altaiskoi akademii ekonomiki i prava*. 2021;(2):5–9. DOI 10.17513/vaael.1590. (In Russian).
19. Maimina E. V. To the problem of business analytics functionality definition. *Herald of the Belgorod University of Cooperation, Economics and Law*. 2019;(2):66–77. (In Russian).
20. Merdzhanova L. Z. Business analytics as a tool for effective management. *Informatsionno-kompiuternye tekhnologii v ekonomike, obrazovanii i sotsialnoi sfere*. 2022;(3):102–108. (In Russian).
21. Tsukanova O. A., Yarskaya A. A. The essence and role of BI systems in the modern economy. *Scientific Journal NRU ITMO. Series "Economics and Environmental Management"*. 2021;(2):79–85. DOI 10.17586/2310-1172-2021-14-2-79-85. (In Russian).
22. Sokolova M. A., Zotova A. A. Characteristics of modern BI-systems. *Financial Markets and Banks*. 2022;(11):44–48. (In Russian).
23. Turban E., Sharda R., Delen D. Decision support and Business Intelligence systems. New Jersey: Pearson; 2015. 696 p.
24. Kazakova N. A., Shituev S. S. Retail analytics development as a method of retail effectiveness growth. *Innovations and Investments*. 2019;(4):163–168. (In Russian).
25. Maimina E. V. System development conditions and management perspectives on business analytics. *Herald of the Belgorod University of Cooperation, Economics and Law*. 2018;(6):48–59. (In Russian).
26. Novotna I. A., Ivanchuk O. V. BI-systems: Analysis of the concept and functionality. *Theory and Practice of Social Development*. 2023;(2):90–94. DOI 10.24158/tpor.2023.2.12. (In Russian).

27. Брускин С. Н. Методы и инструменты продвинутой бизнес-аналитики для корпоративных информационно-аналитических систем в эпоху цифровой трансформации // Современные информационные технологии и ИТ-образование. 2016. Т. 12, № 3–1. С. 234–239.
28. Мальзам В. Управление бизнес-процессами: методы и инструменты // Корпоративный менеджмент : проект. 2015 URL: <https://www.cfin.ru/itm/bpr/bpms.shtml> (дата обращения: 05.09.2023).
29. Курилова А. А., Савенков Д. Л. К вопросу о диагностике архитектуры предприятия // Азимут научных исследований: экономика и управление. 2022. Т. 11, № 2. С. 45–48. DOI 10.57145/27128482_2022_11_02_09.
30. Кочина С. К., Щетинина Е. Д., Добкин С. Г. Стратегическая диагностика степени гармоничности бизнес-архитектуры промышленного предприятия // Общество: политика, экономика, право. 2023. № 7. С. 57–66.
31. Брусов А. С. Концепция Agile: Возможности и перспективы применения в государственном управлении (обзор публикаций) // Вопросы государственного и муниципального управления. 2022. № 2. С. 134–158. DOI 10.17323/1999-5431-2022-0-2-134-158.
32. Лёзина Т. А., Гельман М. В. Тенденции развития корпоративных информационных систем предприятий сетевой розничной торговли // Прикладная информатика. 2011. № 1. С. 29–37.
33. Яковлев В. В., Кравченко Д. В. Критериальное сравнение платформ бизнес-аналитики // Интеллектуальные технологии на транспорте. 2019. № 1. С. 41–44.
34. Логиновский О. В., Шурыгин А. Н. Актуальные средства современной бизнес-аналитики // Известия высших учебных заведений. Уральский регион. 2013. № 3. С. 49–57.
35. Петров Я. А., Степанов С. Ю., Сидоренко А. Ю. и др. Business Intelligence как современный инструмент бизнес-аналитики // Информационные технологии и системы: управление, экономика, транспорт, право. 2020. № 1. С. 135–140.
36. Петров С. В. Обзор российского программного обеспечения для импортозамещения информационных систем классов MES, ERP2 и BI (часть 2) // Корпоративные информационные системы. 2023. № 1. С. 38–48.
37. Розничная торговля и общественное питание // Федеральная служба государственной статистики : офиц. сайт. URL: <https://rosstat.gov.ru/statistics/roznichnayatorgovlya> (дата обращения: 20.07.2023).
38. Розничная торговля в России // TAdviser. URL: <https://tinyurl.com/mvtry49u> (дата обращения: 20.07.2023).
27. Bruskin S. N. Methods and tools of advanced business analytics for corporate information analytical systems in the digital transformation era. *Modern Information Technologies and IT-Education*. 2016;12(3–1):234–239. (In Russian).
28. *Korporativnyi menedzhment*. Malzam V. Upravlenie biznes-protsessami: metody i instrumenty. 2015. URL: <https://www.cfin.ru/itm/bpr/bpms.shtml> (accessed: 05.09.2023). (In Russian).
29. Kurilova A. A., Savenkov D. L. On the diagnosis of enterprise architecture. *Azimuth of Scientific Research: Economics and Administration*. 2022;11(2):45–48. DOI 10.57145/27128482_2022_11_02_09. (In Russian).
30. Kochina S. K., Shchetinina E. D., Dobkin S. G. Strategic diagnostics of the degree of harmony of the business architecture of an industrial enterprise. *Society: Politics, Economics, Law*. 2023;(7):57–66. (In Russian).
31. Brusov A. S. Agile: Opportunities and perspectives of application in public administration (literature review). *Public Administration Issues*. 2022;(2):134–158. DOI 10.17323/1999-5431-2022-0-2-134-158. (In Russian).
32. Lezina T. A., Gelman M. V. Tendentsii razvitiia korporativnykh informatsionnykh sistem predpriatii setevoi roznichnoi trgovli. *Applied Informatics*. 2011;(1):29–37. (In Russian).
33. Yakovlev V. V., Kravchenko D. V. The criteria comparison of business-analytic. *Intellectual Technologies on Transport*. 2019;(1):41–44. (In Russian).
34. Loginovsky O. V., Shurygin A. N. Aktualnye sredstva sovremennoi biznes-analitiki. *Izvestiia vysshikh uchebnykh zavedenii. Uralskii region*. 2013;(3):49–57. (In Russian).
35. Petrov Ya. A., Stepanov S. Yu., Sidorenko A. Yu. et al. Business Intelligence kak sovremennyi instrument biznes-analitiki. *Informatsionnye tekhnologii i sistemy: upravlenie, ekonomika, transport, pravo*. 2020;(1):135–140. (In Russian).
36. Petrov S. V. Obzor rossiiskogo programmogo obespecheniia dlia importozameshcheniia informatsionnykh sistem klassov MES, ERP2 i BI (chast 2). *Corporate Information Systems*. 2023;(1):38–48. (In Russian).
37. *Federal State Statistics Service*. Retail trade and food service industry. URL: <https://rosstat.gov.ru/statistics/roznichnayatorgovlya> (accessed: 20.07.2023). (In Russian).
38. *TAdviser*. Roznichnaia trgovlia v Rossii. URL: <https://tinyurl.com/mvtry49u> (accessed: 20.07.2023). (In Russian).

Информация об авторах

О. В. Комарова – кандидат экономических наук, доцент.

Д. С. Карабатов – магистрант.

Information about the authors

O. V. Komarova – Candidate of Sciences (Economics), Docent.

D. S. Karabatov – Master's Degree Student.

Научная статья
УДК 658.15:004.8
DOI 10.35266/2949-3455-2023-4-5

ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ В КОНТРОЛЕ И УПРАВЛЕНИИ ФИНАНСАМИ КОРПОРАЦИИ

**Сергей Олегович Крамаров¹, Александр Николаевич Кузьминов²,
Наталья Александровна Рутта³, Людмила Викторовна Сахарова⁴,
Елена Владимировна Гребенюк⁵**

^{1,5} Сургутский государственный университет, Сургут, Россия

^{2,3,4} Ростовский государственный экономический университет (РИНХ),
Ростов-на-Дону, Россия

¹ maoovo@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3743-6513>

² mr.azs@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9835-7598>

³ rutic79@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2521-2486>

⁴ l_sakharova@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4897-4926>

⁵ pev_86@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3234-6650>

Аннотация. Разработана методика получения данных о финансово-экономическом состоянии предприятий заданной корпорации, их анализа и формирования стратегий управления финансами корпорации на основе математических моделей, численных методов и программ искусственного интеллекта. Методика апробирована на примере выбора стратегий управления предприятиями производственного объединения «Абрау-Дюрсо» на основе рекомендательной программной системы поддержки принятия решений «ИГЛА».

Ключевые слова: математическая модель, численные методы, системы поддержки принятия решений, СППР «ИГЛА», искусственный интеллект, управление финансами, применение искусственного интеллекта в бизнесе, нечетко-когнитивное моделирование

Для цитирования: Крамаров С. О., Кузьминов А. Н., Рутта Н. А., Сахарова Л. В., Гребенюк Е. В. Искусственный интеллект в контроле и управлении финансами корпорации // Вестник Сургутского государственного университета. 2023. Т. 11, № 4. С. 51–66. DOI 10.35266/2949-3455-2023-4-5.

Original article

ARTIFICIAL INTELLIGENCE IN CORPORATE FINANCE CONTROL AND MANAGEMENT

**Sergey O. Kramarov¹, Aleksandr N. Kuzminov², Natalya A. Rutta³,
Lyudmila V. Sakharova⁴, Elena V. Grebenyuk⁵**

^{1,5} Surgut State University, Surgut, Russia

^{2,3,4} Rostov State University of Economics, Rostov-on-Don, Russia

¹ maoovo@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3743-6513>

² mr.azs@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9835-7598>

³ rutic79@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2521-2486>

⁴ l_sakharova@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4897-4926>

⁵ pev_86@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3234-6650>

Abstract. A technique has been developed for obtaining data on the financial and economic state of enterprises of a given corporation, conducting their analysis and establishing corporate financial management strategies using mathematical models, numerical methods, and artificial intelligence programs. The technique has been tested on the example of management strategies selection for enterprises of the Abrau-Durso Group, using the recommender program of the IGLA decision support system.

Keywords: mathematical model, numerical methods, decision support systems, IGLA DSS, artificial intelligence, financial management, application of artificial intelligence in business, fuzzy cognitive modeling

For citation: Kramarov S. O., Kuzminov A. N., Rutta N. A., Sakharova L. V., Grebenyuk E. V. Artificial intelligence in corporate finance control and management. *Surgut State University Journal*. 2023;11(4):51–66. DOI 10.35266/2949-3455-2023-4-5.

ВВЕДЕНИЕ

В современном мире информационных технологий использование искусственного интеллекта (далее – ИИ) является одним из самых востребованных и перспективных направлений в различных сферах деятельности, в том числе и в финансовой сфере [1–3]. Корпорации, ведущие бизнес в разных отраслях, осознают значимость внедрения ИИ в процессы контроля и управления финансами. Использование ИИ может значительно повысить эффективность управления финансами, снизить риски и ошибки в принятии финансовых решений, а также ускорить процессы анализа данных и прогнозирования.

Выбор темы исследования обоснован несколькими факторами.

Во-первых, использование ИИ в финансовой сфере уже давно стало неотъемлемой частью бизнес-процессов. С его помощью можно автоматизировать рутинные задачи, ускорить принятие решений, повысить качество анализа данных и дать возможность более точно прогнозировать финансовые результаты.

Во-вторых, финансы являются одной из ключевых функций любой корпорации. Управление финансами включает в себя широкий спектр задач, таких как финансовый анализ, бюджетирование, управление рисками, учет и отчетность. Использование ИИ для решения указанных задач способствует значительному улучшению эффективности работы.

В-третьих, тема выбрана с учетом актуальности исследований в области финансовой аналитики и применения ИИ в бизнесе. Выявлено, что активно использующие его компании имеют большую вероятность выжить в условиях жесткой конкуренции и достичь более высоких результатов.

В-четвертых, выбор темы обосновывается перспективностью использования ИИ в финансовой сфере в будущем. Разработка новых методов и алгоритмов ИИ, способных применяться в контроле и управлении финансами

корпораций, может привести к более эффективному использованию ресурсов и повышению конкурентоспособности компаний.

Цель исследования – разработка методики получения данных о финансово-экономическом состоянии предприятий заданной корпорации, их анализа и формирования стратегий управления финансами корпорации на основе математических моделей, численных методов и программ ИИ.

Задачи исследования:

- разработать алгоритм оценки финансово-экономического состояния отдельных предприятий корпорации на основе данных коэффицентного анализа TestFirm и теории нечетких множеств;

- адаптировать методику расчета матрицы коэффициентов взаимного влияния на основе экспертных оценок для корпорации;

- сформировать методику нечетко-когнитивного моделирования для разработки стратегий управления предприятиями корпорации на основе анализа и коррекции финансово-экономических показателей посредством управленческих мер финансового регулирования;

- сформулировать алгоритм реализации методики разработки стратегий для готового программного обеспечения – программной системы поддержки принятия решений «ИГЛА» («Интеллектуальный Генератор Лучших Альтернатив», далее – СППР «ИГЛА»);

- апробировать разработанную методику для конкретного предприятия.

Объект исследования – возможности ИИ в контроле и управлении финансами корпорации.

Предмет исследования: выбор стратегий управления предприятиями корпорации посредством управленческих мер финансового регулирования на основе рекомендательной системы – программы поддержки принятия управленческих решений СППР «ИГЛА».

Практическая значимость исследования заключается в том, что разработанная методика может быть положена в основу пользова-

тельского программного комплекса, обеспечивающего поддержку управления корпорацией из различных сфер хозяйственной деятельности.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ

Материалом для анализа являются основные финансово-экономические показатели отдельных предприятий отрасли, приведенные в табл. 1, имеющиеся в открытом доступе на сайте TestFirm [4]. В той же таблице приведены стандартные меры, рекомендуемые фирмам

для улучшения значений соответствующих финансовых коэффициентов [5].

На основе сайта TestFirm получены данные для производственного объединения «Абрау-Дюрсо», включающего следующие шесть предприятий: ЗАО «Абрау-Дюрсо», ООО «Центр винного туризма Абрау-Дюрсо», ООО «Абрау-Дюрсо», ПАО «Абрау-Дюрсо», ООО «Территория Абрау-Дюрсо», ООО «Ателье вина Абрау-Дюрсо».

Таблица 1

Основные финансово-экономические показатели, доступные на сайте TestFirm

Обозначения	Название показателя	Практические меры по улучшению
Финансовая устойчивость организации		
K 11	Коэффициент автономии (0,25)	- вложение собственниками компании дополнительных средств; - привлечение инвесторов
K 12	Коэффициент обеспеченности собственными оборотными средствами (0,15)	- пересмотр структуры активов; - привлечение дополнительных активов, например, владельцев компании и/или инвесторов; - пересмотр дивидендной политики
K 13	Коэффициент обеспеченности запасов (0,1)	реструктуризация кредитов, направленная на увеличение дивидендов, получаемых владельцами компании
Платежеспособность		
K 21	Коэффициент текущей (общей) ликвидности (0,15)	- проверка структуры долгов; - реструктуризация задолженностей; - списание долгов с истекшим сроком годности; - увеличение оборотных активов без снижения их оборачиваемости
K 22	Коэффициент быстрой (промежуточной) ликвидности (0,2)	- снижение краткосрочных обязательств; - увеличение дебиторской задолженности до 12 месяцев; - увеличение краткосрочных финансовых вложений
K 23	Коэффициент абсолютной ликвидности (0,15)	- привлечение заемных средств (если ниже нормы); - реализация части активов для увеличения суммы наиболее ликвидных активов (если ниже нормы); - вложение избыточных средств в производство (если выше нормы)
Рентабельность деятельности		
K 31	Рентабельность продаж (0,2)	- повысить цену товара; - понизить себестоимость; - мотивировать отдел продаж; - повысить чек клиента; - генерировать больше лидов; - продвигать товары на разных каналах; - величина прибыли от продаж в каждом рубле выручки от реализации
K 32	Рентабельность продаж по EBIT (0)	-
K 33	Норма чистой прибыли (рентабельность по чистой прибыли)	-
K 34	Коэффициент покрытия процентов к уплате (0)	-
K 35	Рентабельность активов (0,2)	- внедрять более экономичные решения; - применять современные энергоэффективные технологии; - оптимизировать использование оборудования; - оптимизировать ассортимент продукции; - использовать новые виды материалов; - снизить стоимость привлечения клиентов; - применять вторичное использование материалов
K 36	Рентабельность собственного капитала (0,3)	- рост чистой прибыли; - сокращение собственного капитала
K 37	Фондоотдача (0,1)	- увеличить выручку при использовании уже имеющегося оборудования; - ликвидировать неиспользуемое оборудование, снизив тем самым стоимость основных фондов

Окончание табл. 1

Обозначения	Название показателя	Практические меры по улучшению
Показатели деловой активности (оборачиваемости)		
К 41	Оборачиваемость оборотных активов, в днях (0,1)	- сокращение общей длительности технологического цикла; - совершенствование технологии и организации производства; - улучшение условий снабжения предприятий и сбыта продукции; - четкая организация платежно-расчетных отношений
К 42	Оборачиваемость дебиторской задолженности, в днях (0)	-
К 43	Оборачиваемость активов, в днях (0,1)	- изменить ценовую политику организации; - изменить формы оплаты; - оптимизировать платежно-расчетную дисциплину; - грамотное управление ассортиментом, качеством выпускаемой продукции; - грамотное управление масштабами реализуемой продукции одному заказчику (покупателю)

Примечание: составлено авторами по [4–5].

РЕЗУЛЬТАТЫ И ИХ ОБСУЖДЕНИЕ

Нечетко-когнитивное моделирование разработки стратегий управления предприятиями корпорации на основе анализа финансово-экономических показателей

Нечетко-когнитивное моделирование традиционно включает в себя следующие этапы [6]:

- 1) определение цели;
- 2) построение нечеткой когнитивной карты;
- 3) динамическое моделирование с применением аппарата импульсных процессов;
- 4) анализ сценариев развития ситуации и выбор лучшего.

1. Определение цели. Целью первого этапа моделирования является так называемая «когнитивная структуризация», заключающаяся в определении основных факторов, оказывающих существенное влияние на оценку финансового состояния корпорации S и установлении качественных связей с возможностью количественной оценки силы их влияния на концепты.

В настоящем исследовании в качестве таких факторов выбраны шесть показателей, относящихся к группам финансовой устойчивости (К 11, К 12, К 13) и платежеспособности предприятия (К 21, К 22, К 23).

В качестве основных факторов, влияющих на оценку эффективности деятельности предприятия P , изначально взяты десять показателей, относящихся к группам рентабельности деятельности (К 31, К 32, К 33, К 34, К 35, К 36, К 37) и деловой оборачиваемости предприятия (К 41, К 42, К 43). В результате предварительного обсуждения четыре показателя – К 32, К 33, К 34, К 42 – по различным причинам были исключены из рассмотрения. Следовательно, в качестве факторов,

оказывающих существенное влияние на оценку эффективности деятельности предприятия P , выбраны четыре показателя группы рентабельности деятельности (К 31, К 35, К 36, К 37) и два – деловой оборачиваемости предприятия (К 41, К 43).

2. Построение нечеткой когнитивной карты. Второй этап моделирования заключается в построении нечеткой когнитивной карты [7], представляющей собой нечеткий ориентированный взвешенный граф:

$$G = \{X; R\},$$

где X – множество вершин графа, $R \in X^2$ – множество дуг. Вершины графа (концепты) являются нечеткими множествами. Элементы множества R отражают детерминированные связи между концептами и содержат информацию о степени влияния (весе) связываемых концептов.

Влияние каждого из концептов оценивается экспертами по шкале $[0; 1]$ в виде:

$$\begin{aligned} \text{СВЯЗИ} = \{ & \text{не влияет } [0; 0, 1); \\ & \text{очень слабо } [0, 1; 0, 2); \\ & \text{слабо } [0, 2; 0, 4); \\ & \text{средне } [0, 4; 0, 6); \\ & \text{сильно } [0, 6; 0, 8); \\ & \text{очень сильно } [0, 8; 1]\}. \end{aligned}$$

Как следует из приведенной шкалы, в СППР «ИГЛА» используются семь термов, в то время как для оценки финансово-экономических показателей используется стандартная шкала «Финансовый аналитик» (Audit-IT), состоящая из пяти термов. Вводится в рассмотрение лингвистическая переменная S –

«оценка коэффициента X_i ». Ей соответствует терм-множество $S = \{S_1, S_2, S_3, S_4, S_5\}$, где значение термов следующее:

S_1 = «значение коэффициента X_i критическое»;

S_2 = «значение коэффициента X_i неудовлетворительное»;

S_3 = «значение коэффициента X_i удовлетворительное»;

S_4 = «значение коэффициента X_i хорошее»;

S_5 = «значение коэффициента X_i отличное».

На основе нормировки показателей получается соответствие центров весов вышеприведенных пяти термов (рис. 1):

S_1 = «очень низкий»;

S_2 = «ниже среднего»;

S_3 = «средний»;

S_4 = «выше среднего»;

S_5 = «очень высокий».

На основе выявленных концептов и установленных между ними связей и степени зависимости построены нечеткие когнитивные карты оценки финансового состояния предприятия S и оценки эффективности деятельности предприятия P в виде нечетких ориентированных мультиграфов (рис. 1).

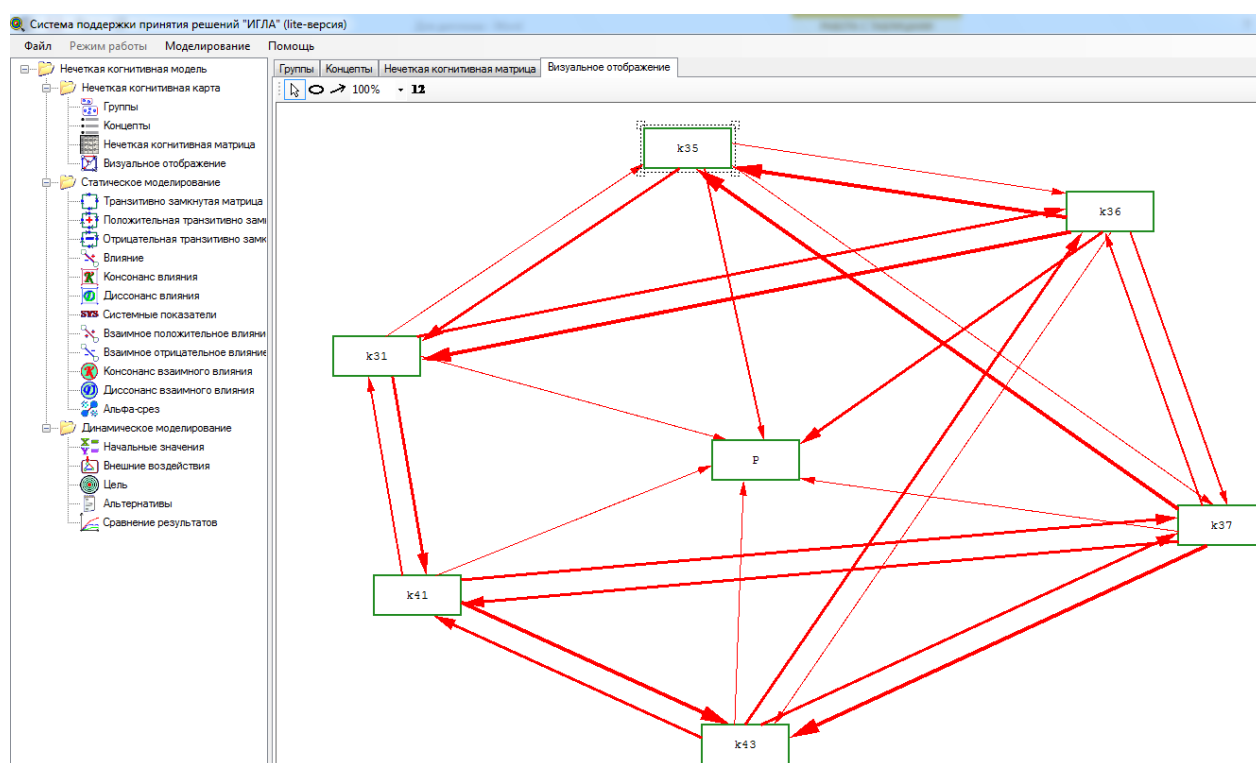

Рис. 1. Нечеткая когнитивная карта оценки эффективности деятельности предприятия P на основе СППР «ИГЛА»

Примечание: составлено авторами на основании данных, полученных в исследовании.

При этом для составления матрицы взаимного влияния показателей использован метод групповой экспертной оценки объектов при непосредственном оценивании [8].

Оценка финансового состояния

Перед группой экспертов (руководством корпорации) поставлена задача: оценить влияние шести показателей, относящихся к группам финансовой устойчивости и платежеспособности предприятия K_{11} , K_{12} , K_{13} ,

K_{21} , K_{22} , K_{23} на оценку финансового состояния корпорации S . Предположим, что в результате опроса *шести* экспертов, представителей каждого из предприятий, ($m = 6$) о степени влияния на результат трех различных факторов (объектов) ($n = 6$) получены таблицы парных сравнений. В результате их обработки методами, представленными в пункте 2.5, получена следующая матрица X математических ожиданий (рис. 2):

$$\begin{pmatrix} 0,0625 & 0,0375 & 0,025 & 0,0375 & 0,05 & 0,0375 \\ 0,0375 & 0,0225 & 0,015 & 0,0225 & 0,03 & 0,0225 \\ 0,025 & 0,015 & 0,01 & 0,015 & 0,02 & 0,015 \\ 0,0375 & 0,0225 & 0,015 & 0,0225 & 0,03 & 0,0225 \\ 0,05 & 0,03 & 0,02 & 0,03 & 0,04 & 0,03 \\ 0,0375 & 0,0225 & 0,015 & 0,0225 & 0,03 & 0,0225 \end{pmatrix}$$

Рис. 2. Матрица X математических ожиданий

Примечание: составлено авторами на основании данных, полученных в исследовании.

Далее организуем итерационный процесс в соответствии с формулами, приведенными выше. Условие $\max (|K^i - K^{i-1}|) < 0,001$ выполняется на 4-м шаге, в результате чего получается следующий вектор весов:

$$K = [0,251; 0,149; 0,106; 0,144; 0,208; 0,142]^T.$$

Нормируя вектор весов, предполагается, что наибольшее значение равно 0,251, соответствует высокому влиянию на результат

(центр терма равен 0,79), т. е. все значения умножаются на $0,79/0,251 = 3,147$. Получается вектор:

$$K = [0,79; 0,47; 0,33; 0,45; 0,65; 0,45]^T.$$

Аналогично организуем процесс оценки взаимного влияния факторов друг на друга, в результате чего получается матрица взаимного влияния показателей K_{11} , K_{12} , K_{13} , K_{21} , K_{22} , K_{23} , S (табл. 2).

Таблица 2

Матрица взаимного влияния показателей K_{11} , K_{12} , K_{13} , K_{21} , K_{22} , K_{23} , S

	K_{11}	K_{12}	K_{13}	K_{21}	K_{22}	K_{23}	S
K_{11}	0	0,52	0,48	0	0	0	0,79
K_{12}	0,52	0	0,52	0	0	0	0,47
K_{13}	0,48	0,48	0	0	0	0	0,33
K_{21}	0	0	0	0	0,38	0,72	0,45
K_{22}	0	0	0	0,38	0	0,38	0,65
K_{23}	0	0	0	0,72	0,72	0	0,45
S	0	0	0	0	0	0	0

Примечание: составлено авторами на основании данных, полученных в исследовании.

Оценка эффективности деятельности

Перед группой экспертов (руководством корпорации) поставлена задача: оценить влияние десяти показателей, относящихся к группам рентабельности деятельности и деловой оборачиваемости предприятия (K_{31} , K_{32} , K_{33} , K_{34} , K_{35} , K_{36} , K_{37} , K_{41} , K_{42} , K_{43})

на оценку эффективности деятельности предприятия P . В результате предварительного обсуждения четыре показателя – K_{32} , K_{33} , K_{34} , K_{42} – по различным причинам были исключены из рассмотрения. Получена следующая матрица X математических ожиданий (рис. 3):

$$\begin{pmatrix} 0,04 & 0,04 & 0,06 & 0,02 & 0,02 & 0,02 \\ 0,04 & 0,04 & 0,06 & 0,02 & 0,02 & 0,02 \\ 0,06 & 0,06 & 0,09 & 0,03 & 0,03 & 0,03 \\ 0,02 & 0,02 & 0,03 & 0,01 & 0,01 & 0,01 \\ 0,02 & 0,02 & 0,03 & 0,01 & 0,01 & 0,01 \\ 0,02 & 0,02 & 0,03 & 0,01 & 0,01 & 0,01 \end{pmatrix}$$

Рис. 3. Матрица X математических ожиданий

Примечание: составлено авторами на основании данных, полученных в исследовании.

Далее организуется итерационный процесс в соответствии с формулами, приведенными выше. Условие $\max(|K^i - K^{i-1}|) < 0,001$ выполняется на 6-м шаге, в результате чего получается следующий вектор весов:

$$K = [0,196; 0,204; 0,302; 0,098; 0,104; 0,096]^T.$$

Аналогично организуется процесс оценки взаимного влияния факторов друг на друга, в результате чего получается матрица взаимного влияния показателей K 31, K 35, K 36, K 37, K 41, K 43, P (табл. 3).

Таблица 3

Матрица взаимного влияния показателей K 31, K 35, K 36, K 37, K 41, K 43, P

	K 31	K 35	K 36	K 37	K 41	K 43	P
K 31	0	0,10	0,32	0	0,31	0	0,51
K 35	0,32	0	0,10	0,12	0	0	0,53
K 36	0,48	0,48	0	0,22	0	0,11	0,79
K 37	0	0,42	0,21	0	0,38	0,42	0,26
K 41	0,20	0	0	0,33	0	0,47	0,27
K 43	0	0	0,37	0,33	0,32	0	0,25
P	0	0	0	0	0	0	0

Примечание: составлено авторами на основании данных, полученных в исследовании.

3. Динамическое моделирование с применением аппарата импульсных процессов. Моделируемая система представляется в виде нечетких ориентированных взвешенных мультиграфов с передаваемыми по ним импульсами (рис. 1). Динамика распространения управляющих воздействий в системе описывается как изменение показателей состояния концептов системы по следующим правилам:

$$V(0) = \bar{V}_0 + P(0),$$

$$V(t) = V(t-1) + W^T P(t-1) = V_0 + \sum_{k=0}^t (W^T)^k P(0), t > 0,$$

$$P(t) = V(t) - V(t-1) = (W^T)^t P(0), t \geq 0,$$

где T – транспонирование матрицы;

$V_0 = (v_{00}, v_{10}, \dots, v_{90})$ – вектор исходных оценок концептов $X_0, X_1, \dots, X_9$;

$V(t) = (v_0(t), v_1(t), \dots, v_9(t))$ – вектор оценок концептов $X_0, X_1, \dots, X_9$ в произвольный момент времени $t > 0$;

$P(t) = (p_0(t), p_1(t), \dots, p_9(t))$ – вектор управляющих воздействий в произвольный момент времени $t > 0$;

$W = (w_{ij})$ – матрица весов ориентированного мультиграфа, где w_{ij} – оценка степени влияния концепта X_i на концепт $X_j, i, j = 0, \dots, 9$.

Во введенных обозначениях матрицы весов ориентированных мультиграфов модели вид представлен в табл. 4:

Таблица 4

Матрица весов ориентированных мультиграфов модели

Для управления оценкой финансового состояния предприятия S							
$W 1 =$	0	0,524	0,476	0	0	0	0,251
	0,524	0	0,524	0	0	0	0,149
	0,476	0,476	0	0	0	0	0,106
	0	0	0	0	0,378	0,722	0,144
	0	0	0	0,378	0	0,378	0,208
	0	0	0	0,722	0,722	0	0,142
	0	0	0	0	0	0	0
Для управления оценкой эффективности деятельности предприятия P							
$W 2 =$	0,000	0,101	0,322	0	0,306	0	0,196
	0,321	0	0,102	0,122	0	0	0,204
	0,476	0,475	0	0,218	0	0,107	0,302
	0	0,424	0,205	0	0,378	0,422	0,098
	0,203	0	0	0,328	0	0,471	0,104
	0	0	0,371	0,332	0,316	0	0,096
	0	0	0	0	0	0	0

Примечание: составлено авторами на основании данных, полученных в исследовании.

Все ненулевые собственные значения различны и не превосходят по модулю единицу, необходимые и достаточные условия импульсной устойчивости представленной системы управления выполнены [9].

Расчет начальных условий для целей и оценка состояния предприятий

Для формирования агрегированных оценок финансового состояния и эффективности де-

ятельности предприятий использован математический аппарат нечетких многоуровневых $[0,1]$ – классификаторов, многократно описанный в работах авторов [10, 11].

1. ЗАО «Абрау-Дюрсо»

Оценка финансового состояния предприятия представлена в табл. 5.

Таблица 5

Оценка финансового состояния предприятия

№	Показатели	Значение	Вес	Терм 1	Терм 2	Терм 3	Терм 4	Терм 5
1	К 11	0,40	0,25	0	0	1,0	0	0,0
2	К 12	0,08	0,15	0	0	1,0	0	0,0
3	К 13	0,35	0,10	0	0	1,0	0	0,0
4	К 21	2,41	0,15	0	0	0,0	0	1,0
5	К 22	1,77	0,20	0	0	0,0	0	1,0
6	К 23	0,76	0,15	0	0	0,0	0	1,0
	Веса термов			0	0	0,5	0	0,5

Примечание: составлено авторами на основании данных, полученных в исследовании.

$P = 0 \times 0,125 + 0 \times 0,3 + 0,5 \times 0,5 + 0 \times 0,7 + 0,5 \times 0,875 = 0,6875$, (хорошо, выше среднего). Корректировка не требуется.

Оценка эффективности деятельности предприятия рассчитана в табл. 6.

Таблица 6

Оценка эффективности деятельности предприятия

№	Показатели	Значение	Вес	Терм 1	Терм 2	Терм 3	Терм 4	Терм 5
1	К 31	0,33	0,2	0,0	0	0,0	0	1,0
2	К 35	0,07	0,2	0,0	0	1,0	0	0,0
3	К 36	0,17	0,3	0,0	0	1,0	0	0,0
4	К 31	3,82	0,1	0,0	0	0,0	0	1,0
5	К 41	498,00	0,1	1,0	0	0,0	0	0,0
6	К 43	772,00	0,1	1,0	0	0,0	0	0,0
	Веса термов			0,2	0	0,5	0	0,3

Примечание: составлено авторами на основании данных, полученных в исследовании.

$S = 0,2 \times 0,125 + 0 \times 0,3 + 0,5 \times 0,5 + 0 \times 0,7 + 0,3 \times 0,875 = 0,7625$, (хорошо, высокий). Корректировка не требуется.

Оценка финансового состояния предприятия представлена в табл. 7.

2. ООО «Центр винного туризма Абрау-Дюрсо»

Таблица 7

Оценка финансового состояния предприятия

№	Показатели	Значение	Вес	Терм 1	Терм 2	Терм 3	Терм 4	Терм 5
1	К 11	0,04	0,25	0,0	1,0	0	0	0
2	К 12	-2,23	0,15	0,0	1,0	0	0	0
3	К 13	-5,23	0,10	1,0	0,0	0	0	0
4	К 21	0,31	0,15	1,0	0,0	0	0	0
5	К 22	0,18	0,20	1,0	0,0	0	0	0
6	К 23	0,01	0,15	1,0	0,0	0	0	0
	Веса термов			0,6	0,4	0	0	0

Примечание: составлено авторами на основании данных, полученных в исследовании.

$P = 0,6 \times 0,125 + 0,4 \times 0,3 + 0 \times 0,5 + 0 \times 0,7 + 0 \times 0,875 = 0,195$, (неуд., очень низкий).

Требуется корректировка.

Оценка эффективности деятельности предприятия рассчитана в табл. 8.

Таблица 8

Оценка эффективности деятельности предприятия

№	Показатели	Значение	Вес	Терм 1	Терм 2	Терм 3	Терм 4	Терм 5
1	К 31	0,08	0,2	0	0	0,0	1,0	0,0
2	К 35	0,05	0,2	0	0	1,0	0,0	0,0
3	К 36	2,46	0,3	0	0	0,0	0,0	1,0
4	К 31	3,29	0,1	0	0	0,0	0,0	1,0
5	К 41	49,00	0,1	0	0	0,0	0,0	1,0
6	К 43	170,00	0,1	0	0	1,0	0,0	0,0
	Веса термов			0	0	0,3	0,2	0,5

Примечание: составлено авторами на основании данных, полученных в исследовании.

$S = 0 \times 0,125 + 0 \times 0,3 + 0,3 \times 0,5 + 0,2 \times 0,7 + 0,5 \times 0,875 = 0,7275$, (хорошо, высокий). Корректировка не требуется.

3. ООО «Абрау-Дюрсо»

Оценка финансового состояния предприятия представлена в табл. 9.

Таблица 9

Оценка финансового состояния предприятия

№	Показатели	Значение	Вес	Терм 1	Терм 2	Терм 3	Терм 4	Терм 5
1	К 11	0,42	0,25	0,00	0	1,00	0	0
2	К 12	-7,06	0,15	1,00	0	0,00	0	0
3	К 13	-11,75	0,10	1,00	0	0,00	0	0
4	К 21	0,30	0,15	1,00	0	0,00	0	0
5	К 22	0,10	0,20	1,00	0	0,00	0	0
6	К 23	0,00	0,15	1,00	0	0,00	0	0
	Веса термов			0,75	0	0,25	0	0

Примечание: составлено авторами на основании данных, полученных в исследовании.

$P = 0,75 \times 0,125 + 0 \times 0,3 + 0,25 \times 0,5 + 0 \times 0,7 + 0 \times 0,875 = 0,2188$, (неуд., низкий).

Требуется корректировка.

Оценка эффективности деятельности предприятия рассчитана в табл. 10.

Таблица 10

Оценка эффективности деятельности предприятия

№	Показатели	Значение	Вес	Терм 1	Терм 2	Терм 3	Терм 4	Терм 5
1	К 31	0,27	0,2	0,0	0,0	0,0	0	1,0
2	К 35	0,65	0,2	0,0	0,0	0,0	0	1,0
3	К 36	0,17	0,3	0,0	0,0	1,0	0	0,0
4	К 31	0,13	0,1	0,0	0,0	1,0	0	0,0
5	К 41	234,00	0,1	0,0	1,0	0,0	0	0,0
6	К 43	3213,00	0,1	1,0	0,0	0,0	0	0,0
	Веса термов			0,1	0,1	0,4	0	0,4

Примечание: составлено авторами на основании данных, полученных в исследовании.

$S = 0,1 \times 0,125 + 0,1 \times 0,3 + 0,4 \times 0,5 + 0 \times 0,7 + 0,4 \times 0,875 = 0,4125$, (уд., средний).
Корректировка не требуется.

4. ПАО «Абрау-Дюрсо»

Оценка финансового состояния предприятия представлена в табл. 11.

Таблица 11

Оценка финансового состояния предприятия

№	Показатели	Значение	Вес	Терм 1	Терм 2	Терм 3	Терм 4	Терм 5
1	К 11	0,68	0,25	0,00	0,00	0,00	0,0	1,00
2	К 12	-0,24	0,15	1,00	0,00	0,00	0,0	0,00
3	К 13	-915,92	0,10	1,00	0,00	0,00	0,0	0,00
4	К 21	1,04	0,15	0,00	1,00	0,00	0,0	0,00
5	К 22	1,04	0,20	0,00	0,00	0,00	1,0	0,00
6	К 23	0,09	0,15	0,00	0,00	1,00	0,0	0,00
	Веса термов			0,25	0,15	0,15	0,2	0,25

Примечание: составлено авторами на основании данных, полученных в исследовании.

$P = 0,25 \times 0,125 + 0,15 \times 0,3 + 0,15 \times 0,5 + 0,2 \times 0,7 + 0,25 \times 0,875 = 0,51$, (уд., средний). Оценка эффективности деятельности предприятия рассчитана в табл. 12. Корректировка не требуется.

Таблица 12

Оценка эффективности деятельности предприятия

№	Показатели	Значение	Вес	Терм 1	Терм 2	Терм 3	Терм 4	Терм 5
1	К 31	-0,10	0,2	1,0	0	0	0,0	0,0
2	К 35	0,19	0,2	0,0	0	0	1,0	0,0
3	К 36	0,27	0,3	0,0	0	0	0,0	1,0
4	К 31	7,57	0,1	0,0	0	0	0,0	1,0
5	К 41	1643,00	0,1	1,0	0	0	0,0	0,0
6	К 43	9364,00	0,1	1,0	0	0	0,0	0,0
	Веса термов			0,4	0	0	0,2	0,4

Примечание: составлено авторами на основании данных, полученных в исследовании.

$S = 0,4 \times 0,125 + 0 \times 0,3 + 0 \times 0,5 + 0,2 \times 0,7 + 0,4 \times 0,875 = 0,54$, (уд., средний). Корректировка не требуется.

5. ООО «Территория Абрау-Дюрсо»

Оценка финансового состояния предприятия представлена в табл. 13.

Таблица 13

Оценка финансового состояния предприятия

№	Показатели	Значение	Вес	Терм 1	Терм 2	Терм 3	Терм 4	Терм 5
1	К 11	0,28	0,25	0,00	0	1,00	0	0,00
2	К 12	-0,66	0,15	1,00	0	0,00	0	0,00
3	К 13	-0,88	0,10	1,00	0	0,00	0	0,00
4	К 21	3,49	0,15	0,00	0	0,00	0	1,00
5	К 22	0,89	0,20	0,00	0	1,00	0	0,00
6	К 23	0,00	0,15	1,00	0	0,00	0	0,00
	Веса термов			0,4	0	0,45	0	0,15

Примечание: составлено авторами на основании данных, полученных в исследовании.

$P = 0,4 \times 0,125 + 0 \times 0,3 + 0,45 \times 0,5 + 0 \times 0,7 + 0,15 \times 0,875 = 0,40625$, (уд., ниже среднего). Оценка эффективности деятельности предприятия рассчитана в табл. 14. Корректировка не требуется.

Таблица 14

Оценка эффективности деятельности предприятия

№	Показатели	Значение	Вес	Терм 1	Терм 2	Терм 3	Терм 4	Терм 5
1	К 31	0,44	0,2	0,0	0	0	0	1,0
2	К 35	0,93	0,2	0,0	0	0	0	1,0

Окончание табл. 14

№	Показатели	Значение	Вес	Терм 1	Терм 2	Терм 3	Терм 4	Терм 5
3	К 36	0,52	0,3	0,0	0	0	0	1,0
4	К 31	0,66	0,1	0,0	0	0	0	1,0
5	К 41	444,00	0,1	1,0	0	0	0	0,0
6	К 43	1471,00	0,1	1,0	0	0	0	0,0
	Веса термов			0,2	0	0	0	0,8

Примечание: составлено авторами на основании данных, полученных в исследовании.

$S = 0,2 \times 0,125 + 0 \times 0,3 + 0 \times 0,5 + 0 \times 0,7 + 0,8 \times 0,875 = 0,725$, (хорошо, высокий).
Корректировка не требуется.

6. ООО «Ателье вина Абрау-Дюрсо»
Оценка финансового состояния предприятия представлена в табл. 15.

Таблица 15

Оценка финансового состояния предприятия

№	Показатели	Значение	Вес	Терм 1	Терм 2	Терм 3	Терм 4	Терм 5
1	К 11	-0,70	0,25	1,00	0	0	0,00	0
2	К 12	-0,89	0,15	1,00	0	0	0,00	0
3	К 13	-1,77	0,10	1,00	0	0	0,00	0
4	К 21	0,53	0,15	1,00	0	0	0,00	0
5	К 22	0,24	0,20	1,00	0	0	0,00	0
6	К 23	0,21	0,15	0,00	0	0	1,00	0
	Веса термов			0,85	0	0	0,15	0

Примечание: составлено авторами на основании данных, полученных в исследовании.

$P = 0,85 \times 0,125 + 0 \times 0,3 + 0 \times 0,5 + 0,15 \times 0,7 + 0 \times 0,875 = 0,21125$, (неуд., низкий).
Требуется корректировка.

Оценка эффективности деятельности предприятия рассчитана в табл. 16.

Таблица 16

Оценка эффективности деятельности предприятия

№	Показатели	Значение	Вес	Терм 1	Терм 2	Терм 3	Терм 4	Терм 5
1	К 31	0,07	0,3	0	0	0	1,0	0,0
2	К 35	0,32	0,3	0	0	0	0,0	1,0
3	К 36	-	-	0	0	0	0	0
4	К 31	-	-	0	0	0	0	0
5	К 41	0,47	0,2	0	0	0	0,0	1,0
6	К 43	51,30	0,2	0	0	0	0,0	1,0
	Веса термов			0	0	0	0,3	0,7

Примечание: составлено авторами на основании данных, полученных в исследовании.

$S = 0 \times 0,125 + 0 \times 0,3 + 0 \times 0,5 + 0,3 \times 0,7 + 0,7 \times 0,875 = 0,8225$, (отлично, высокий).
Корректировка не требуется.

Расчет стратегий по управлению предприятиями корпорации

1. Корректировка финансового состояния ООО «Центр винного туризма Абрау-Дюрсо».

Выбор альтернатив (рис. 4–8), расчет динамики распространения управляющих воздействий на основе СППР «ИГЛА» отражены на рис. 9. Соответствующие графики приведены на рис. 10.

Альтернатива: Альтернатива0

Название: Альтернатива0

Сценарий Результат

+ - Продолжительность: 24 С моделировать

Шаг	Длительность	Объект	Действие	Значение
1	1	k11	Установить ...	Средний
2	1	k12	Установить ...	Низкий
3	1	k12	Установить ...	Ниже среднего

Рис. 4. Выбор альтернатив 0 на основе СППР «ИГЛА»

Примечание: составлено авторами на основании данных, полученных в исследовании.

Альтернатива: Альтернатива1

Название: Альтернатива1

Сценарий Результат

+ - Продолжительность: 24 С моделировать

Шаг	Длительность	Объект	Действие	Значение
1	1	k11	Установить ...	Ниже среднего
2	1	k11	Установить ...	Средний
3	1	k11	Установить ...	Выше среднего

Рис. 5. Выбор альтернатив 1 на основе СППР «ИГЛА»

Примечание: составлено авторами на основании данных, полученных в исследовании.

Альтернатива: Альтернатива2

Название: Альтернатива2

Сценарий Результат

+ - Продолжительность: 24 С моделировать

Шаг	Длительность	Объект	Действие	Значение
1	1	k13	Установить ...	Низкий
2	1	k13	Установить ...	Ниже среднего
3	1	k13	Установить ...	Средний

Рис. 6. Выбор альтернатив 2 на основе СППР «ИГЛА»

Примечание: составлено авторами на основании данных, полученных в исследовании.

Альтернатива: Альтернатива3

Название: Альтернатива3

Сценарий Результат

+ - Продолжительность: 24 С моделировать

Шаг	Длительность	Объект	Действие	Значение
1	1	k21	Установить ...	Низкий
2	1	k21	Установить ...	Ниже среднего
3	1	k21	Установить ...	Средний

Рис. 7. Выбор альтернатив 3 на основе СППР «ИГЛА»

Примечание: составлено авторами на основании данных, полученных в исследовании.

Альтернатива: Альтернатива5

Название: Альтернатива5

Сценарий: Результат

Продолжительность: 24 С моделировать

Шаг	Длительность	Объект	Действие	Значение
1	1	k11	Установить ...	Ниже среднего
2	1	k11	Установить ...	Средний
3	1	k21	Установить ...	Низкий

Рис. 8. Выбор альтернатив 5 на основе СППР «ИГЛА»

Примечание: составлено авторами на основании данных, полученных в исследовании.

Альтернатива: Альтернатива0

Название: Альтернатива0

Сценарий: Результат

Изменение значений концептов по сценарию

	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17	18	19	20
1.k11	0.3571	0.5000	0.5000	0.6072	0.7171	0.8250	0.9343	1.0000	1.0000	1.0000	1.0000	1.0000	1.0000	1.0000	1.0000	1.0000	1.0000	1.0000	1.0000	1.0000
2.k12	0.0714	0.0714	0.2143	0.3571	0.4485	0.5661	0.6703	0.7813	0.8667	0.9095	0.9308	0.9415	0.9469	0.9495	0.9508	0.9515	0.9518	0.9520	0.9521	0.9521
3.k13	0.0714	0.0714	0.1400	0.2143	0.3400	0.4403	0.5532	0.6599	0.7491	0.7935	0.8158	0.8269	0.8325	0.8352	0.8366	0.8373	0.8376	0.8378	0.8379	0.8379
4.k21	0.0714	0.0714	0.0714	0.0714	0.0714	0.0714	0.0714	0.0714	0.0714	0.0714	0.0714	0.0714	0.0714	0.0714	0.0714	0.0714	0.0714	0.0714	0.0714	0.0714
5.k22	0.0714	0.0714	0.0714	0.0714	0.0714	0.0714	0.0714	0.0714	0.0714	0.0714	0.0714	0.0714	0.0714	0.0714	0.0714	0.0714	0.0714	0.0714	0.0714	0.0714
6.k23	0.0714	0.0714	0.0714	0.0714	0.0714	0.0714	0.0714	0.0714	0.0714	0.0714	0.0714	0.0714	0.0714	0.0714	0.0714	0.0714	0.0714	0.0714	0.0714	0.0714
7.P	0.0034	0.0034	0.0411	0.0710	0.1298	0.1869	0.2447	0.3022	0.3487	0.3719	0.3835	0.3892	0.3921	0.3936	0.3943	0.3947	0.3948	0.3949	0.3950	0.3950

Рис. 9. Расчет динамики распространения управляющих воздействий

Примечание: составлено авторами на основании данных, полученных в исследовании.

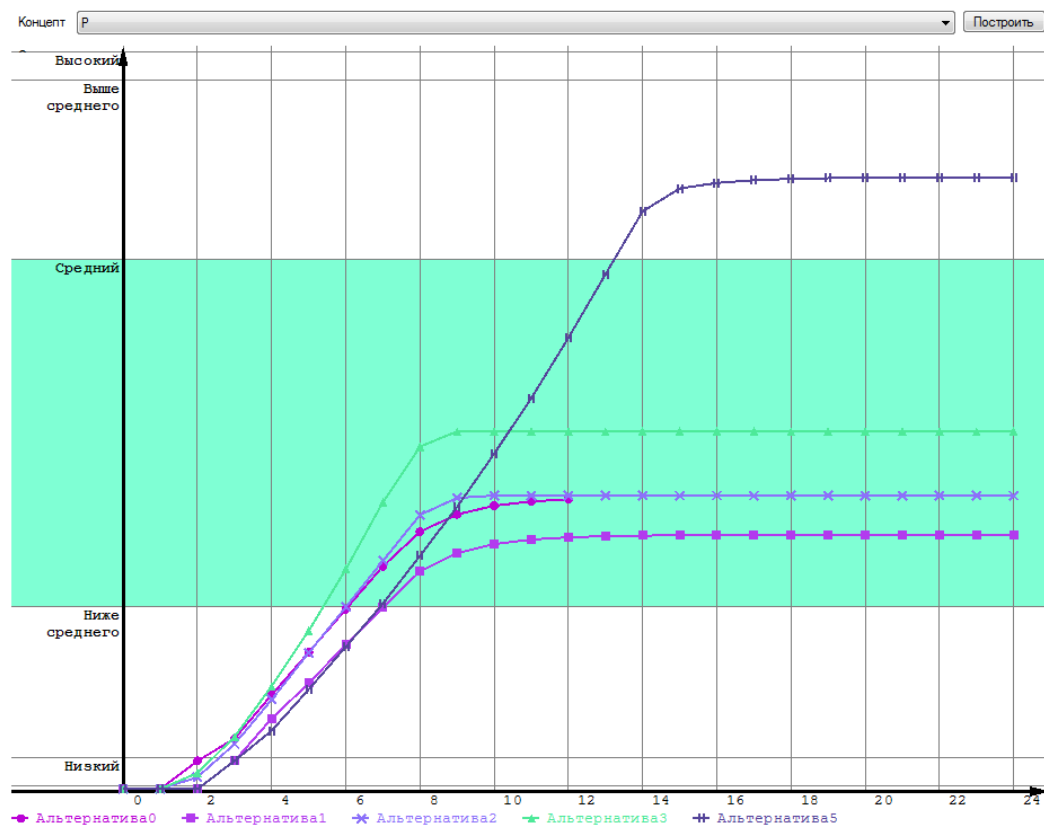

Рис. 10. Графики управляющих альтернатив, СППР «ИГЛА»

Примечание: составлено авторами на основании данных, полученных в исследовании.

Выводы: оптимальной является Альтернатива 5, которая состоит в том, чтобы:

1 шаг: коэффициент K_{11} принимает значение «ниже среднего»;

2 шаг: коэффициент K_{11} принимает значение «средний»;

3 шаг: коэффициент K_{21} принимает значение «низкий».

Это означает, в переводе на термины мероприятий, что:

- на 1-м и 2-м шагах необходимо осуществлять вложение собственниками компании дополнительных средств и привлечение инвесторов;

- на 3-м шаге требуется осуществить проверку структуры долгов; реструктуризацию задолженностей; списание долгов с истекшим сроком годности; увеличение оборотных активов без снижения их оборачиваемости.

Корректировка финансового состояния ООО «Абрау-Дюрсо»

Оптимальной является Альтернатива 5, которая состоит в том, чтобы:

1 шаг: коэффициент K_{11} принимает значение «выше среднего»;

2 шаг: коэффициент K_{21} принимает значение «низкий»;

3 шаг: коэффициент K_{21} принимает значение «ниже среднего».

Это означает, в переводе на термины мероприятий, что:

- на 1-м шаге необходимо осуществлять вложение собственниками компании дополнительных средств и привлечение инвесторов;

- на 2-м и 3-м шагах требуется осуществить проверку структуры долгов; реструктуризацию задолженностей; списание долгов с истекшим сроком годности; увеличение оборотных активов без снижения их оборачиваемости.

Корректировка финансового состояния ООО «Ателье вина Абрау-Дюрсо»

Оптимальной является Альтернатива 5, которая состоит в том, чтобы:

1 шаг: коэффициент K_{11} принимает значение «выше среднего»;

2 шаг: коэффициент K_{21} принимает значение «низкий»;

3 шаг: коэффициент K_{21} принимает значение «ниже среднего».

Это означает, в переводе на термины мероприятий, что:

- на 1-м шаге необходимо осуществлять вложение собственниками компании дополнительных средств и привлечение инвесторов;

- на 2-м и 3-м шаге требуется осуществить проверку структуры долгов; реструктуризацию задолженностей; списание долгов с истекшим сроком годности; увеличение оборотных активов без снижения их оборачиваемости.

Рассмотрение трех примеров показало, что оптимальным подходом к корректировке финансового состояния предприятия корпорации является стратегия, заключающаяся в поэтапном повышении коэффициента автономии (финансовой независимости) и коэффициента текущей (общей) ликвидности. Работа по повышению указанных коэффициентов приводит к скорейшему улучшению финансового состояния предприятия по сравнению со всеми прочими возможными стратегиями. На практике она выражается во вложении собственниками компании дополнительных средств и привлечении инвесторов, проверке структуры долгов, реструктуризации задолженностей, списании долгов с истекшим сроком годности, увеличении оборотных активов без снижения их оборачиваемости.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В настоящее время использование искусственного интеллекта в управлении финансами корпораций становится все более актуальным и перспективным. Развитие информационных технологий и возможности, которые предоставляет ИИ, значительно улучшают эффективность процессов контроля и управления финансами, способствуя принятию обоснованных решений и достижению высоких финансовых показателей. В ходе проведенного исследования было выявлено, что СППР «ИГЛА» представляет собой мощный инструмент, способный значительно повысить эффективность контроля и управления финансами корпораций. «ИГЛА» позволяет автоматизировать процессы анализа финансовой информации, прогнозирования и моделирования финансовых показателей, а также принятия оптимальных решений на основе доступных данных.

Полученные результаты исследования подтвердили, что применение СППР «ИГЛА»

в контроле и управлении финансами корпораций способствует улучшению точности прогнозирования финансовых показателей, оптимизации бюджетного планирования, выявлению аномалий и рисков, а также повышению уровня автоматизации и эффективности процессов финансового управления.

Однако следует отметить, что успешная реализация ИИ в контроле и управлении финансами корпораций требует не только технической готовности ИИ, но и понимания, поддержки со стороны руководства организации. Внедрение такой системы требует высо-

кой степени подготовки персонала, а также необходимости обеспечения надежности и безопасности информационных систем [12–13].

Таким образом, использование ИИ в контроле и управлении финансами корпораций с использованием СППР «ИГЛА» представляет большие перспективы для развития финансового сектора. Дальнейшие исследования и внедрение подобных систем могут значительно повысить эффективность финансового управления, способствовать достижению конкурентных преимуществ и укреплению позиций корпораций на рынке [14].

Список источников

1. Бамбуров В. А. Применение технологий искусственного интеллекта в корпоративном управлении // Государственная служба. 2018. № 3. С. 23–28.
2. Жидкова М. А., Израилова С. Н. Основные источники формирования финансовых ресурсов предприятия в цифровой экономике // Экономика и бизнес: теория и практика. 2020. № 4–1. С. 128–132.
3. Фролова В. Б. Влияние цифровых технологий на развитие финансового менеджмента корпораций // Россия: тенденции и перспективы развития : Ежегодник. Материалы XIX Национал. науч. конф. с междунар. участием, 18–19 декабря 2019 г., г. Москва. Т. 15, Ч. 1. М. : ИНИОН РАН, 2020. С. 375–377.
4. TestFirm. URL: <https://www.testfirm.ru> (дата обращения: 05.04.2023).
5. Audit-IT. Ваш финансовый аналитик. URL: <https://www.audit-it.ru/finanaliz/> (дата обращения: 05.04.2023).
6. Щукина Н. А., Горемыкина Г. И. Когнитивное моделирование системы управления рисками процессов POS-кредитования // Моделирование, оптимизация и информационные технологии. 2019. Т. 7, № 2. С. 237–253.
7. Kosko B. Fuzzy cognitive maps. *Int J Man-Machine Studies*. 1986;24:65–75.
8. Хабаров С. П. Интеллектуальные информационные системы. URL: http://www.habarov.spb.ru/new_es/index.htm (дата обращения: 05.04.2023).
9. Roberts F. S., Brown T. A. Signed digraphs and the energy crisis. *The American Mathematical Monthly*. 1975;82(6):577–594.
10. Крамаров С. О., Овсянников В. А., Сахарова Л. В. и др. Автоматизированный сбор данных ключевых финансовых показателей предприятий IT-отрасли региона // Вестник кибернетики. 2022. № 3. С. 39–45. DOI 10.34822/1999-7604-2022-3-39-45.
11. Крамаров С. О., Арапова Е. А., Сахарова Л. В. и др. Методика оценки финансово-экономического состояния отрасли региона на основе алгоритма нечетко-множественного агрегирования финансово-

References

1. Bamburov V. A. The application of artificial intelligence technology in corporate governance. *Gosudarstvennaia sluzhba*. 2018;(3):23–28. (In Russian).
2. Zhidkova M. A., Israilova S. N. The main sources of formation of financial resources of the enterprise in the digital economy. *Economy and Business: Theory and Practice*. 2020;(4–1):128–132. (In Russian).
3. Frolova V. B. Vliianie tsifrovyykh tekhnologii na razvitiye finansovogo menedzhmenta korporatsii. In: *Yearbook, Proceedings of the XIX National Scientific Conference with International Participation "Rossiya: tendentsii i perspektivy razvitiia"*, December 18–19, 2019, Moscow. Vol. 15, Pt. 1. Moscow: INION RAN; 2020. p. 375–377. (In Russian).
4. TestFirm. URL: www.testfirm.ru (accessed: 05.04.2023). (In Russian).
5. Audit IT. Vash finansovyy analitik. URL: <https://www.audit-it.ru/finanaliz/> (accessed: 05.04.2023). (In Russian).
6. Shchukina N. A., Goremykina G. I. Cognitive modeling of risk management processes POS-loaning. *Modeling, Optimization and Information Technology*. 2019;7(2):237–253. (In Russian).
7. Kosko B. Fuzzy cognitive maps. *Int J Man-Machine Studies*. 1986;24:65–75.
8. Khabarov S. P. Intellekturnye informatsionnye sistemy. URL: http://www.khabarov.spb.ru/new_es/index.htm (accessed: 05.04.2023). (In Russian).
9. Roberts F. S., Brown T. A. Signed digraphs and the energy crisis. *The American Mathematical Monthly*. 1975;82(6):577–594.
10. Kramarov S. O., Ovsyannikov V. A., Sakharova L. V. et al. Automated data collection of key financial indicators of IT enterprises in the region. *Proceedings in Cybernetics*. 2022;(3):39–45. DOI 10.34822/1999-7604-2022-3-39-45. (In Russian).
11. Kramarov S. O., Arapova E. A., Sakharova L. V. et al. Methodology for assessment of financial and economic state of the region field based on the algorithm of fuzzy-multiple aggregation of financial and economic indicators. *Surgut State University Jour-*

- экономических показателей // Вестник Сургутского государственного университета. 2022. № 3. С. 23–34. DOI 10.34822/2312-3419-2022-3-23-34.
12. Исаев Р. А., Подвесовский А. Г. Повышение когнитивной ясности графовых моделей представления знаний и принятия решений с применением визуализации // Эргодизайн. 2021. № 1. С. 27–35. DOI 10.30987/2658-4026-2021-1-27-35.
13. Акишина А. А., Аникьева М. А., Антипина И. В. и др. Национальные интересы и вопросы регионального развития в системе приоритетов международной деятельности российских университетов : коллективная моногр. / под ред. С. О. Крамарова, Н. В. Пелихова, В. И. Скоробогатовой. М. : РИОР, 2021. 266 с.
14. Горемыкина Г. И., Щукина Н. А. Нечеткое когнитивное моделирование системы управления спросом на экспресс-кредиты // Моделирование, оптимизация и информационные технологии. 2018. Т. 6, № 3. С. 104–120.
12. Isaev R. A., Podvesovsky A. G. Improving the cognitive clarity of graph models of knowledge representation and decision-making using visualization. *Ergodesign*. 2021;(1):27–35. DOI 10.30987/2658-4026-2021-1-27-35. (In Russian).
13. Akishina A. A., Anikyeva M. A., Antipina I. V. et al. *Natsionalnye interesy i voprosy regionalnogo razvitiia v sisteme prioritetov mezhdunarodnoi deiatelnosti rossiiskikh universitetov*. Collective monograph. Kramarov S. O., Pelikhov N. V., Skorobogatova V. I., editors. Moscow: RIOR; 2021. 266 p. (In Russian).
14. Goremykina G. I., Shchukina N. A. Fuzzy cognitive modeling of demand control system for express loans. *Modeling, Optimization and Information Technology*. 2018;6(3):104–120. (In Russian).

Информация об авторах

С. О. Крамаров – доктор физико-математических наук, профессор, академик Академии информатизации образования (АИО), советник президента МИРЭА – Российского технологического университета, председатель Научного совета Южного отделения АИО.

А. Н. Кузьминов – доктор экономических наук, профессор, главный научный сотрудник.

Н. А. Рутта – кандидат экономических наук, доцент.

Л. В. Сахарова – доктор физико-математических наук, профессор.

Е. В. Гребенюк – магистр, старший преподаватель.

Information about the authors

S. O. Kramarov – Doctor of Sciences (Physics and Mathematics), Professor, Academician of the Academy of Informatization of Education, Advisor to the President of MIREA – Russian Technological University, Chairman of the Scientific Council of the Southern Branch of the Academy of Informatization of Education.

A. N. Kuzminov – Doctor of Sciences (Economics), Professor, Chief Researcher.

N. A. Rutta – Candidate of Sciences (Economics), Docent.

L. V. Sakharova – Doctor of Sciences (Physics and Mathematics), Professor.

E. V. Grebenyuk – Master's Degree Student, Senior Lecturer.

Научная статья
УДК 502:330.35
DOI 10.35266/2949-3455-2023-4-6

«ЗЕЛЕННЫЕ» ЦЕПОЧКИ ПОСТАВОК КАК ДРАЙВЕР РАЗВИТИЯ ЦИРКУЛЯРНОЙ ЭКОНОМИКИ

М. Рагэб Лабабиди¹, Вероника Юрьевна Земзюлина^{2✉},
Светлана Александровна Слукина³

^{1, 2, 3} Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина,
Екатеринбург, Россия

¹ ragheb.la94@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-6990-2326>

² veronika.zemziulina@urfu.ru ✉, <https://orcid.org/0000-0003-1699-636X>

³ s.a.slukina@urfu.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1164-8761>

Аннотация. В связи с быстрым ростом потребления ископаемой энергии, вызванным технологическим прогрессом, все больше внимания уделяется изменению климата и экологическим проблемам. Промышленные предприятия являются крупными эмитентами различного рода выбросов, что обуславливает необходимость исследований в сфере экологической ответственности бизнеса.

Предметом исследования являются принципы экологичного управления цепочками поставок в производственных компаниях. Цель исследования заключается в определении роли «зеленых» цепочек поставок в процессе перехода к циркулярной экономике и формировании модели управления ими. Данная цель предопределила решение следующих задач: 1) исследовать концептуальную взаимосвязь циркулярной и «зеленой» экономики; 2) определить сущность термина «управление «зелеными» цепочками поставок»; 3) рассмотреть существующие практики управления «зелеными» цепочками поставок на предприятиях и выделить ключевые из них.

При проведении исследования применялись методы теоретического анализа, синтеза, а также научной абстракции и обобщения. По результатам изучения российской и зарубежной научной литературы, а также нефинансовой отчетности отечественных производственных компаний были выявлены наиболее успешные практики управления «зелеными» цепочками поставок на предприятиях и обозначена их роль в переходе к циркулярной экономике.

Ключевые слова: управление «зелеными» цепочками поставок, экологическая ответственность бизнеса, «зеленая» экономика, циркулярная экономика, переработка

Для цитирования: Лабабиди М. Р., Земзюлина В. Ю., Слукина С. А. «Зеленые» цепочки поставок как драйвер развития циркулярной экономики // Вестник Сургутского государственного университета. 2023. Т. 11, № 4. С. 67–75. DOI 10.35266/2949-3455-2023-4-6.

Original article

GREEN SUPPLY CHAIN AS A DEVELOPMENT DRIVER FOR A CIRCULAR ECONOMY

M. Rageb Lababidi¹, Veronika Yu. Zemzyulina^{2✉}, Svetlana A. Slukina³

^{1, 2, 3} Ural Federal University, Yekaterinburg, Russia

¹ ragheb.la94@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-6990-2326>

² veronika.zemziulina@urfu.ru ✉, <https://orcid.org/0000-0003-1699-636X>

³ s.a.slukina@urfu.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1164-8761>

Abstract. There is an increasing focus on climate change and environmental issues due to the rapid growth in fossil energy consumption driven by technological advances. Industrial enterprises are majorly responsible for various emissions, necessitating research into the business environmental liability.

The subject of the study is the principles of environmentally friendly supply chain management in manufacturing companies. The study aims to determine the role of green supply chain in transition to a circular economy and to develop a management model for them. Thus, the following problems must be addressed: 1) exploring the conceptual relationship between the circular and green economies; 2) defining the essence of the term green supply chain management; 3) reviewing the existing practices for managing green supply chain at enterprises and identifying the key ones.

In the course of the study, methods of theoretical analysis, synthesis, as well as scientific abstraction and generalization are used. Based on the findings of studying Russian and foreign scientific literature, as well as the non-financial reporting of domestic manufacturing companies, the most efficient practices for managing green supply chain at enterprises are identified, as well as their role in the transition to a circular economy.

Keywords: green supply chain management, business environmental liability, green economy, circular economy, recycling

For citation: Lababidi M. R., Zemzyulina V. Yu., Slukina S. A. Green supply chain as a development driver for a circular economy. *Surgut State University Journal*. 2023;11(4):67–75. DOI 10.35266/2949-3455-2023-4-6.

ВВЕДЕНИЕ

Интеграция природоохранных действий и организационно-экономической деятельности привлекает все больше внимания в последние десятилетия. Перед современными производственными компаниями стоит сложнейшая задача – находить баланс между собственными интересами, соблюдением законодательства и сохранением окружающей среды.

Термин «зеленый» применительно к организационно-экономическим процессам означает «экологически чистый» и применяется с конца 1980-х гг. Именно в этот период вследствие наращивания производственных мощностей обострились такие экологические проблемы, как загрязнение воды, глобальное потепление, кислотные дожди. К началу второго тысячелетия экологическая ответственность становится фактором конкурентоспособности промышленных предприятий в развитых странах. Популярность «зеленой» повестки обуславливается в том числе и созданием концепции устойчивого развития, предполагающей три вектора развития общества: экологический, социальный и экономический [1]. С развитием данной концепции уже в 1990-х гг. принципы экологической ответственности проникают во все бизнес-процессы промышленных предприятий – становится очевидной необходимость интеграции методов управления окружающей средой во все подразделения организации в целях достижения максимальной эффективности деятельности компаний [2].

В 2015 г. на XXI конференции Рамочной конвенции об изменении климата было принято Парижское соглашение, где 197 стран договорились бороться с климатическими изменениями [3].

Россия окончательно присоединилась к Парижскому соглашению по климату в 2019 г. С тех пор тренд на «зеленые» цепочки поставок набирает популярность среди отечественных предприятий. Стремление производственных компаний к экологизации вызвано не только требованиями природоохранного законодательства, но и необходимостью выстраивать долгосрочные надежные отношения с контрагентами. Создание имиджа социально и экологически ответственной организации позволяет компаниям повышать лояльность и узнаваемость бренда среди клиентов, а также укрепляет взаимоотношения с поставщиками.

В связи с этим процессы экологизации производства в России протекают достаточно активно. Об этом свидетельствуют как объемы инвестиций в основной капитал, направленных на охрану окружающей среды и рациональное использование природных ресурсов, так и данные нефинансовой отчетности, публикуемой предприятиями.

Проведенный эмпирический анализ подтвердил актуальность изучаемой темы.

Во-первых, из графика, представленного на рис. 1, следует, что инвестиции в основной капитал, направленные на охрану окружающей среды и рациональное использова-

ние природных ресурсов, существенно увеличились за последние 20 лет: с 22 339 до 299 408 млн руб. Это говорит о поступательно возрастающей потребности предприя-

тий максимально снижать негативное влияние на окружающую среду с ростом масштабов деятельности.

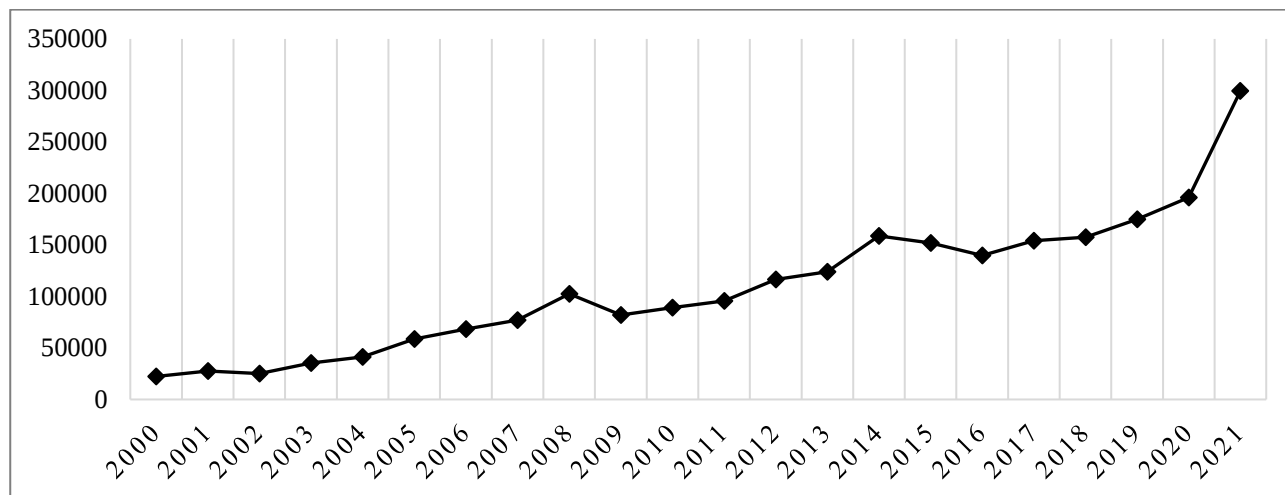

Рис. 1. Динамика инвестиций в основной капитал, направленных на охрану окружающей среды и рациональное использование природных ресурсов в Российской Федерации (млн руб., в фактически действовавших ценах)

Примечание: составлено авторами на основе данных Росстата [4].

Также были изучены годовые отчеты и отчеты об устойчивом развитии компаний лидеров рейтинга аналитического агентства RAEX [5]. По результатам проведенного качественного анализа были сделаны выводы о беспрецедентной популярности экологической ответственности среди российских производственных компаний. Это объясняется рядом причин, главной из которых является желание предприятий выстраивать прочные деловые связи со своими контрагентами и вести экологически ответственный бизнес, обеспечивая себе долгосрочное устойчивое развитие без ущерба для природы и общества.

В связи с этим возникает вопрос эффективных инструментов формирования «зеленых» цепочек поставок в рамках выстраивания экологически ответственного бизнеса.

Таким образом, целью исследования является определение сущности «зеленой» экономики, циркулярной экономики и концептуальной взаимосвязи между ними, рассмотрение ключевых практик выстраивания «зеленых» цепочек поставок для достижения максимального эффекта от экологизации производств промышленных предприятий в рам-

ках перехода к циркулярной и «зеленой» экономике.

Исходя из цели автором были выдвинуты две гипотезы:

- 1) «зеленая» экономика и циркулярная экономика не являются взаимоисключающими, а должны рассматриваться в симбиозе;
- 2) не существует единого подхода к определению и выстраиванию «зеленой» цепочки поставок, однако среди множества инструментов экологизации можно выделить лучшие практики.

Научная новизна исследования заключается: а) в рассмотрении циркулярной экономики как основы или «ядра» «зеленой» экономики; б) определении ключевых практик выстраивания «зеленых» цепочек поставок и обосновании их роли как инструмента экологизации промышленных производств.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ

Исследование базируется на изучении теоретических аспектов сущности понятия «управление “зеленой” цепочкой поставок» и его важности в активизации циркулярной экономики.

Материалом для исследования выступила российская и зарубежная научная литература в области экологизации и циркулярной экономики.

При проведении исследования применялись методы теоретического анализа, синтеза, а также научной абстракции и обобщения.

Эмпирической базой исследования являлись работы зарубежных и российских ученых, а также нефинансовая отчетность предприятий.

РЕЗУЛЬТАТЫ И ИХ ОБСУЖДЕНИЕ

«Зеленая» экономика и циркулярная экономика являются популярными нарративами в дискуссиях об устойчивости в политике, научных исследованиях и бизнесе. Данные модели предлагают два разных подхода для достижения экономических, социальных и экологических целей, тем самым продвигая разные пути трансформации к устойчивому развитию. Являются ли они взаимодополняющими или взаимоисключающими? Многие исследователи рассматривали «зеленую» экономику как линейную и предложили циркулярную экономику в качестве альтернативы «зеленой». Однако, если рассматривать модели совместно, то можно установить схожесть в их сущности: обе модели указы-

вают на общество и экономику, основанные на возобновляемых процессах, обеспечивающих материальные и нематериальные выгоды, которые удовлетворяют экономические и социальные потребности всех людей сейчас и в будущем.

Циркулярный тип экономики обычно противопоставляется традиционной «линейной» или открытой экономике, подразумевающей негативное воздействие на окружающую среду [6]. Циркулярная экономика представляет собой «модель производства и потребления, предполагающая совместное использование, повторное использование, улучшение, переработку, а также утилизацию существующих материалов и продуктов» [7]. В теоретическом плане циркулярную экономику в определенной степени можно считать следующим этапом и обобщающим типом экономики для широко используемых ранее в мире понятий безотходной и малоотходной экономики.

Исследователи в этой области разработали модель циркулярной экономики, которая, как предполагается, разрешит глобальные проблемы изменения климата, сокращения (даже ликвидации) отходов и загрязнений. Данная модель представлена на рис. 2.

Рис. 2. Модель циркулярной экономики
Примечание: составлено по [8].

Циркулярная экономика определяется как модель производства и потребления, основанная на стратегии развития, обеспечивающей экономический рост без увеличения

потребления ресурсов и снижение воздействия на окружающую среду. Основное внимание в концепции уделяется максимально возможному использованию материалов и про-

дуктов. В свою очередь, «зеленая» экономика определяется как «система экономической деятельности, связанная с производством, распределением и потреблением товаров и услуг, которая приводит к улучшению благосостояния людей в долгосрочной перспективе, при этом не подвергая будущие поколения значительным экологическим рискам» [9].

В данном случае основное внимание уделяется снижению негативного воздействия экономической деятельности на природу.

С целью раскрытия схожих и отличительных черт двух исследуемых концепций в таблице приведен сравнительный анализ циркулярной и «зеленой» экономики по ключевым составляющим.

Таблица

Сравнительный анализ концепций циркулярной и «зеленой» экономики

Критерий сравнения	Циркулярная экономика	«Зеленая» экономика
Фокус	циклы ресурсов, максимизация ценности продуктов и материалов	сокращение отрицательного воздействия экономической деятельности на среду
Цели	- содействие устойчивому развитию; - создание замкнутой системы, в которой потери сведены к минимуму, а ресурсы используются более эффективно (система, в которой отходы рассматриваются как ресурс)	- содействие устойчивому развитию; - улучшение благосостояния человека и окружающей среды в долгосрочной перспективе; - обеспечение экономического роста и развитие при одновременном улучшении качества окружающей среды
Стратегии и действия	- принятие инициатив по сокращению и переработке отходов; - разработка систем, поощряющих повторное использование и восстановление продуктов; - разработка изделий, обеспечивающих долговечность, ремонтпригодность и повторную переработку; - сокращение использования первичных ресурсов и поощрение использования переработанных и возобновляемых ресурсов; - принятие новых бизнес-моделей (экономика совместного потребления)	- внедрение более чистых и эффективных технологий; - использование возобновляемых источников энергии; - осуществление политики, поощряющей устойчивое управление ресурсами; - установление законов и наказание нарушителей; - содействие устойчивому развитию сельского хозяйства

Примечание: составлено авторами.

Основная цель циркулярной экономики – создать замкнутую систему, в которой ресурсы используются более эффективно, т. е. систему, в которой отходы рассматриваются как ресурс. Главной целью «зеленой» экономики является улучшение благосостояния людей в долгосрочной перспективе, обеспечение экономического роста при одновременном улучшении качества окружающей среды. Оба подхода направлены на содействие устойчивому развитию.

Циркулярная экономика, как и «зеленая», нацелены на достижение устойчивости, но масштабы этой устойчивости различаются между двумя подходами.

Хотя циркулярная экономика направлена на повышение эффективности использования ресурсов, она не полностью решает проблему

сохранения природного капитала и предотвращения экологических рисков для здоровья человека, в то время как фокус циркулярной экономики ограничивается управлением и повторным использованием отходов, «зеленая» экономика фокусируется на достижении устойчивости в более широком смысле, основой которой является постоянное существование человека в экосистеме.

Объединив принципы циркулярной экономики с концепцией «зеленой» экономики, можно получить интегрированную модель экономики, в которой циркулярная экономика является ядром модели, однако в целом фокус расширяется от использования отходов и материалов к устойчивости системы окружающей среды и благополучию человека (рис. 3).

Рис. 3. Симбиоз циркулярной экономики и «зеленой» экономики

Примечание: составлено авторами.

Основой для создания циркулярной, а вследствие и «зеленой» экономики, служит формирование «зеленой» цепочки поставок, что подразумевает экологизацию всех бизнес-процессов предприятия на каждом из этапов создания ценности.

В результате анализа научной литературы были рассмотрены разные взгляды ученых на понимание процессов экологизации и их роль в достижении целей устойчивого развития предприятий. В предыдущей работе авторы подробно описали изученные подходы к пониманию термина «управление “зелеными” цепочками поставок» [10]. В данном исследовании предлагается остановиться на ключевом из них.

В зарубежной литературе часто встречаются аббревиатуры GSCM (Green Supply Chain Management), что переводится как «управление “зелеными” цепочками поставок», и SSCM (Sustainable Supply Chain Management) – «управление устойчивым цепочками поставок». Под GSCM понимается «включение экологических аспектов в управление цепочкой поставок на всех этапах: выбор поставщика и подбор материалов, процесс производства, создание упаковки, доставка продукции до потребителя, а также управление продукцией в конце срока ее использования» [11]. Можно сделать вывод о том, что «зеленая» цепочка поставок – это такая

организация материальных и информационных потоков, которая позволяет производить готовую продукцию, используя минимальное количество ресурсов и минимизируя количество отходов [12].

В настоящее время остро стоит вопрос рационального выстраивания «зеленых» цепочек поставок. Целью любой коммерческой организации является получение прибыли, а значит экологизация производства не должна проходить в ущерб предприятию.

Во многих исследованиях была предпринята попытка определить базовые правила управления «зелеными» цепочками поставок на предприятиях. Несмотря на то, что существует множество «зеленых» практик, которые предприятие может внедрить, четыре из них считаются наиболее базовыми и универсальными. Данные практики представляют собой обязательную часть сертификации управления «зелеными» цепочками поставок согласно ISO 14001. Важно отметить, что элементы выстраивания «зеленых» цепочек поставок должны быть приняты всеми участниками – в противном случае требуемая эффективность мероприятий не будет достигнута. Требуется подробно рассмотреть сущность каждой из четырех практик.

Экодизайн. Данный подход подразумевает снижение негативного воздействия на окружающую среду на протяжении всего жиз-

ненного цикла продукта (от получения сырья до утилизации), не нарушая важных характеристик, т. е. полезности и стоимости. В «зеленой» цепочке поставок экодизайн играет важную роль, определяя каждый аспект продукта: от материалов, используемых при производстве, до потребления энергии и образования отходов. Практика подчеркивает необходимость интеграции экологических аспектов в дизайн продукта с момента начала его разработки и играет важную роль в достижении целей устойчивого развития, особенно в области обрабатывающей промышленности [11].

«Зеленые» закупки. Рассматриваются как практика закупок, направленная на то, чтобы обеспечить соответствие приобретаемых товаров экологическим целям компании. Она включает в себя минимизацию использования опасных веществ, уменьшение количества отходов и поддержку переработки и вторичного использования продукции. «Зеленые» закупки подразумевают учет соблюдения принципов экологической ответственности контрагентами предприятия: на заключение сделок с поставщиками и покупателями могут влиять такие факторы, как объемы выбросов, углеродный след и т. д. Таким образом, к традиционным критериям выбора поставщика добавляется экологический аспект [13].

Экологическое сотрудничество. Для внедрения «зеленых» цепочек поставок необходимо сотрудничество внутри компании и между различными заинтересованными сторонами. В обработке материалов, например, подразделения (снабжение, маркетинг, производство) должны активно взаимодействовать для достижения экологических целей. Аналогично, существует необходимость внешнего сотрудничества между поставщиками, производителями, логистическими компаниями и покупателями для комплексного выстраивания экологически ответственного бизнеса, продукция которого безопасна и/или легко перерабатывается [11].

Обратная логистика. Включает в себя возврат продукции, повторное использование материалов, переработку отходов, утилизацию и воспроизводство. Для осуществления обратной логистики компании должны выстраивать процессы возврата использованных продуктов для их переработки. Важно отметить, что эта практика должна охватывать как «вход», так и «выход» системы: покупатели возвращают предприятию, например, использованную упаковку, но и сама компания направляет использованные продукты своим поставщикам для повторного производства [13].

Совокупность перечисленных практик позволяет создать полноценную и эффективную модель GSCM (рис. 4).

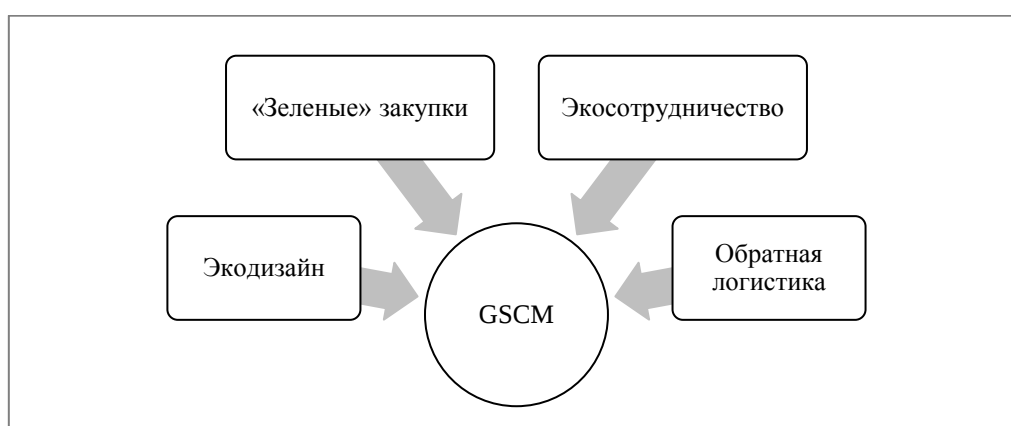

Рис. 4. Модель практик GSCM
Примечание: составлено авторами.

Данная модель практик управления «зеленой» цепочкой поставок служит основой для перехода к циркулярной экономике, со-

блюдение принципов которой является необходимым условием реализации концепции «зеленой» экономики.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Эффективное использование ресурсов от производства до утилизации и дальнейшей вторичной переработки позволяет удовлетворять потребности покупателей, с одной стороны, и снижать негативное антропогенное воздействие на окружающую среду – с другой.

В настоящее время существует сразу несколько концепций и экономических моделей, сущность которых заключается в стремлении минимизировать ущерб от производственных предприятий. Ключевыми из них являются концепции циркулярной и «зеленой» экономики. Некоторые исследователи рассматривают их как взаимоисключающие, однако авторы статьи предлагают подход, где данные модели дополняют друг друга, а их симбиоз позволяет досконально исследовать «зеленые» нарративы современности. Циркулярная экономика выступает в качестве базиса или «ядра» «зеленой» экономики, конкретизируя первые этапы для перехода к новой модели производства и потребления.

Управление «зеленой» цепочкой поставок является наиважнейшим базовым условием для перехода к циркулярной экономике. Ключевыми практиками для выстраивания «зеленой» цепочки поставок являются экодизайн, «зеленые» закупки, экосотрудничество и обратная логистика. Успешное применение данных практик позволит обеспечить поступательный и эффективный переход к циркулярной, следовательно, и «зеленой» экономике посредством разработки и производства «зеленых» продуктов, которые более экологически чистые сами по себе, могут быть повторно использованы.

Дальнейшие исследования в данной области планируется посвятить эмпирическому анализу влияния «зеленых» цепочек поставок на результативность производственных компаний и на темпы их перехода к циркулярной экономике.

Список источников

1. Цяо Цун. Формирование «зеленых» цепей поставок в условиях неопределенности (на примере направления Чунцин – Екатеринбург) : дис. ... канд. техн. наук. Екатеринбург, 2016. 145 с.
2. Maditati D. R., Munim Z. H., Schramm H.-S. et al. A review of green supply chain management: From bibliometric analysis to a conceptual framework and future research directions. *Resources, Conservation and Recycling*. 2018;139:150–162.
3. Парижское соглашение. URL: <https://www.un.org/ru/climatechange/paris-agreement> (дата обращения: 15.04.2023).
4. Инвестиции в основной капитал, направленные на охрану окружающей среды и рациональное использование природных ресурсов (без субъектов малого предпринимательства). URL: <https://34.rosstat.gov.ru/storage/mediabank/invest1.html> (дата обращения: 07.04.2023).
5. ESG-рэнкинг российских компаний (апрель 2023 года). URL: https://raex-rr.com/esg/ESG_rating (дата обращения: 01.04.2023).
6. Бобылев С. Н., Соловьева С. В. Циркулярная экономика и ее индикаторы для России // Мир новой экономики. 2020. Т. 14, № 2. С 63–72.
7. Фильченкова О. А. Переход Российской Федерации к циркулярной экономике с учетом международного опыта // Актуальные вопросы экономики и управления : материалы VII Междунар. науч. конф., 20–23 апреля 2019 г., г. Санкт-Петербург. СПб. : Свое издательство, 2019. С. 11–16.

References

1. Qiao Q. Formirovanie “zelenykh” tsepei postavok v usloviakh neopredelennosti (na primere napravleniia Chuntsin – Ekaterinburg). Cand. Sci. (Engineering) Thesis. Yekaterinburg; 2016. 145 p. (In Russian).
2. Maditati D. R., Munim Z. H., Schramm H.-S. et al. A review of green supply chain management: From bibliometric analysis to a conceptual framework and future research directions. *Resources, Conservation and Recycling*. 2018;139:150–162.
3. Paris Agreement. URL: <https://www.un.org/ru/climatechange/paris-agreement> (accessed: 15.04.2023). (In Russian).
4. Investitsii v osnovnoi kapital, napravlennye na okhranu okruzhaiushchei sredy i ratsionalnoe ispolzovanie prirodnnykh resursov (bez subektov malogo predprinimatelstva). URL: <https://34.rosstat.gov.ru/storage/mediabank/invest1.html> (accessed: 07.04.2023). (In Russian).
5. ESG-ranking rossiiskikh kompanii (aprel 2023 goda). URL: https://raex-rr.com/esg/ESG_rating (accessed: 01.04.2023). (In Russian).
6. Bobylev S. N., Solovyeva S. V. Circular economy and its indicators for Russia. *The World of New Economy*. 2020;14(2):63–72. (In Russian).
7. Filchenkova O. A. Perekhod Rossiiskoi Federatsii k tsirkuliarnoi ekonomike s uchetom mezhdunarodnogo opyta. In: *Proceedings of the International Conference “Aktualnye voprosy ekonomiki i upravleniia”*, April 20–23, 2019, Saint Petersburg. St. Petersburg: Svoe izdatelstvo; 2019. p. 11–16. (In Russian).

8. Лисица М. И., Хутиева Е. С., Дорошенко О. А. и др. Циркулярная экономика как альтернатива зеленой экономике // Развивая энергетическую повестку будущего : сб. докладов Междунар. науч.-практич. конф. для представителей сообщества молодых инженеров ТЭК, 10–11 декабря 2021 г., г. Санкт-Петербург. СПб. : Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина), 2021. С. 255–258.
9. Шаюсупова Л. Р. Основные этапы экономической модели развития «зеленой» экономики // Central Asian Journal of Theoretical and Applied Sciences. 2022 Т. 3, № 7. С. 19–23.
10. Лабабиди М. Р., Земзюлина В. Ю., Кельчевская Н. Р. Экологизация на основе управления зеленой цепочкой поставок // Российские регионы в фокусе перемен : сб. докладов XVII Междунар. конф., 17–19 ноября 2022 г., г. Екатеринбург. Екатеринбург : Изд. дом «Ажур», 2023. С. 320–324.
11. Younis H. The impact of the dimensions of green supply chain management practices on corporate performance. Doctoral (Business Administration) Thesis. Dubai: University of Wollongong; 2016. 215 p.
12. Younis H., Sundarakani B., Vel P. The impact of implementing green supply chain management practices on corporate performance. *Competitiveness Review*. 2016;26(3):216–245.
13. Hassan M. G., Abidin R., Nordin N. et al. GSCM practices and sustainable performance: A preliminary insight. *Journal of Advanced Management Science*. 2016;4(5):430–334.
8. Lisitsa M. I., Khutueva E. S., Doroshenko O. A. et al. Circular economy as an alternative to the green economy. In: *Proceedings of the International Research-to-Practice Conference for the Community of Young Fuel and Energy Engineers “Razvivaiia energeticheskuiu povestku budushchego”*, December 10–11, 2021, Saint Petersburg. St. Petersburg: Saint Petersburg Electrotechnical University “LETI”; 2021. p. 255–258. (In Russian).
9. Shayusupova L. R. Osnovnye etapy ekonomicheskoi modeli razvitiia “zelenoi” ekonomiki. *Central Asian Journal of Theoretical and Applied Sciences*. 2022;3(7):19–23. (In Russian).
10. Lababidi M. R., Zemzyulina V. Yu., Kelchevskaya N. R. Greening based on green supply chain management. In: *Proceedings of the XVII International Conference “Rossiiskie regiony v fokuse peremen”*, November 17–19, 2022, Yekaterinburg. Yekaterinburg: Publishing House “Azhur”; 2023. p. 320–324. (In Russian).
11. Younis H. The impact of the dimensions of green supply chain management practices on corporate performance. Doctoral (Business Administration) Thesis. Dubai: University of Wollongong; 2016. 215 p.
12. Younis H., Sundarakani B., Vel P. The impact of implementing green supply chain management practices on corporate performance. *Competitiveness Review*. 2016;26(3):216–245.
13. Hassan M. G., Abidin R., Nordin N. et al. GSCM practices and sustainable performance: A preliminary insight. *Journal of Advanced Management Science*. 2016;4(5):430–334.

Информация об авторах

М. Р. Лабабиди – аспирант.

В. Ю. Земзюлина – аспирант, ассистент.

С. А. Слукина – кандидат экономических наук, доцент.

Information about the authors

M. R. Lababidi – Postgraduate.

V. Yu. Zemzyulina – Postgraduate, Assistant Professor.

S. A. Slukina – Candidate of Sciences (Economics), Docent.

Научная статья

УДК 338.48:339.137

DOI 10.35266/2949-3455-2023-4-7

КОНКУРЕНТОСПОСОБНОСТЬ УЧАСТНИКОВ РЫНКА ТУРИСТСКИХ УСЛУГ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ

Сергей Николаевич Ладыженко

Корпорация развития Енисейской Сибири, Красноярск, Россия

sladyzhenko@yandex.ru

Аннотация. В условиях ужесточения конкурентной борьбы на различных рынках (от глобальных до локальных) хозяйствующие субъекты уделяют значительное внимание вопросам своей конкурентоспособности по отношению к другим участникам рынка. С учетом быстро меняющихся внешних условий, внедрения новых технологий (в том числе цифровых) представляется крайне важным актуализировать определение конкурентоспособности для организаций, осуществляющих свою деятельность на рынке туристских услуг.

Ключевые слова: конкурентоспособность, конкуренция, туризм, цифровая трансформация

Для цитирования: Ладыженко С. Н. Конкурентоспособность участников рынка туристских услуг в условиях цифровой трансформации // Вестник Сургутского государственного университета. 2023. Т. 11, № 4. С. 76–81. DOI 10.35266/2949-3455-2023-4-7.

Original article

COMPETITIVE ABILITY OF PARTICIPANTS OF THE TOURIST SERVICES MARKET UNDER DIGITAL TRANSFORMATION

Sergey N. Ladyzhenko

Yenisey Siberia Development Corporation, Krasnoyarsk, Russia

sladyzhenko@yandex.ru

Abstract. With increased competition affecting various markets (from global to local), business entities pay close attention to their competitive ability versus other market participants. It is critical to redefine competitive ability for companies providing tourist services, considering rapidly changing external conditions and the use of new technologies such as digital.

Keywords: competitive ability, competition, tourism, digital transformation

For citation: Ladyzhenko S. N. Competitive ability of participants of the tourist services market under digital transformation. *Surgut State University Journal*. 2023;11(4):76–81. DOI 10.35266/2949-3455-2023-4-7.

ВВЕДЕНИЕ

Конкурентоспособность организаций – экономическая категория, которая определяет текущие и перспективные возможности организации занимать лидерские позиции на рынке. Данному направлению исследований уделено значительное внимание, вместе с тем текущая цифровая трансформация бизнес-процессов и рынков предполагает целесооб-

разность актуализации ряда подходов к определению конкурентоспособности организаций.

В условиях развития внутреннего туризма в России и роста ключевых показателей отрасли, согласно данным Росстата, увеличивается количество организаций на рынке туристских услуг, повышается предложение средств размещения, наблюдается значительный скачок инвестиционной активности [1].

В этой связи крайне важно исследовать понятие конкурентоспособности организации на рынке туристских услуг, а также определить ряд факторов, влияющих на конкурентоспособность данных организаций в условиях цифровой трансформации. Основная проблема исследования заключается в отсутствии актуального определения конкурентоспособности организаций на рынке туристских услуг в условиях цифровой трансформации.

Целью исследования является формулирование актуального определения конкурентоспособности организаций на рынке туристских услуг в условиях цифровой трансформации. Задачи исследования: анализ существующих определений, определение ключевых факторов конкурентоспособности и предложение авторской формулировки определения.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ

В качестве основных теоретических методов для целей данного исследования были выбраны следующие: анализ исследований в сфере конкуренции, конкурентоспособности, развития рынка туристских услуг, цифровой трансформации, а также систематизация данных.

Применение данных методов позволило сопоставить различные взгляды на понятие конкурентоспособности, сформулировать проблему и предложить авторское интегральное определение конкурентоспособности организаций на рынке туристских услуг, а также перечень факторов, влияющих на нее.

РЕЗУЛЬТАТЫ И ИХ ОБСУЖДЕНИЕ

Современные исследования дают широкий спектр определений конкурентоспособности. Г. Я. Белякова определяет ее как способность субъекта осуществлять защиту текущей позиции на рынке [2]. В. С. Краюшкин в своем исследовании конкурентоспособности банковских организаций отмечает, что это возможность комплексно удовлетворить и удержать имеющихся клиентов, а также завоевать конкурентные преимущества за счет выхода в новые секторы рынка [3]. В своей работе Л. А. Ильясова делает акцент на комплексную оценку способности конкурировать с аналогами [4].

Н. А. Салтыков определяет конкурентоспособность не только как способность хозяйствующего субъекта использовать свои преимущества, но и как способность к концентрации ресурсов на сфере потенциального лидерства [5]. Динамические свойства конкурентоспособности отмечает Д. С. Воронов, утверждая, что она зависит от периода времени, в течение которого организация способна отстаивать свои преимущества [6]. Определение П. С. Завьялова сводится к конкурентоспособности товаров, которые должны превосходить конкурентов по цене, качеству, удобным условиям для покупателей/потребителей [7].

Отдельного внимания заслуживают определения конкурентоспособности хозяйствующих субъектов на рынке туристических услуг.

В своей работе А. В. Жуков, исследуя конкурентоспособность средств размещения, делает акцент на прибыль как результат реализации преимуществ перед организациями-конкурентами [8]. О. О. Сидоренко определяет конкурентоспособность как способность к устойчивому положению, подкрепленному потенциалом организации конкурировать [9]. А. Д. Чудновский формулирует конкурентоспособность туристской организации как результат наличия лидерских конкурентных преимуществ [10].

Е. А. Деркачев, анализируя инструменты управления конкурентоспособностью, дает свое определение конкурентоспособности – как потенциала предприятия на четырех рынках (готовой продукции, капитала, трудовых ресурсов, инноваций) [11]. Абсолютное большинство зарубежных исследований в данной сфере посвящено конкурентоспособности стран, туристических кластеров и дестинаций. Тем не менее, в своей работе Джамал С. А. Халифа (Gamal S. A. Khalifa) уделяет особое внимание практикам устойчивого развития как ключевым факторам конкурентоспособности именно туристских организаций [12].

На основе проведенного исследования представляется целесообразным сделать вывод об отсутствии актуального определения конкурентоспособности для организаций на рынке туристских услуг в условиях цифро-

вой трансформации, что не позволяет в полной мере использовать потенциал науки для развития туристской отрасли. Для формулирования актуального определения понятия

целесообразно выявить факторы конкурентоспособности, классифицировать их, систематизировать данные в виде таблицы.

Таблица

Классификация факторов конкурентоспособности участников рынка туристских услуг в условиях цифровой трансформации

1	Финансовые факторы
1.1	Объем выручки
1.2	Объем прибыли
1.3	Использование инструментов бронирования и оплаты услуг в онлайн-формате на сайте
1.4	Использование цифровых инструментов в управлении финансами
2	Кадровые факторы
2.1	Доля сотрудников, прошедших повышение квалификации
2.2	Доля сотрудников с высшим образованием
2.3	Доля сотрудников с существенным стажем работы в организации
2.4	Уровень владения персонала цифровыми навыками
3	Маркетинговые факторы
3.1	Количество новых продуктов, выведенных на рынок
3.2	Объем средств, направленных на маркетинг
3.3	Посещаемость сайта
3.4	Количество цифровых платформ, на которых представлена организация
3.5	Количество участников программы лояльности для клиентов
3.6	Объем расходов на SMM
4	Факторы управления
4.1	Наличие стратегии/программы развития организации
4.2	Интенсивность использования современных инструментов управления
4.3	Соответствие системы менеджмента стандартам ISO
4.4	Качество взаимодействия с госорганами
4.5	Использование CRM-системы
5	Факторы инновационности/технологичности
5.1	Количество собственных инновационных разработок
5.2	Объем средств, направляемых на исследования и разработки
5.3	Использование технологий «умный дом»
5.4	Использование технологий искусственного интеллекта
5.5	Наличие мероприятий по обеспечению цифровой безопасности

Примечание: составлено автором на основании данных, полученных в исследовании.

Каждый из выбранных факторов оказывает существенное влияние на конкурентоспособность организаций на рынке туристских услуг в условиях цифровой трансформации.

Финансовые факторы. Объем выручки организации является ключевым финансовым показателем объема рынка, который занимает исследуемая организация. Объем прибыли показывает эффективность функционирования организации. При росте объема выручки и прибыли у организации возрастает ее конкурентоспособность. Инструменты бронирования и оплаты услуг на сайте организации предлагают потребителям более простой и прозрачный способ взаимодействия, поэтому

наличие данных инструментов положительно влияет на конкурентоспособность организации.

Управление финансами в организациях с высокой конкурентоспособностью осуществляется с использованием цифровых инструментов бухгалтерского и финансового учета, а также управленческого учета (например, «1С» и др.).

Кадровые факторы. Организации с высоким уровнем конкурентоспособности уделяют значительное внимание формированию и развитию компетенций своих сотрудников, освоению ими новых навыков и умений. Организовывая для сотрудников специальные групповые/индивидуальные программы,

обучение в программах сторонних образовательных организаций, участники рынка туристских услуг увеличивают эффективность работы сотрудников, что положительно сказывается на уровне конкурентоспособности. Большое количество сотрудников с высшим образованием в организации является признаком высокого уровня компетенций, в том числе общегуманитарных, социальных, кросс-культурных. Образовательная среда высших, среднепрофессиональных и общеобразовательных учебных заведений на сегодняшний день в целом в большей степени отличается в пользу системы высшего профессионального образования. Именно поэтому выделяется данный фактор, несмотря на отсутствие обязательных требований в получении высшего образования для исполнения значительного комплекса обязанностей в производственных процессах участников рынка туристских услуг.

Наличие в коллективе организаций большого количества опытных сотрудников (работающих более года) является индикатором низкой ротации специалистов, а значит, более эффективной системы мотивации, адаптации и более высокого уровня компетентности сотрудников по сравнению с конкурентами. Уровень владения персоналом цифровыми навыками напрямую влияет на конкурентоспособность организации в условиях цифровой трансформации. При этом под цифровыми навыками понимается активность использования компьютера, Интернета, мессенджеров и других цифровых программ сотрудниками организации.

Маркетинговые факторы. Количество новых продуктов, выведенных на рынок организацией за определенный период, говорит о стремлении адаптировать существующую линейку продуктов под меняющиеся запросы потребителей, расширить ассортимент услуг для осуществления дополнительных продаж, привлечения новых клиентов, поэтому свидетельствует о конкурентоспособности организации. Значительный объем средств, направляемых на маркетинговые кампании, иллюстрирует стремление организации захватить большую долю рынка, обеспечить стабильно высокий либо увеличить входящий поток клиентов, возможно, внед-

рить эффективную систему лидогенерации. В данном случае под маркетинговыми расходами понимается совокупность средств, направляемых на рекламу, публикации в СМИ, таргетинг, исследования рынка, работу привлеченных специалистов в сфере рекламы и др. Посещаемость сайта, как одна из ключевых платформ для осуществления продаж, также сигнализирует об уровне конкурентоспособности организации. Дополнительно могут учитываться показатели наличия, среднего количества просмотров страниц организации в социальных сетях и др.

Присутствие организации на многочисленных цифровых платформах, обеспечивающих генерацию клиентского потока, свидетельствует о высокой мотивации организации в поиске новых клиентов. Наличие и количество участников программы лояльности – показатель стремления удержать клиентов, обеспечить повторные и/или дополнительные продажи услуг, увеличить средний чек, повысить уровень удовлетворенности клиентов. С учетом развития цифровых технологий все более существенным каналом продаж являются социальные медиа, поэтому расходы на SMM подтверждают глубокое понимание рынка маркетинговым подразделением организации и являются значимым фактором конкурентоспособности в условиях цифровой трансформации.

Управленческие факторы. Наличие стратегии/программы развития организации показывает зрелость управленческой команды, осознанную работу по достижению более высоких результатов деятельности. Стратегия/программа развития организации в данном случае – это документ, содержащий цели, задачи развития и мероприятия по их достижению на среднесрочный (год и более) период. Наличие такого документа является значимым фактором конкурентоспособности.

Интенсивность использования современных инструментов говорит о потенциале роста организации. Под современными инструментами управления понимается использование инструментов проектного управления, гибких методов (Agile), инструментов управления по целям (OKR), тиминга и др. Стандарты ИСО (ISO) – это международные признанные спецификации для продуктов, услуг

и систем (организаций), создаваемые Международной организацией по стандартизации для обеспечения качества, безопасности и эффективности. Внедрение таких стандартов свидетельствует об управленческой зрелости организации и о высокой конкурентоспособности. Качественное взаимодействие с госорганами, организациями госсектора, институтами развития, администрациями муниципальных образований региона присутствия позволяет организации существенно снизить административные риски, сократить сроки бюрократических процедур, привлечь меры поддержки.

Использование CRM-системы в процессах управления дает возможность выстроить более эффективную систему продаж и маркетинга, обеспечить анализ и прогнозирование спроса, улучшить коммуникацию между сотрудниками в процессе предоставления услуг, повысить качество предоставления услуг, что напрямую влияет на уровень конкурентоспособности организации на рынке туристских услуг в условиях цифровой трансформации.

Показатели инновационности. Количество собственных инновационных разработок показывает высокий уровень зрелости организации, стремящейся предоставлять услуги, обладающие уникальными для рынка характеристиками, т. е. внедряющей новые эффективные технологии, методы и подходы. Объем средств, направляемых на научно-исследовательские и опытно-конструкторские работы, является значимым показателем конкурентоспособности, отражающим готовность компаний инвестировать в свое дальнейшее развитие опережающими конкурентов темпами.

Использование технологического комплекса «умный дом» в рамках методики подразумевает доступ в номер по индивидуальному коду, наличие в номерах гаджетов для управления (в том числе голосового) освещением, температурой воздуха, коммуникацией с «онлайн-консьержем», закрытием/открытием штор и т. п. Такие технологии востребованы домохозяйствами для личных целей и являются конкурентным преимуществом в первую очередь для таких участников рынка туристских услуг, как средства размещения. Использование технологий искусственного интеллекта позволяет персонализировать и улучшать качество услуг для кон-

кретных клиентов, прогнозировать спрос, автоматизировать и оптимизировать процессы.

С учетом активного развития искусственного интеллекта в ближайшем будущем возможны существенные прорывы в его возможностях и появление новых цифровых сервисов, релевантных для участников рынка туристских услуг. Обеспечение цифровой безопасности влияет на конфиденциальность данных клиентов и внутренних данных организации, являющихся коммерческой тайной. Отсутствие решений в сфере цифровой безопасности в организации снижает ее конкурентоспособность, поскольку создает производственные, маркетинговые, правовые и финансовые риски для организации.

На основе представленного обзора теоретических подходов к определению понятия «конкурентоспособность», с учетом представленной классификации факторов конкурентоспособности организаций на рынке туристских услуг в условиях цифровой трансформации, предлагается сформулировать авторское определение конкурентоспособности организации на рынке туристских услуг как интегральной категории, включающей пять групп факторов (финансы, человеческий капитал, маркетинг, менеджмент, технологии), характеризующей способность организации удерживать лидерские позиции на рынке как в реальной, так и в цифровой среде.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Быстро меняющиеся экономические реалии, усложнение процессов управления, внедрение новых технологий, изменение политических норм приводят к необходимости постоянной актуализации научных подходов в отношении описания различных экономических процессов. В этой связи крайне важны в том числе исследования генезиса понятия конкурентоспособности, включая область жизнедеятельности организаций на рынке туристских услуг.

Предложения по классификации факторов конкурентоспособности, а также перечень факторов рекомендуются к использованию организациями на указанном рынке деятельности, направленной на развитие организации.

Представленное определение не только включает в себя более комплексный инте-

гральный подход, но и актуализируется спецификой ключевого тренда мирового экономического развития последнего десятилетия – цифровой трансформацией.

Определение может служить основой для разработки уникальной современной мето-

дики оценки конкурентоспособности организаций на рынке туристских услуг, а также для выработки комплексных стратегий по увеличению конкурентоспособности. Целесообразно продолжить исследование данной проблематики в указанном направлении.

Список источников

1. Статистический бюллетень Росстата ко Всемирному дню туризма – 2022. URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/turism_2022.pdf (дата обращения: 28.08.2023).
2. Белякова Г. Я. Конкурентоспособность региональной экономики: концепция опережающего развития : моногр. Красноярск : Сибирский государственный технологический университет, 2001. 230 с.
3. Краюшкин В. С. Управление конкурентоспособностью коммерческого банка : автореф. дис. ... канд. экон. наук. Ставрополь, 2013. 26 с.
4. Ильясова Л. А. Интегральная оценка конкурентоспособности предприятия в стратегическом управлении : дис. ... канд. экон. наук. Уфа, 2004. 200 с.
5. Салтыков Н. А. Внедрение клиентоориентированных решений в рамках управления конкурентоспособности бизнеса // Интеграция наук. 2019. № 1. С. 170–172.
6. Воронов Д. С. Соотношение конкурентоспособности предприятия и конкурентоспособности его продукции // Современная конкуренция. 2015. Т. 9, № 1. С. 39–53.
7. Завьялов П. С. Маркетинг в схемах, рисунках, таблицах. М. : НИЦ ИНФРА-М, 2014. 336 с.
8. Жуков А. В. Обеспечение конкурентоспособности гостиничных услуг на основе применения инсентив-программ : дис. ... канд. экон. наук. М., 2014. 172 с.
9. Сидоренко О. О. Обеспечение конкурентоспособности гостиничных предприятий в современных условиях : дис. ... канд. экон. наук. СПб., 2022. 131 с.
10. Чудновский А. Д., Жукова М. А. Индустрия гостеприимства: основы организации и управления. М. : Форум : ИНФРА-М, 2011. 399 с.
11. Деркачева Е. А. Маркетинговые инструменты управления конкурентоспособностью предприятий туристического сектора Краснодарского края : дис. ... канд. экон. наук. Ростов н/Д., 2016. 175 с.
12. Khalifa G. S. A. Factors affecting tourism organization competitiveness: Implications for the Egyptian tourism industry. *African Journal of Hospitality, Tourism and Leisure*. 2020;9(3):116–130.

Информация об авторе

С. Н. Ладыженко – генеральный директор.

References

1. Statisticheskii biulleten Rosstata ko Vsemirnomu dnu turizma – 2022. URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/turism_2022.pdf (accessed: 28.08.2023). (In Russian).
2. Belyakova G. Ya. Konkurentosposobnost regionalnoi ekonomiki: kontseptsia operezhaiushchego razvitiia. Monograph. Krasnoyarsk: Siberian State Technological University; 2001. 230 p. (In Russian).
3. Krayushkin V. S. Upravlenie konkurentosposobnosti kommercheskogo banka. Extended abstract of Cand. Sci. (Economics) Thesis. Stavropol; 2013. 26 p. (In Russian).
4. Ilyasova L. A. Integralnaia otsenka konkurentosposobnosti predpriiatiia v strategicheskom upravlenii. Cand. Sci. (Economics) Thesis. Ufa; 2004. 200 p. (In Russian).
5. Saltykov N. A. Vnederenie klientoorientirovannykh reshenii v ramkakh upravleniia konkurentosposobnosti biznesa. *Integratsiia nauk*. 2019;(1):170–172. (In Russian).
6. Voronov D. S. The relationship of the competitiveness of enterprise and the competitiveness of its products. *Journal of Modern Competition*. 2015;9(1):39–53. (In Russian).
7. Zavyalov P. S. Marketing v skhemakh, risunkakh, tablitsakh. Moscow: NITs INFRA-M; 2014. 336 p. (In Russian).
8. Zhukov A. V. Obespechenie konkurentosposobnosti gostinichnykh uslug na osnove primeneniia insentiv-programm. Cand. Sci. (Economics) Thesis. Moscow; 2014. 172 p. (In Russian).
9. Sidorenko O. O. Obespechenie konkurentosposobnosti gostinichnykh predpriatii v sovremennykh usloviakh. Cand. Sci. (Economics) Thesis. St. Petersburg; 2022. 131 p. (In Russian).
10. Chudnovsky A. D., Zhukova M. A. Industriia gostepriimstva: osnovy organizatsii i upravleniia. Moscow: Forum: INFRA-M; 2011. 399 p. (In Russian).
11. Derkacheva E. A. Marketingovye instrumenty upravleniia konkurentosposobnosti predpriatii turistskogo sektora Krasnodarskogo kraia. Cand. Sci. (Economics) Thesis. Rostov-on-Don; 2016. 175 p. (In Russian).
12. Khalifa G. S. A. Factors affecting tourism organization competitiveness: Implications for the Egyptian tourism industry. *African Journal of Hospitality, Tourism and Leisure*. 2020;9(3):116–130.

Information about the author

S. N. Ladyzhenko – Director General.

Научная статья
УДК 339.5
DOI 10.35266/2949-3455-2023-4-8

МЕЖСТРАНОВЫЕ ОТНОШЕНИЯ В МОНОЭКСПОРТНОМ РЕГИОНЕ КАК СОСТАВЛЯЮЩАЯ ВНЕШНЕЭКОНОМИЧЕСКОЙ СТРАТЕГИИ ПРЕДПРИЯТИЙ

Евгений Александрович Степанов^{1✉}, Дмитрий Александрович Плетнёв²,
Нгуен Хан Буй³

¹ Южно-Уральский государственный университет, Челябинск, Россия

² Челябинский государственный университет, Челябинск, Россия

³ Высшая академия социальных наук, Ханой, Вьетнам

¹ stepanovea@susu.ru ✉, <https://orcid.org/0000-0002-7078-503X>

² pletnev@csu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6494-572X>

³ khanhlaw75@yahoo.com

Аннотация. Внешняя торговля моноэкспортного региона в основном определяется экспортом и импортом продукции, услуг находящихся на его территории крупных предприятий, которые определяют его экономический рост и развитие. В то же самое время экспортная стратегия предприятий в моноэкспортном регионе во многом зависит от стратегии развития внешнеэкономической деятельности этого региона. Цель статьи – идентификация стратегий внешнеэкономической деятельности моноэкспортных российских регионов посредством метода ABC для выявления географической компоненты экспортной стратегии находящихся в нем крупных предприятий. В результате исследования выявлены моноэкспортные регионы, в которых доля экспорта в определенной отрасли превышает 50 %, определено, что географическая компонента экспортной стратегии предприятий моноэкспортного региона зависит от его расположения на территории России. У каждого моноэкспортного региона, как и каждого предприятия в нем, есть потенциальные страны-партнеры, с которыми стратегически важно не только сохранять на прежнем уровне, но и совершенствовать внешнеторговые связи.

Ключевые слова: стратегия предприятия, внешнеэкономическая деятельность, моноэкспортный регион, внешняя торговля, межстрановая деятельность предприятий

Финансирование: исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и ВАОН в рамках научного проекта № 20-510-92006.

Для цитирования: Степанов Е. А., Плетнёв Д. А., Буй Н. Х. Межстрановые отношения в моноэкспортном регионе как составляющая внешнеэкономической стратегии предприятий // Вестник Сургутского государственного университета. 2023. Т. 11, № 4. С. 82–92. DOI 10.35266/2949-3455-2023-4-8.

Original article

INTERNATIONAL RELATIONS IN MONO-EXPORT REGION AS A COMPONENT OF ENTERPRISES' FOREIGN ECONOMIC STRATEGY

Evgeniy A. Stepanov^{1✉}, Dmitry A. Pletnev², Nguyen Khanh Bui³

¹ South Ural State University, Chelyabinsk, Russia

² Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia

³ Graduate Academy of Social Sciences, Hanoi, Vietnam

¹ stepanovea@susu.ru ✉, <https://orcid.org/0000-0002-7078-503X>

² pletnev@csu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6494-572X>

³ khanhlaw75@yahoo.com

Abstract. Foreign trade of a mono-export region is mainly determined by the export and import of goods and services provided by large enterprises located on its territory, which determine its economic growth and development. At the same time, the export strategy of enterprises in a mono-export region is heavi-

ly influenced by the region's foreign economic activity development strategy. The study aims to identify the strategies of foreign economic activity of mono-exporting Russian regions using the ABC method to identify the geographical component of the export strategy of their large enterprises. As a result of the study, mono-export regions with exceeding 50 % export share in a particular industry were identified; the dependence of geographical component of the export strategy on its geographical location in Russia was determined. Moreover, it is strategically necessary for each mono-export region and its enterprises, to maintain and improve foreign trade relations with their potential partner countries.

Keywords: enterprise strategy, foreign economic activity, mono-export region, foreign trade, international activities of enterprises

Funding: the research was supported by the Russian Foundation for Basic Research and Vietnam Academy of Social Sciences as a part of a research project No. 20-510-92006.

For citation: Stepanov E. A., Pletnev D. A., Bui N. K. International relations in mono-export region as a component of enterprises' foreign economic strategy. *Surgut State University Journal*. 2023;11(4):82–92. DOI 10.35266/2949-3455-2023-4-8.

ВВЕДЕНИЕ

В паспорте российского национального проекта «Международная кооперация и экспорт» ставится стратегическая цель роста несырьевых неэнергетических товаров в экспорте, которая отражается в стратегиях социально-экономического развития субъектов РФ [1]. Поэтому в настоящее время анализ товарной и географической структуры региональной внешней торговли, выявление в ней стратегических стран-партнеров представляют особый интерес.

Целью исследования является выявление посредством метода ABC стратегически значимых стран-партнеров предприятий, находящихся на территории моноэкспортного региона.

В исследовании проверяется гипотеза о том, что основными странами-экспортерами, на которые стратегически ориентируются предприятия в моноэкспортном регионе, являются страны, находящиеся в географической близости от этого региона.

Экономические работы в исследуемой области можно разделить на теоретические труды, посвященные стратегиям развития предприятия, и работы, непосредственно посвященные внешнеэкономическим стратегиям предприятий и регионов.

Представители теории классического менеджмента Ж. Лампель (J. Lampel), Б. Альстранд (B. Ahlstrand), Г. Минцберг (H. Mintzberg) выделяют 5P (P – альтернативный подход к разработке стратегии), означающие план, уловку, принципы поведения, позицию и перспективу [2]. И. Б. Гурков при исследовании стратегии предприятия применяет рациональный и интуитивный подходы [3, 4]. Пер-

вый базируется на логике и подробном экономическом анализе рыночной ситуации при максимальном учете различных вариантов развития событий, уровня экономических рисков, экономической отдачи, внешних эффектов. Второй подход основывается на интуиции человека. Автор описывает алгоритм стратегии предприятия, состоящий из пяти этапов. Г. Б. Клейнер выделяет тринадцать форм стратегии предприятий, соответствующих его функциям: когнитивную, имитационную, эвентуальную, управленческую, реструктуризационную, товарно-рыночную, ресурсно-рыночную, технологическую, интеграционную, финансово-инвестиционную, кадровую, культурную и институциональную [5, 6]. В данном исследовании особое значение играет товарно-рыночная стратегия, потому что выбор предприятием стран, в которые оно будет экспортировать свою продукцию, является элементом его рыночной стратегии. Особого внимания заслуживает оценка стратегий компаний, представленная в статье К. А. Наумовой, в которой анализируются результаты стратегии предприятия с помощью показателей рентабельности продаж и темпа роста выручки [7].

Исследованиями в области экспортно-импортных стратегий корпораций занимается целый ряд других отечественных экономистов. Так, Л. И. Лугачева и Ю. Н. Кондратенко изучили экспортную стратегию предприятий машиностроительного комплекса [8, 9]. Они указали на то, что в период экономических преобразований подавляющая часть предприятий отрасли получила возможность экспортировать свою товарную номенклатуру, но ей не воспользовалась. М. А. Холодова

и соавт. разработали эмпирические и теоретические подходы к анализу и оценке внешнеэкономической стратегии российских агропромышленных фирм [10]. Они осуществили прогноз экспорта продовольственной продукции, состоящий из трех вариантов производства базовых продуктов питания в расчете на душу населения (худший, лучший и базовый сценарии). Ф. Карипидис (P. Karipidis), П. Хрисоху (P. Chrysochou), И. Карипиду (I. Karipidou) на основании исследования 83 предприятий, производящих агропромышленную продукцию в Греции, оценили влияние показателей производственно-сбытовой цепи изготовления продукции на экспорт [11]. В числе самых важных показателей они выделили качество сырья, а также расходы на закупки и цены производителей. А. Ю. Дещенко предлагает авторскую методику разработки стратегий внешнеэкономической деятельности предприятия, которая в своей основе содержит основные этапы стратегического планирования предпринимательской деятельности [12]. Эта методика учитывает особенности осуществления внешнеэкономической деятельности на отечественных предприятиях, такие как согласование стратегии внешнеэкономической деятельности с общей корпоративной стратегией развития предприятия и его бизнес-стратегиями на целевых внутренних рынках, использование стратегий прямого экспорта, использование единого комплексного подхода к формированию стратегии внешнеэкономической деятельности предприятия и т. д.

Е. А. Степанов и Д. А. Плетнёв разработали методику оценки экспорта отрасли в системе координат «подотрасль – торгуемая страна» и методику оценки экспортной стратегии предприятия в системе координат «отрасль – торгуемая страна» [13]. На основании методик авторы выявили траектории экспортных стратегий предприятий отрасли транспортного машиностроения. На основании этих же методик Е. А. Степанов идентифицирует и выстраивает траектории стратегий внешнеэкономической деятельности российских предприятий металлургической отрасли, таких как ПАО «Северсталь», ПАО «НМЛК», ПАО «ММК» и ООО «Металлоинвест» [14]. В другой своей работе автор выявляет гео-

графические особенности стратегий экспорта металлургических предприятий посредством структурно-динамического анализа в Челябинской, Липецкой, Вологодской областях и Красноярском крае [15]. Методика исследования сводится к анализу уровня вовлеченности регионов в российские показатели внешней торговли и к структурно-динамическому анализу металлургических регионов. Д. А. Плетнёв и соавт. [16] исследуют драйверы формирования и реализации стратегий хозяйствующих субъектов, актуальных для 2022 г. Особое внимание уделено санкциям как инструменту экономической политики, пронизывающей все уровни экономики, ESG-повестке современных компаний, цифровизации, новым каналам продвижения продукции.

Несмотря на очевидную актуальность темы, в рассматриваемых работах отсутствует отражение методики поиска стран-партнеров для реализации внешнеэкономической стратегии предприятий.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ

Статистической базой исследования являются данные таможенной статистики внешней торговли за 2021 г. в региональном, отраслевом и географическом разрезах.

В рамках исследования рассматривались регионы, доля экспорта в которых в определенной отрасли превышает 50 %. Такие регионы названы моноэкспортными. Допущение заключалось в том, что региональная внешняя торговля полностью определяется внешней торговлей крупных корпораций, принадлежащих к ведущей отрасли народного хозяйства в моноэкспортном регионе. Следовательно, внешнеэкономическая стратегия корпорации должна полностью определяться внешнеэкономической стратегией моноэкспортного региона. Выборка не включает субъекты Российской Федерации, ориентированные в наибольшей степени на экспорт минерального сырья и топлива (Тюменская область, Ханты-Мансийский автономный округ – Югра и Ямало-Ненецкий автономный округ), и крупнейшие мегаполисы (г. Москва, г. Санкт-Петербург), Московская и Ленинградская области.

Методологией анализа являются диагностика вовлеченности региона в международную торговлю в экспорте России и с позиции диверсификации, структурно-динамический анализ географических потоков экспорта моноэкспортных регионов на основе метода ABC за 2021 г.

Метод ABC-XYZ предполагает построение экспортной матрицы стран-партнеров (табл. 1). Каждая ячейка матрицы соответствует определенному критерию из осей ABC и XYZ. Для соотнесения страны-экспортера в множества A, B и C производится расчет доли каждой страны в экспорте региона, затем страны выстраиваются в порядке убывания по доле экспорта, рассчитываются доли каждой страны накопленным итогом. На основе проведенных расчетов страны попадают в определенное множество. В множество A попадают страны, которые в совокупности формируют 80 % экспорта, в B – страны с совокупным показателем 80–95 % регионального экспорта. Остальные страны попадают в множество C и в сумме составляют 5 % экспорта региона.

В основе попадания страны в множества X, Y или Z лежит расчет коэффициента вариации продаж от экспорта страны за рассматриваемый период по формуле (1).

$$CV = \frac{\sqrt{\sum_{i=1}^{12} (x_i - \bar{x})^2}}{\bar{x}}, \quad (1)$$

где CV – коэффициент вариации экспорта в страну-партнер;

i – номер месяца;

x_i – объем регионального экспорта в страну в i -ом месяце;

$\bar{x}$ – среднемесячная величина экспорта в страну-партнер.

Товарные группы, имеющие коэффициент вариации от 0 до 10 %, попадают в множество X, от 10 до 25 % – в множество Y, более 25 % – в множество Z.

К множествам AX, AY, AZ относятся страны-партнеры, которые приносят самую большую выручку от экспорта металлургическим предприятиям в регионе. Предприятиям региона следует сконцентрировать стратегию на сохранении и совершенствовании внешнеторговых связей с данными государствами. К множеству AZ относятся страны, торговлю с которыми необходимо подвергнуть тщательному анализу и выявить причины нестабильного спроса в этих странах. К множествам BX, BY и BZ относятся страны, с которыми предприятиям необходимо поддерживать внешнеторговые отношения, но прикладывать к ним как можно больше усилий по их совершенствованию. К множеству CX, CY и CZ относят страны, с которыми торговать невыгодно.

Таблица 1

Матрица стран-партнеров по методу ABC-XYZ

Множества	X	Y	Z
	AX	AY	AZ
A	- высокая доля страны в объеме экспорта региона; - постоянный спрос на экспортируемые товары	- высокая доля страны в объеме экспорта; - умеренно-стабильный спрос на экспортируемые товары	- высокая доля страны в объеме экспорта; - нестабильный спрос на экспортируемые товары
	BX	BY	BZ
B	- средняя доля страны в объеме экспорта; - постоянный спрос на экспортируемые товары	- средняя доля страны в объеме экспорта; - умеренно-стабильный спрос на экспортируемые товары	- средняя доля страны в объеме экспорта; - нестабильный спрос на экспортируемые товары
	CX	CY	CZ
C	- низкая доля страны в объеме экспорта; - постоянный спрос на экспортируемые товары	- низкая доля страны в объеме экспорта; - умеренно-стабильный спрос на экспортируемые товары	- низкая доля страны в объеме экспорта; - нестабильный спрос на экспортируемые товары

Примечание: составлено авторами.

РЕЗУЛЬТАТЫ И ИХ ОБСУЖДЕНИЕ

С учетом наложенных ограничений была получена выборка, состоящая из 11 субъек-

тов РФ с различной отраслевой спецификой (табл. 2).

Таблица 2

Моноэкспортные регионы РФ и их корпорации

№	Субъект РФ	Отраслевая направленность	Товарные группы	Доля экспорта в 2021 г., %	Корпорации
1	Красноярский край	Металлургическая (металлургия и железорудная) промышленность	72; 73; 74	59,8	- АО «РУСАЛ Ачинск» (Ачинский глиноземный комбинат); - ПАО «ГМК «Норильский никель»; - АО «РУСАЛ Красноярский Аллюминиевый Завод»;
2	Челябинская обл.		72; 73; 74	79,5	- ПАО «ММК»; - АО «ЧЭМК»; - АО «ЧТПЗ»; - ПАО «МЕЧЕЛ»
3	Липецкая обл.		72	86,0	ПАО «НМЛК»
4	Вологодская обл.		72; 26; 73	54,7	ПАО «Северсталь», в т. ч. Череповецкая производственная площадка «Северсталь-метиз»
5	Белгородская обл.		72,26	59,0	АО «ОЗММ»
6	Курская обл.		26	65,0	- АО «Комбинат КМАруда»; - ООО «Металоинвест» (Лебединский ГОК); - ПАО «НМЛК» (Стойленский ГОК)
7	Кемеровская обл.	Угольная промышленность	27	75,0	ПАО «Южный Кузбасс»; АО «Угольная компания «Северный Кузбасс»
8	Забайкальский край	Цинковая и свинцовая промышленность	26	90,7	- ГМК «Удокан»; - ООО «ГРК «Быстринское»
9	Костромская обл.	Ювелирная промышленность	71	93,0	- ПАО «Красносельский Ювелирпром»; - ООО «Костромской ювелирный завод «Топаз»; - ООО «Ювелирный завод «Платина»; - ООО «Великолепный век»
10	Камчатский край	Рыбная промышленность	03	93,2	- ООО «Петропавловск-Камчатский рыбоконсервный завод»; - ООО «Солнечный Берег»; - ООО «Камчатская рыба»
11	Новгородская обл.	Химическая промышленность	31	79,0	- ЗАО «ЭХЗ»; - ПАО «Акрон»; - ЗАО «Чудовоагрохимсервис»

Примечание: составлено на основании собственных расчетов авторского коллектива.

В табл. 3 показаны матрицы *ABC-XYZ* для стран, в которые был направлен экспорт Челябинской, Липецкой и Вологодской областей в 2021 г. 80 % экспорта Челябинской области (множество *A*) занимают всего тринадцать стран-партнеров, девять из которых (Казахстан, Турция, Узбекистан, Египет, Кувейт, Белоруссия, Украина, Киргизия и Азербайджан) формируют умеренно-стабильный спрос на продукцию региона. Четыре страны (Вьет-

нам, Китай, Германия и Канада) формируют нестабильный спрос. С четырнадцатью государствами (Таджикистан, Индия, Нидерланды, Бразилия, Саудовская Аравия, Израиль, Объединенные Арабские Эмираты, Бангладеш, Туркменистан, Грузия, Эстония, Люксембург и Чехия) металлургическим предприятиям Челябинской области необходимо совершенствовать торговые отношения.

Таблица 3

**Матрицы ABC-XYZ по доле экспорта в страны мира
в Челябинской, Липецкой, Вологодской областях и Красноярском крае***

Челябинская область				Липецкая область			
	X 0–10 %	Y 10–25 %	Z 25–100 %		X 0–10 %	Y 10–25 %	Z 25–100 %
A 0–80 %		KZ, TR, UZ, EG, KW, BY, UA, KG, AZ	VN, CN, DE, CA	A 0–80 %			MX, BE, TR,
B 80–95 %		TJ, IN	NL, BR, SA, IL, AE, BD, TM	B 80–95 %		BY, KZ	DK, US, LV, CN, NO, IR, PL, AZ
C 95–100 %		GE, EE, LU, CZ	AL, TW, BE, MX, TN, DK, JP, ...	C 95–100 %		UZ, IT, MD, ES, RO, SK, RS, MN, HK, AM	NG, IN, FI, DE, AE, FR, JP, ...

Вологодская область				Красноярский край			
	X 0–10 %	Y 10–25 %	Z 25–100 %		X 0–10 %	Y 10–25 %	Z 25–100 %
A 0–80 %		PL, FI, LV, BR, IT, BY, BE, NL, GB, KZ, CN	DE, US, IN, EE, FR, TR, DK	A 0–80 %		CN	NL, DE, TR, US, KR, JP, NO
B 80–95 %		UZ, LT, EC	MX, RO, EG, PT, VN, CA, IE, IL, SE	B 80–95 %		KZ	IT, GR, TW, HK, UZ, PL, MX, EG, GB, BY
C 95–100 %		CZ, AT, RS, ET	PE, CH, TH, CI, AZ, CM, VE, UY, ...	C 95–100 %		KG, AZ, CZ, LV	DK, FR, IN, MN, SG, PT, LB, BE, ...

Примечание: * – буквенный код каждой страны экспортера указан в соответствии с данными классификатора ОКМ ОК (МК (ИСО 3166) 004-97) 025-2001 с изменением № 32 от 1 октября 2023 г.; составлено авторами.

Из табл. 3 видно, что 80 % экспорта Липецкой области в 2021 г. (множество *A*) занимают всего три страны-партнера (Мексика, Бельгия, Турция), которые формируют нестабильный спрос на продукцию региона. С двадцатью странами (Белоруссия, Казахстан, Дания, США, Латвия, Китай, Норвегия, Ирландия, Польша, Азербайджан, Узбекистан, Италия, Молдова, Испания, Румыния, Словакия, Сербия, Монголия, Гонконг и Армения) металлургическим предприятиям Липецкой области необходимо развивать торгово-экономические отношения. 80 % экспорта Вологодской области в 2021 г. (множество *A*) обеспечивают всего восемнадцать стран-партнеров, одиннадцать из которых (Польша, Финляндия, Латвия, Бразилия, Италия, Беларусь, Бельгия, Нидерланды, Великобритания, Казахстан и Китай) формируют умеренно-стабильный спрос на продукцию ре-

гиона, а Германия, США, Индия, Эстония, Франция, Турция и Дания – нестабильный спрос. С семнадцатью государствами (Узбекистан, Литва, Эквадор, Мексика, Румыния, Португалия, Египет, Вьетнам, Канада, Ирландия, Израиль, Швеция, Свазиленд, Австрия, Сербия, Эфиопия) металлургическим предприятиям Вологодской области необходимо развивать торговые связи. В Красноярском крае в множество *A* попадают всего восемь стран-партнеров, один из которых (Китай) формирует умеренно-стабильный спрос на продукцию региона. Семь стран (Нидерланды, Германия, Турция, США, Южная Корея, Япония и Норвегия) формируют нестабильный спрос. С пятнадцатью государствами (Казахстан, Италия, Греция, Тайвань, Гонконг, Узбекистан, Польша, Мексика, Египет, Великобритания, Беларусь, Киргизия, Азербайджан, Чехия, Литва)

металлургическим предприятиям Красноярского края необходимо развивать внешнеэкономические связи.

В табл. 4. показаны матрицы ABC-XYZ для экспорта Белгородской, Курской, Кемеровской областей и Забайкальского края в 2021 г.

Таблица 4

**Матрицы ABC-XYZ по доле экспорта в страны мира
в Белгородской, Курской, Кемеровской областях и Забайкальском крае***

Белгородская область				Курская область			
	X 0–10 %	Y 10–25 %	Z 25–100 %		X 0–10 %	Y 10–25 %	Z 25–100 %
A 0–80 %		CN, BY, KZ, UZ, UA, SK	TR, IT, DE, NL, VN	A 0–80 %		UA	SK, FR, TR, DE, BY, LV, RO, GB, RS, PL
B 80–95 %		AM, AZ, TJ	FR, PL, US, BE, HK, HN, SA, ...	B 80–95 %		KZ, VN, AE, CZ, UZ, HK, LT	NL, CN, IT, HU, US, EG, NO, AR
C 95–100 %		KG, MD, RO, LT, AB, IL	LV, BA, PE, PH, SD, ...	C 95–100 %		MN, AZ, KG, ES, ...	MD, JP, GE, IS, BD, DO, ...

Кемеровская область				Забайкальский край			
	X 0–10 %	Y 10–25 %	Z 25–100 %		X 0–10 %	Y 10–25 %	Z 25–100 %
A 0–80 %		TW, JP, KR, CN, KZ, TR, DE, MA, PL, VN, MN	NL, UA, BR, EE	A 0–80 %		CN	
B 80–95 %		IN, FR, GB, KG, BY	IT, ID, NO, IL, MY, ES, US, PH, BE, IE, FI, MX, SK	B 80–95 %		KG, BY	IL, MY, ES, US, PH, BE, IE, FI, MX, SK
C 95–100 %		UZ, HR, LV, HU, AZ, AM, MD, TJ	RO, SE, HK, DK, TH	C 95–100 %		UZ, HR, LV, HU, AZ, AM, MD, TJ	KZ, MN, TW, CZ, UA, JP, ...

Примечание: * – буквенный код каждой страны экспортера указан в соответствии с данными классификатора ОКМ ОК (МК (ИСО 3166) 004-97) 025-2001 с изменением № 32 от 1 октября 2023 г.; составлено авторами.

Из табл. 4 видно, что 80 % экспорта Белгородской области в 2021 г. (множество A) занимали одиннадцать партнеров (Китай, Белоруссия, Казахстан, Узбекистан, Украина, Словакия, Турция, Италия, Германия, Нидерланды и Вьетнам). Франция, Польша, Бельгия, Гонконг, Гондурас и Саудовская Аравия – страны, с которыми необходимо совершенствовать торгово-экономические отношения региона. В Курской области в 2021 г. базовыми экспортерами, попадающими в множество A, являлись Украина, Словакия, Франция, Турция, Германия, Болгария, Латвия, Румыния, Габон, Польша и Сербия. К перспективным странам, требующим совершенствования торговых отношений, относятся Казахстан, Вьетнам, Арабские Эмираты, Чехия,

Узбекистан, Гонконг, Литва и др. Основными странами, обеспечивающими 80 % экспорта в Кемеровской области, являются Тайвань, Япония, Южная Корея, Китай, Казахстан, Турция, Германия, Марокко, Польша, Вьетнам и Монголия. В Забайкальском крае единственной страной, относящейся к группе A и покупающей более 80 % экспорта, является Китай. Требуется совершенствование экспортных отношений с Конго, Белоруссией, Израилем, Малайзией, Испанией, США, Филиппинами, Бельгией, Ирландией, Финляндией, Мексикой и Словакией.

В табл. 5. показаны матрицы ABC-XYZ для экспорта Костромской, Новгородской областей и Камчатского края в 2021 г.

Таблица 5

**Матрицы ABC-XYZ по доле экспорта в страны мира
в Костромской, Новгородской областях и Камчатском крае***

Костромская область				Новгородская область			
	X 0–10 %	Y 10–25 %	Z 25–100 %		X 0–10 %	Y 10–25 %	Z 25–100 %
A 0–80 %			GB	A 0–80 %		FI, KZ, BY	BR, US, HK, CN, IN, RO, IL, CA
B 80–95 %		KZ, BY, UZ	DE, CH, US, TR	B 80–95 %		PL, EE, DE, LT, EG, KR, AU	SE, TH, VN, MD, ID, LV, ...
C 95–100 %		AZ, UA, PT, PL, FI, EE, ...	NL, IN, AE, EG, SG, ...	C 95–100 %		NL, TR, JP, IT, AZ, UZ, DK, MN, GE, CZ, AB	GB, AE, BG, HU, ES, KE, ...

Камчатский край			
	X 0–10 %	Y 10–25 %	Z 25–100 %
A 0–80 %			KR, JP
B 80–95 %		CN	FR, DE, US, ID
C 95–100 %		UZ, DK, MN, GE, CZ, AB	NL, CA, TH, IT, DK, VN, ...

Примечание: * – буквенный код страны экспортера указан в соответствии с данными классификатора ОКСМ ОК (МК (ИСО 3166) 004-97) 025-2001 с изменением № 32 от 1 октября 2023 г.; составлено авторами.

По табл. 5 видно, что в Костромской области в 2021 г. основным партнером, приносящим 80 % экспорта, являлся Габон. Странами, с которыми предприятиям региона следует развивать торгово-экономические связи, являются Казахстан, Белоруссия, Узбекистан, Германия, Китай, США, Турция. В Новгородской области 80 % экспорта приходится на Финляндию, Казахстан, Белоруссию, Бразилию, США, Гонконг, Китай, Индию, Румынию, Израиль и Канаду. Польша, Эстония, Германия, Литва, Египет, Корея, Австралия –

страны, с которыми предприятиям региона следует развивать торгово-экономические отношения. В Камчатском крае основными странами-покупателями (множество А) являются Южная Корея и Япония. Для совершенствования внешнеэкономических связей рекомендуется рассмотреть такие страны, как Китай, Франция, Германия, США и Индонезия.

Итоговые результаты систематизированы в табл. 6, отражающей данные о предприятиях, находящихся в моноэкспортных регионах, их экспортных стратегиях.

Таблица 6

Предприятия моноэкспортных регионов РФ и их экспортные стратегии

№	Субъект РФ	Корпорации	Страны, с которыми необходимо сохранять внешнеэкономические отношения на прежнем уровне*	Страны, с которыми необходимо совершенствовать внешнеэкономические отношения*	Проверка гипотезы**
1	Красноярский край	- АО «РУСАЛ Ачинск» (Ачинский глиноземный комбинат); - ПАО «ГМК «Норильский никель»; - АО «РУСАЛ Красноярский Аллюминиевый Завод»	CN, NL, DE, TR, US, KR, JP, NO	KZ, IT, GR, TW, HK, UZ, PL, MX, EG, GB, BY	+

Окончание табл. 6

№	Субъект РФ	Корпорации	Страны, с которыми необходимо сохранять внешнеэкономические отношения на прежнем уровне*	Страны, с которыми необходимо совершенствовать внешнеэкономические отношения*	Проверка гипотезы**
2	Челябинская обл.	- ПАО «ММК»; - АО «ЧЭМК»; - АО «ЧТПЗ»; - ПАО «МЕЧЕЛ»	<i>KZ, TR, UZ, EG, KW, BY, UA, KG, AZ, VN, CN, DE, CA</i>	<i>TJ, IN, NL, BR, SA, IL, AE, BD, TM</i>	+
3	Липецкая обл.	ПАО «НМЛК»	<i>MX, BE, TR</i>	<i>BY, KZ, DK, US, LV, CN, NO, IR, PL, AZ</i>	+
4	Вологодская обл.	- ПАО «Северсталь», в т. ч. «Череповецкая производственная площадка «Северсталь-метиз»	<i>PL, FI, LV, BR, IT, BY, BE, NL, GB, KZ, CN, DE, US, IN, EE, FR, TR, DK</i>	<i>UZ, LT, EC, MX, RO, EG, PT, VN, CA, IE, IL, SE</i>	+
5	Белгородская обл.	АО «ОЗММ»	<i>CN, BY, KZ, UZ, SK, TR, IT, DE, NL, VN</i>	<i>AM, AZ, TJ, FR, PL, US, BE, HK, SA</i>	+
6	Курская обл.	- АО «Комбинат КМАруда»; - ООО «Металоинвест» (Лебединский ГОК); - ПАО «НМЛК» (Стойленский ГОК)	<i>SK, FR, TR, DE, BY, LV, RO, GB, RS</i>	<i>KZ, VN, AE, CZ, UZ, HK, LT, NL, CN, IT, HU, US, EG, NO, AR</i>	+
7	Кемеровская обл.	- ПАО «Южный Кузбасс»; - АО «Угольная компания «Северный Кузбасс»	<i>TW, JP, KR, CN, KZ, TR, DE, MA, PL, VN, MN, NL, BR, EE</i>	<i>IN, FR, GB, KG, BY, IT, ID, NO, IL, MY, ES, US, PH, BE, IE, FI, MX, SK</i>	+
8	Забайкальский край	- ГМК «Удокан»; - ООО «ГРК «Быстринское»	<i>CN</i>	<i>KG, BY, IL, MY, ES, US, PH, BE, IE, FI, MX, SK</i>	+
9	Костромская обл.	- ПАО «Красносельский Ювелирпром»; - ООО «Костромской ювелирный завод «Топаз»; - ООО «Ювелирный завод «Платина»; - ООО «Великолепный век»	<i>GB</i>	<i>KZ, BY, UZ, DE, CH, US, TR</i>	-
10	Камчатский край	- ООО «Петропавловск-Камчатский рыбоконсервный завод»; - ООО «Солнечный Берег»; - ООО «Камчатская рыба»	<i>KR, JP</i>	<i>CN, FR, DE, US, ID</i>	+
11	Новгородская обл.	- ЗАО «ЭХЗ»; - ПАО «Акрон»; - ЗАО «Чудовоагрохимсервис»	<i>FI, KZ, BY, BR, US, HK, CN, IN, RO, IL, CA</i>	<i>PL, EE, DE, LT, EG, KR, AU, SE, TH, VN, MD, ID, LV</i>	+

Примечание: * – полужирным курсивным начертанием выделены обозначения стран группы А, неполужирным курсивным – стран группы В. ** – применены обозначения, где «+» – «гипотеза подтверждается», «-» – «гипотеза не подтверждается». Составлено авторами.

Таким образом, из табл. 6 видно, что фактически все экспортные предприятия в моноэкспортных регионах стратегически стремятся поддерживать внешнеэкономические отношения на прежнем уровне либо развивать их со странами, которые находятся в географической близости, что подтверждает выдвинутую гипотезу.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В ходе исследования выявлены 11 моноэкспортных регионов, в которых доля экспорта в определенной отрасли превышает 50 %. Среди них выделены Костромская область, Забайкальский и Камчатский край, в кото-

рых 90 % экспорта приходится всего на одну/две страны. Определено, что географическая компонента экспортной стратегии предприятий моноэкспортного региона зависит от его расположения на территории России. Например, предприятия, находящиеся в восточной части России (Камчатский край, Забайкальский край, Красноярский край, Кемеровская область), в основном ориентированы на страны Восточной и Юго-Восточной Азии. Предприятия, находящиеся в западной части России (Белгородская, Курская, Липецкая, Вологодская области), ориентированы прежде всего на страны ЕС, США и СНГ. Примечательно, что у каждого моноэкспортного региона,

как и у каждого его предприятия, есть потенциалы страны-партнеры, с которыми стратегически важно не только сохранять на

прежнем уровне, но и совершенствовать внешнеторговые связи.

Список источников

1. Паспорт национального проекта (программы) «Международная кооперация и экспорт». URL: <http://static.government.ru/media/files/FL01MAEp8YVvAkvbZotaYtVKNEKaALYA.pdf> (дата обращения: 01.10.2023).
2. Mintzberg H., Lampel J., Ahlstrand B. Strategy safari: A guided tour through the wilds of strategic management. London: Prentice Hall; 1998. 406 p.
3. Гурков И. Б. Стратегия и структура корпорации. 2-е изд., перераб. М. : Изд-во «Дело» АНХ, 2008. 288 с.
4. Гурков И. Б. Стратегический процесс российских компаний // Экономическая наука современной России. 2009. № 2. С. 76–91.
5. Клейнер Г. Б. Стратегия предприятия. М. : Изд-во «Дело» АНХ, 2008. 567 с.
6. Клейнер Г. Б. Сущность и структура стратегии предприятия // Современная конкуренция. 2008. № 6. С. 114–130.
7. Наумова К. А. Быстрорастущие компании в промышленности как драйвер экономического роста России // Научные труды Вольного экономического общества России. 2020. Т. 224, № 4. С. 464–480.
8. Лугачева Л. И. Внешнеэкономические стратегии машиностроительных предприятий Новосибирской области // Вестник НГУ. Серия: Социально-экономические науки. 2008. Т. 8, Вып. 1. С. 88–102.
9. Кондратенко Ю. Н. Пути развития внешнеэкономической деятельности машиностроительных предприятий // Вестник Челябинского государственного университета. 2009. № 19. С. 117–120.
10. Kholodova M., Kabanenko M., Orekhova L. et al. Prospects for development of Russian agricultural industry in the context of export-oriented strategy implementation in the agro-industrial complex. *E3S Web Conf.* 2020;175:13004.
11. Karipidis P., Chrysochou P., Karypidou I. The importance of relationship characteristics in the export performance of food firms. *British Food Journal.* 2020;122(4):1305–1320.
12. Дешченко А. Ю. Теоретические основы формирования стратегий внешнеэкономической деятельности предприятия // Торговля и рынок. 2021. № 4–2. С. 68–73.
13. Степанов Е. А., Плетнёв Д. А. Траектории экспортных стратегий предприятий российского транспортного машиностроения // *π-Economy.* 2022. Т. 15, № 1. С. 19–34. DOI 10.18721/JE.15102.
14. Степанов Е. А. Стратегия внешнеэкономической деятельности российских корпораций металлургической отрасли // Проблемы экономической безопасности и таможенного регулирования:

References

1. Passport of a national project (program) “International cooperation and export”. URL: <http://static.government.ru/media/files/FL01MAEp8YVvAkvbZotaYtVKNEKaALYA.pdf> (accessed: 01.10.2023). (In Russian).
2. Mintzberg H., Lampel J., Ahlstrand B. Strategy safari: A guided tour through the wilds of strategic management. London: Prentice Hall; 1998. 406 p.
3. Gurkov I. B. Strategii i struktura korporatsii. 2nd ed., rev. ed. Moscow: Publishing House “Delo” ANKh; 2008. 288 p. (In Russian).
4. Gurkov I. B. Strategicheskii protsess rossiiskikh kompanii. *Economics of Contemporary Russia.* 2009;(2):76–91. (In Russian).
5. Kleiner G. B. Strategiiia predpriiatiia. Moscow: Publishing House “Delo” ANKh; 2008. 567 p. (In Russian).
6. Kleiner G. B. Business strategy: The concept and the structure. *Journal of Modern Competition.* 2008;(6):114–130. (In Russian).
7. Naumova K. A. High-growth firms in industry as a driver of Russian economic growth. *Scientific Works of the Free Economic Society of Russia.* 2020;224(4):464–480. (In Russian).
8. Lugacheva L. I. Foreign economical strategies of machinery-building companies (per the example of Novosibirsk Region). *Vestnik NGU. Serii: Sotsialno-ekonomicheskie nauki.* 2008;8(1):88–102. (In Russian).
9. Kondratenko Yu. N. Puti razvitiia vneshne-ekonomicheskoi deiatelnosti mashinostroitelnykh predpriatii. *Bulletin of Chelyabinsk State University.* 2009;(19):117–120. (In Russian).
10. Kholodova M., Kabanenko M., Orekhova L. et al. Prospects for development of Russian agricultural industry in the context of export-oriented strategy implementation in the agro-industrial complex. *E3S Web Conf.* 2020;175:13004.
11. Karipidis P., Chrysochou P., Karypidou I. The importance of relationship characteristics in the export performance of food firms. *British Food Journal.* 2020;122(4):1305–1320.
12. Deshchenko A. Yu. Strategies formation theoretical bases of the enterprise foreign economic activity. *Trade and Market.* 2021;(4–2):68–73. (In Russian).
13. Stepanov E. A., Pletnev D. A. Trajectories of export strategies in Russian transport engineering enterprises. *π-Economy.* 2022;15(1):19–34. DOI 10.18721/JE.15102. (In Russian).
14. Stepanov E. A. Strategy of foreign economic activities of Russian corporations of the metallurgical industry. In: *Proceedings of the IV International Research-to-Practice Conference “Problemy ekono-*

- поиск эффективных решений : сб. науч. трудов VI Междунар. науч.-практич. конф., 23–25 марта 2021 г., г. Челябинск. Челябинск : ЮУрГУ, 2021. С. 160–170.
15. Степанов Е. А. Особенности географической стратегии экспорта металлургических предприятий посредством анализа внешней торговли регионов // Друкеровский вестник. 2023. № 2. С. 250–260. DOI 10.17213/2312-6469-2023-2-250-260.
16. Плетнёв Д. А., Степанов Е. А., Буй Н. Х. и др. Факторы формирования и реализации стратегий компаний в условиях 2022 года // Вестник Челябинского государственного университета. 2022. № 4. С. 90–101. DOI 10.47475/1994-2796-2022-10409.
- micheskoi bezopasnosti i tamozhennogo regulirovaniia: poisk effektivnykh reshenii*”, March 23–25, 2021, Chelyabinsk. Chelyabinsk: South Ural State University; 2021. p. 160–170. (In Russian).
15. Stepanov E. A. Features of the geographical strategy of the export of metallurgical enterprises through the analysis of foreign trade of the regions. *Drukerovskii vestnik*. 2023;(2):250–260. DOI 10.17213/2312-6469-2023-2-250-260. (In Russian).
16. Pletnev D. A., Stepanov E. A., Bui N. Kh. et al. Drivers of the development and implementation of firm strategies in 2022. *Bulletin of Chelyabinsk State University*. 2022;(4):90–101. DOI 10.47475/1994-2796-2022-10409. (In Russian).

Информация об авторах

Е. А. Степанов – кандидат экономических наук, доцент.

Д. А. Плетнёв – кандидат экономических наук, доцент.

Н. Х. Буй – доктор наук, профессор, директор.

Information about the authors

E. A. Stepanov – Candidate of Sciences (Economics), Docent.

D. A. Pletnev – Candidate of Sciences (Economics), Docent.

N. K. Bui – PhD, Professor, Director.

ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ

Научная статья

УДК 340:343

DOI 10.35266/2949-3455-2023-4-9

ПОЛИТИЧЕСКАЯ КОНЬЮНКТУРНОСТЬ ПРАВА КАК ПРОБЛЕМА УГОЛОВНОЙ ПОЛИТИКИ

Вадим Викторович Антонченко

Дальневосточная пожарно-спасательная академия – филиал Санкт-Петербургского университета Государственной противопожарной службы Министерства Российской Федерации по делам гражданской обороны, чрезвычайным ситуациям и ликвидации последствий стихийных бедствий имени Героя Российской Федерации генерала армии Е. Н. Зиничева, Владивосток, Россия

antovadim@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0319-562X>

Аннотация. Цель работы состоит в выявлении связи политики и права, влияния данной связи на социально-правовую реальность, в том числе на состояние и эффективность уголовной политики. Автор ставит задачу актуализации теоретических положений о государстве и праве, концепций правопонимания для выявления дискурса политико-правовой данности, обеспечивающего определенные свойства права и правоприменения в сфере противодействия преступности. Для раскрытия указанной связи автор использует общенаучные (анализ, синтез, сравнение) и частнонаучные (аксиологический, исторический, социологический и специально-юридический) методы научного познания, позволяющие исследовать общее и особенное в ценностном наполнении права и политики.

Влияние политики на право способно затрагивать фундаментальные принципы бытия права. В сфере противодействия преступности это может быть чревато неблагоприятными последствиями: от неэффективности специальных уголовных и уголовно-правовых мер по сдерживанию криминализации общества до угрожающего обществу состояния, которое можно определить как «расформирование» права. Политическая конъюнктура права является основной проблемой современной отечественной уголовной политики, отличающейся нестабильностью законодательства и разнонаправленностью векторов в стратегии и тактике противодействия преступности. Это влечет за собой угрозы благополучию и безопасности граждан, общества и государства.

Правовые и политические идеи должны иметь общее ценностное наполнение, связывающее право и политику диалектическим единством. В правовом демократическом государстве право в его интегративном понимании должно быть опорой для политики вообще и уголовной политики в частности.

Ключевые слова: государство, право, политика, уголовная политика, правопонимание, правоохранение, демократия

Для цитирования: Антонченко В. В. Политическая конъюнктура права как проблема уголовной политики // Вестник Сургутского государственного университета. 2023. Т. 11, № 4. С. 93–100. DOI 10.35266/2949-3455-2023-4-9.

Original article

POLITICAL OPPORTUNISM OF LAW AS AN ISSUE OF CRIMINAL POLICY

Vadim V. Antonchenko

Far Eastern Fire and Rescue Academy – Branch of Saint-Petersburg State Fire Service University of the Ministry of the Russian Federation for Civil Defense, Emergencies and Elimination of Consequences of Natural Disasters named after the Hero of the Russian Federation, Army General E. N. Zinichev, Vladivostok, Russia

antovadim@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0319-562X>

Abstract. The study aims to identify the connection between politics and law and the effect of such connection on social and legal reality, including the state and efficacy of criminal policy. The author aims at updating theoretical provisions about the state and law and concepts of legal understanding to determine the discourse of political and legal reality that provides certain properties of law and law enforcement in the battle against crime. The author expands upon this connection using general scientific (analysis, synthesis, comparison) and specific scientific (axiological, historical, sociological, and special legal) methods of scientific knowledge, which allow examining the general and special value content of law and politics.

The influence of politics on law can affect the fundamental principles of the law nature. It may lead to a number of unfavorable consequences in the battle against crime, starting from the ineffectiveness of special criminal and criminal legal measures that control the criminalization of society to a state threatening society, which can be defined as the “disbandment” of law. The main issue of modern domestic criminal policy is political opportunism of the law, which is characterized by legislative instability and multidirectional vectors in crime-fighting strategy and tactics. Thus, it endangers the well-being and security of citizens, society, and the state.

Legal and political ideas must have a common value content that links law and politics with dialectical unity. In a democratic state governed by the rule of law, law, in its integrative understanding, should be the basis for politics in general and criminal policy in particular.

Keywords: state, law, politics, criminal policy, legal understanding, law enforcement, democracy

For citation: Antonchenko V. V. Political opportunism of law as an issue of criminal policy. *Surgut State University Journal*. 2023;11(4):93–100. DOI 10.35266/2949-3455-2023-4-9.

ВВЕДЕНИЕ

Цивилизационные феномены политики и права неразрывно связаны между собой. Распространенные дефиниции «правовая политика», «уголовная политика», «уголовно-правовая политика» самой своей конструкцией свидетельствуют о такой связи. Но связь политики и права не исчерпывается сферой использования средств правового регулирования для укрепления законности и правопорядка, создания механизма по защите граждан и общества от преступлений. Политическая конъюнктурность уголовной политики следует из общего состояния взаимосвязи политики и права. Основным процессом в сфере государства и политики являются деятельность и взаимоотношения социальных субъектов по поводу властных отношений: получения власти, ее удержания, легитимации, использования и передачи. Современное государство, выражающее не классовые, сословные или иные подобные интересы, характерные для уходящих в прошлое политических режимов, а общенациональные интересы, основано на праве. Это обстоятельство предопределяет взаимодействие права и политики, имеющих в своем предмете общий компонент – государственно-властные и иные, вытекающие из них, отношения.

Уголовная политика государства в качестве совокупности специальных мер (криминалогических, уголовно-процессуальных, исправительно-трудовых, уголовно-правовых) и средств социального характера (экономических, идеологических, медицинских и т. д.) [1] определяется не только состоянием преступности, но и состоянием внутренней политики государства, которая, в свою очередь, в высшей степени зависит от развитости институтов гражданского общества и уровня его демократических запросов. Внутренняя политика, воплощенная в законодательстве и фактической правовой реальности, определяется ценностями общества, приоритетами и стратегическими задачами государства.

Изучение политической конъюнктурности права представляется наиболее актуальным в свете формирования уголовной политики, поскольку именно она является наиболее действенным и в то же время особенно опасным средством воздействия на социальные отношения. Рациональная модель уголовной политики способна быть источником эффективной деятельности государства по защите граждан и общества от преступных посягательств и преступлений в целом. В то же время, реализация уголовного закона, не учитывающего современные представления о пра-

ве, его ценностях и ценности самого права, может стать совершенно непереносимой для общества, заблокировав иные социальные процессы [2, с. 15, 56, 68].

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ

Влияние политики на право не является уникальным. Политика влияет на все сферы общественного бытия: экономику, культуру, религию, науку, искусство и т. д. Так, политические предпочтения отражаются на увеличении и уменьшении экономического роста – показателях, непосредственно связанных с уровнем жизни и благосостоянием населения [3–5]. Взаимодействие политики и культуры детерминирует определенное отношение социума к морально-нравственным ценностям, ценностно-нормативным установкам, глобализационным процессам, а также к способам, средствам и методам легитимации власти. В то же время сама политика всегда несвободна от влияния идеологических заблуждений, зачастую отягощенных стереотипами и социальной мифологией [6], а также некомпетентностью властных элит.

Взаимосвязь политики, т. е. отношений по поводу государственной власти с общественными процессами вообще и с правом в частности, порождает вопросы: во-первых, является ли эта связь равноправной, взаимовлияющей и взаимообусловленной; во-вторых, насколько позитивно либо негативно данная взаимосвязь влияет на прогресс общества и государства. Представляется, что ответы на поставленные вопросы зависят от степени «цивилизованности» государства, понимаемой в узком смысле.

Если под цивилизацией понимать устойчивую социально-культурную общность, существующую в определенное время; более широкую, по А. Тойнби [7], чем отдельная нация, но менее широкую, чем все человечество, то следует признать, что одновременно существуют цивилизации и оформляющие их государства с разным уровнем цивилизованности как организованности, культуры и способности следовать передовым нормам человеческого общежития. Критериями уровня развития цивилизации можно считать совершенствование материальной культуры, стремление к ценностно-смысловой самоакту-

ализации как высокой степени общественного сознания, которая обуславливает соответствующий уровень социального поведения, направленного на наиболее полное выявление и развитие индивидуальных и коллективных способностей, возможностей.

С прогрессом общества, государства и права связано освобождение социума от насилия в отношении слабых: женщин, детей, национальных меньшинств и т. д. В частности, уголовное право и соответствующая ему уголовная политика одновременно приходили к выводу о бесполезности и даже вредности для сдерживания преступности калечащих и унижающих наказаний, публичных казней. Это привело к тому, что в большинстве государств планеты смертная казнь либо законодательно запрещена, либо не применяется на практике.

Анализ эволюционных процессов государства, права и политики свидетельствует о том, что исторический прогресс, несмотря на его поливариативность и многообразие путей социального развития, задержку в поступательном движении либо даже «откат» некоторых государств, их политической, правовой и социальной сфер к архаичным формам бытия, влекущим за собой жесткие социальные нормы и ограничения (Афганистан, Иран, КНДР, Судан, Туркменистан, Уганда и др.), все-таки неизбежно связан с преобладанием гуманистического подхода.

РЕЗУЛЬТАТЫ И ИХ ОБСУЖДЕНИЕ

Право в целом и уголовное право в частности, обслуживая запросы государства, исторически формировалось в соответствии с потребностями и интересами властных элит [8–10]. Отношения политики и права, как и сами эти явления, иные области социального бытия, подвержены непрерывной трансформации. Современное состояние социогуманитарного знания позволяет заметить, что развитие государства, понимания его роли и функций – это направленный эволюционный процесс от его низших форм к высшим. Политическая организация общества, отражая основные устойчивые направления своей деятельности, раскрывает и свою сущность: общенациональную, классовую, сословную и т. д. Многообразие современных

государств и противоречивость их свойств не в состоянии скрыть направление данного движения: от государства как машины для обеспечения господства одного класса (группы, страты) над другими [11] до государства, имеющего общесоциальное назначение, выражаемое в сглаживании несправедливости, неравенства, защиты прав человека, где роль политической власти состоит в перераспределении доходов между слоями общества через систему налогов и государственный бюджет [12].

Подобно трансформации государства и представлений о нем, происходит объективно наблюдаемый процесс пересмотра роли права и переосмысление концепций правопонимания. Повсеместно доминировавшая концепция позитивного права дискредитировала себя существованием неправовых законов и преступных политических режимов [13]. Еще древние мыслители понимали, что наряду с правилами, установленными людьми, существуют вечные, неписанные законы. Там, где закон находится под властью, они видели гибель государства; спасение же его там, где правитель находится под законом [14, с. 188–189].

Идеи естественного права, отраженные в трудах европейских мыслителей эпохи Просвещения XVIII в., вышли из области чистой теории в практику. Принципы рационализма, свободомыслия и прав человека были положены в основу североамериканской Декларации независимости (1776 г.), первой в мире Конституции (США, 1787 г.) и французской Декларации прав человека и гражданина (1789 г.) [15–17]. Идеальные правовые начала, получившие в своей совокупности собирательное понятие «естественного права», подвергались жестокой критике как несуществующие, невозможные к применению на практике, однако XX в. подтвердил их реальность.

Право, являясь цивилизационной ценностью, само по себе не гарантирует благополучие и безопасность человека и общества. Не гарантирует этого и демократия, которая является лишь методом коллективного принятия решений с равным воздействием участников на исход процесса [18]. В этой связи стоит помнить о том, как в 1933 г. Германия менее чем за три месяца превратилась

из правового демократического государства в фашистскую диктатуру [19]. Завоевание власти нацистами, погрузившими человечество в гуманитарную катастрофу планетарного масштаба, произошло законным и демократическим путем [20, 21]. Более того, все известные человеческому обществу геноциды, уничтожившие миллионы людей, соответствовали действующему законодательству тех стран, где они совершались и поддерживались большинством населения [22].

И право, как система определенных государством правил, и демократия, как метод формирования власти, не способны обеспечить благополучие и безопасность социума без установления фундамента, сообщающего данным социальным явлениям современное цивилизационное содержание. Таким базисом является ценностный подход, основанный на признании универсализма норм, провозглашающих непоколебимость прав и свобод человека. Данное ценностное наполнение права в реальном мире, позитивном праве и практическом правоприменении возможно при наличии определенной политической воли правящих элит, способных оптимально сочетать политическое и правовое в процессе функционирования политико-правовой системы общества. Признаком того, что государство находится на пути к высшим степеням цивилизационного развития, возможного на современном этапе бытия человечества, является господство справедливых законов, отражающих и защищающих естественные права. Характер влияния политики на право вообще и уголовное право в частности раскрывается через отношение государства к универсальным ценностным категориям свободы, равенства, справедливости и порядка. Данные ценности являются, по существу, универсальными и общечеловеческими. Они признаются передовыми современными государствами и мало подвержены трансформациям по политическим, идеологическим либо партийным предпочтениям [23, 24].

Принцип обязательности правовых норм всеми субъектами правоотношений является основополагающим для права как главного регулятора общественных отношений. Однако в случае правового государства он требует дополнительного акцента на подчиненности

закону самих представителей властных элит. Именно данная идея противопоставляет правовое государство всем видам произвола: от древних тираний до современных диктатур.

Уголовная политика, решая, казалось бы, узкую задачу борьбы с преступностью, влияет на все сферы общественной жизни. Эффективная уголовная политика призвана создавать наилучшие условия для реализации целей и задач других направлений государственной политики – экономического, социального и т. д. [25, с. 7]. Неэффективность уголовной политики, о которой более чем достаточно говорят юристы и криминологи [26–29], не в последнюю очередь обусловлена ее политической конъюнктурностью. Данный фактор влияет прежде всего на состояние законодательства в сфере борьбы с преступностью. Доминирование политики над правом – признак неправового государства, в котором формально закрепленные нормы и правила могут быть легко изменены в соответствии с потребностями текущей «политической обстановкой» либо и вовсе не соблюдаются. В «праве» такого государства центральное место занимает система «понятий», обязательных для исполнения, но не закрепленных в нормативных актах. Основные свойства неправового государства (монополизация власти, неравенство субъектов, девальвация правовых норм и права в целом, правовой нигилизм и пр.), порождают правовое/неправовое поле, в котором закон может быть тотально игнорирован. Такая ситуация в отсутствие гражданского общества нивелирует права и свободы граждан, возвращая социум в архаичные условия, свойственные классовым и сословным государствам. В этих условиях «право» превращается в механизм манипуляции по достижению желаемого результата и защите частных интересов представителей властных элит.

Параллельная правовая реальность, в которой нормы и правила подвергаются эрозии и девальвируются, деморализует общество, негативно влияет на правовое сознание и является мощным криминогенным фактором. Неизбежная в неправовом государстве социальная разобщенность является главным триггером криминальной экспансии. По выражению А. И. Соловьева, «первой жертвой

политизации культурных этносов в сложно организованных обществах становится общегражданская солидарность, а впоследствии – и политическая стабильность в государстве» [30].

Главной жертвой криминализации общества всегда являются рядовые граждане, однако в этих условиях и властные элиты (превращающиеся во властные касты), не могут полагаться на закон, который был бы способен защитить их самих и их собственность. Такое неустойчивое положение провоцирует социальную напряженность и нестабильность, чреватую серьезными конфликтами. При наличии сопутствующих неблагоприятных факторов, основными из которых могут быть падение уровня жизни значительной части населения и затяжная социальная нестабильность, эскалация насилия способна не только разрушить благополучие и подорвать безопасность населения, но и создать угрозы для самого существования государства.

Влияние политики на право, выходящее за пределы рационального и затрагивающее фундаментальные правовые основы, является признаком социального неблагополучия. Уголовная политика должна опираться на право, однако, если в государстве существует общий дискурс политического доминирования над правом, то он определяет и частный случай, в котором уголовная политика определяет существо уголовного законодательства и правоприменения. В этом случае правовые основы функционирования государства подрываются: правоприменитель диктует свою волю законодателю, а суд не осуществляет правосудие, а ищет способы оправдания сложившейся правовой (неправовой) реальности. Результатом может быть полное расформирование права в его современном понимании.

Отечественные ученые давно говорят об отсутствии в России четко сформулированных концептуальных основ политики в сфере борьбы с преступностью, бесконечной череде спонтанно возникающих изменений Уголовного кодекса вследствие директив, исходящих от властных структур [31]. Действительно, отечественный уголовный закон практически с момента введения его в действие в 1997 г. находится в состоянии

перманентного реформирования. Через принятие более чем трехсот федеральных законов и постановлений Конституционного Суда в него внесены тысячи поправок [32]. Несмотря на столь масштабную работу законодателя (а, скорее, благодаря ей), видимая концепция отечественной уголовной политики сегодня отсутствует, а сама сфера противодействия преступности много дальше от понимания средств и методов правоохранения, чем четверть века назад.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В современном демократическом и правовом государстве роли политики и права, понимаемого через интегративную (объединяющую) концепцию, выражающую его подлинную сущность, равнозначны. Общесоциальное назначение государства детерминирует диалектическое единство данных цивилизационных феноменов. Их взаимодействие и взаимовлияние подчинено единой цели выражения наиболее значимых интересов всех групп и слоев общества, обеспечению порядка и стабильности социальной системы, рационализации социальных конфликтов и управлению общественными процессами в интересах всего социума.

Это положение в политике и праве государства может быть достигнуто лишь в результате перехода от замкнутого к открытому обществу с общечеловеческими интересами и универсальными ценностями, которые носят надгосударственный и наднациональный характер. Снижение воздействия политики на право с одновременным возрастанием влияния права на политику сопровождается сближением их ролей, подчиняющихся общему прогрессивному дискурсу, для которого характерно: а) наполнение законодательства и правоприменения гуманистическим содержанием; б) приобретение правом свойств самоценности, все менее зависящей от личных, групповых, клановых и сословных интересов, ценностей и заблуждений; в) отрыв права от следования политической конъюнктуре, образованием диалектической связи права и политики, при которой не только политика оказывает влияние на право, но и право, в свою очередь, способно влиять на принимаемые политические решения.

Предметное отделение права от политики в политико-правовой реальности возможно лишь в тех государствах, которые находятся на достаточно высокой ступени социального развития, отличающейся высоким уровнем общественного сознания, в том числе, и общественного правосознания. По существу, речь идет о правовом государстве, в котором деятельность государственных органов и должностных лиц подчинена праву, а само позитивное право основывается на фундаментальных правовых принципах естественного права.

Активные реформы уголовно-правовой сферы, продолжающиеся в России третье десятилетие, разновекторные всплески их активности в определенные моменты времени, а также их взаимоисключающие результаты, дают основания говорить о политической конъюнктурности данных процессов. Прослеживается очевидная закономерность между указанными реформами и внутривнутриполитическими обстоятельствами, связанными с социально-политическими преобразованиями, также имевшими в различные периоды времени разнонаправленный характер.

Прогресс общества и государства, усложнение социальной жизни и практических задач в области противодействия преступности требует рецепции базовых правовых основ в политико-правовой реальности. Этот процесс должен находиться в русле глобального движения общества от низших состояний к высшим, основанного на опыте передовых стран по организации общественной жизни, обеспечивающей благополучие и безопасность населения. Негативное воздействие политики на право может быть преодолено развитием институтов гражданского общества и повышением его демократических запросов. Уголовная политика, формируемая властными субъектами, должна учитывать научно-обоснованные социологические и криминологические доводы, не подвергаясь при этом политическому, мифологическому, идеологическому, а то и коррупционному влиянию. Любое подобное воздействие способно обременить данную сферу серьезными недостатками: от невозможности создания ее рациональной модели до сомнения в самом ее существовании.

Список источников

References

1. Герцензон А. А. Уголовная политика и пути ее изучения // Советское государство и право. 1969. № 8. С. 21–29.
2. Жалинский А. Э. Уголовное право в ожидании перемен: теоретико-инструментальный анализ. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Проспект, 2016. 400 с.
3. Абалкин Л. И. Логика экономического роста. М. : Институт экономики РАН, 2002. 228 с.
4. Глазьев С. Ю. Экономика и политика: эпизоды борьбы : статьи, выступления, интервью. М. : Гнозис, 1994. 26 с.
5. Пшеворский А. Демократия и рынок. Политические и экономические реформы в Восточной Европе и Латинской Америке / пер. с англ. Ю. Г. Алексеева и др.; под ред. В. А. Бажанова. М. : РОССПЭН, 1999. 319 с.
6. Ульяновский А. В. Прологомены социальной мифологии // Известия Российского государственного педагогического университета имени А. И. Герцена. 2006. № 7. С. 137–150.
7. Тойнби А. Дж. Цивилизация перед судом истории. М. : Айрис Пресс, 2003. 592 с.
8. Осипян Б. А. Русский судебник 1497 г. как право-идеологическая основа зарождения централизованного государства // История государства и права. 2011. № 4. С. 23–27.
9. Анисимов Е. В. Петр Первый: благо или зло для России? М. : Новое литературное обозрение, 2017. 271 с.
10. Хлевнюк О. В. Хозяин. Сталин и утверждение сталинской диктатуры. М. : РОССПЭН, 2010. 479 с.
11. Ленин В. И. Полное собрание сочинений. 5-е изд. Т. 39. М. : Гос. изд-во полит. литературы, 1970. 654 с.
12. Бошно С. В. Государство // Право и современные государства. 2013. № 6. С. 64–79. DOI 10.14420/ru.2013.6.9.
13. Антонченко В. В. Право и закон // Актуальные проблемы государства и права. 2022. Т. 6, № 2. С. 123–131. DOI 10.20310/2587-9340-2022-6-2-123-131.
14. Платон. Сочинения. В 3-х томах. Т. 3, Ч. 2. М. : Мысль, 1972. 678 с.
15. Boyd J. P. The Declaration of Independence: The evolution of the text. Washington: Library of Congress; 1999. 102 p.
16. Соединенные Штаты Америки. Конституция и законодательные акты / сост. В. И. Лафитский; пер. с англ., под ред. и со вступ. ст. О. А. Жидкова. М. : Прогресс : Универс, 1993. 765 с.
17. Глушков Х. С. «Декларация прав человека и гражданина» и начало современного французского парламентаризма // Вопросы всеобщей истории. 2015. № 17–2. С. 50–60.
18. Hyland J. L. Democratic theory: The philosophical foundations. Manchester; New York: Manchester University Press, 1995. 280 p.
19. Паль Лин фон. Все тайны Третьего рейха. М. : АСТ ; СПб. : Астрель-СПб, 2010. 507 с.
1. Gertsenzon A. A. Ugolovnaia politika i puti ee izucheniia. *Sovetskoe gosudarstvo i pravo*. 1969;(8):21–29. (In Russian).
2. Zhalinsky A. E. Ugolovnoe pravo v ozhidanii peremen: teoretiko-instrumentalniy analiz. 2nd ed., rev. ed. Moscow: Prospekt; 2016. 400 p. (In Russian).
3. Abalkin L. I. Logika ekonomicheskogo rosta. Moscow: Institute of Economics of RAN; 2002. 228 p. (In Russian).
4. Glazyev S. Yu. Ekonomika i politika: epizody borby. Articles, speeches, interviews. Moscow: Gnozis; 1994. 26 p. (In Russian).
5. Przeworski A. Democracy and market: Political and economic reforms in Eastern Europe and Latin America. Alekseeva Yu. G. et al., translators; Bazhanov V. A., editor. Moscow: ROSSPEN; 1999. 319 p. (In Russian).
6. Ulyanovsky A. V. Prolegomena of social mythology. *Izvestia: Herzen University Journal of Humanities & Sciences*. 2006;(7):137–150. (In Russian).
7. Toynbee A. J. A study of history. Civilization on trial. The world and the West. Moscow: Airis-Press; 2003. 592 p. (In Russian).
8. Osipyany B. A. Russian sudebnik of 1497 as a legal-ideology basis of arising of centralized state. *History of State and Law*. 2011;(4):23–27. (In Russian).
9. Anisimov E. V. Petr Pervyi: blago ili zlo dlia Rossii? Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie; 2017. 271 p. (In Russian).
10. Khlevnyuk O. V. Khoziain. Stalin i utverzhdenie stalinskoi diktatury. Moscow: ROSSPEN; 2010. 479 p. (In Russian).
11. Lenin V. I. Complete collection of works. 5th ed. Vol. 39. Moscow: Gos. izd-vo polit. literatury; 1970. 654 p. (In Russian).
12. Boshno S. V. Gosudarstvo. *Pravo i sovremennye gosudarstva*. 2013;(6):64–79. DOI 10.14420/ru.2013.6.9. (In Russian).
13. Antonchenko V. V. Law and legislation. *Current Issues of the State and Law*. 2022;(6):123–131. DOI 10.20310/2587-9340-2022-6-2-123-131. (In Russian).
14. Platon. Essays. In 3 vols. Vol. 3, Pt. 2. Moscow: Mysl; 1972. 678 p. (In Russian).
15. Boyd J. P. The Declaration of Independence: The evolution of the text. Washington: Library of Congress; 1999. 102 p.
16. Lafitsky V. I., compiler. United States of America. The constitution and legislative acts. Zhidkov O. A., editor. Moscow: Progress: Univers; 1993. 765 p. (In Russian).
17. Glushkov Kh. S. The declaration of the rights of man and citizen and the beginning of the modern French parliamentarism. *Voprosy vseobshchei istorii*. 2015;(17–2):50–60. (In Russian).
18. Hyland J. L. Democratic theory: The philosophical foundations. Manchester; New York: Manchester University Press, 1995. 280 p.
19. Pal L. fon. Vse tainy Tretyego reikha. Moscow: AST; St. Petersburg: Astrel-SPb; 2010. 507 p. (In Russian).

20. Вернигора О. А. Приход нацистов к власти в Германии в 1933 г. // Научные стремления. 2014. № 10. С. 18–23.
21. Галкин А. А. Германский фашизм. 2-е изд., доп. М.: Наука, 1989. 352 с.
22. Антонченко В. В. Взаимодействие права и морали в процессе их трансформации // Академический юридический журнал. 2023. Т. 24, № 1. С. 5–13. DOI 10.17150/1819-0928.2023.24(1).5-13.
23. Малинова О. Ю. Концепт идеологии в современных политических исследованиях // Политическая наука. 2003. № 4. С. 8–30.
24. Селезнева А. В. Ценностные основания политических идеологий: политико-психологический анализ // Политическая наука. 2017. Спецвыпуск. С. 365–384.
25. Бабаев М. М. О соотношении уголовной и криминологической политики // Проблемы социологии уголовного права: сб. науч. трудов. М.: Изд-во Всесоюзного института по изучению причин и разработке мер предупреждения преступности, 1982. С. 5–16.
26. Стахов Я. Г. Современные проблемы уголовной политики Российской Федерации // Труды Академии управления МВД России. 2011. № 4. С. 15–17.
27. Петрянин А. В., Ивенин В. О. Строгость наказания и неотвратимость ответственности как пути развития уголовной политики России // Вестник Белгородского юридического института МВД России имени И. Д. Путилина. 2022. № 2. С. 12–18.
28. Лесников Г. Ю. Уголовная политика Российской Федерации (проблемы теории и практики). М.: ЮНИТИ: Закон и право, 2004. 197 с.
29. Алексеев А. И., Овчинский В. С., Побегайло Э. Ф. Российская уголовная политика: преодоление кризиса. М.: Норма, 2006. 143 с.
30. Соловьев А. И. Культура и политика: контуры взаимодействия в современной России // Власть. 2020. Т. 28, № 6. С. 300–304. DOI 10.31171/vlast.v28i6.7801.
31. Коробеев А. И. Уголовно-правовая политика современной России: проблемы пенализации и депенализации // Закон. 2015. № 8. С. 46–59.
32. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 04.08.2023) (с изм. и доп., вступ. в силу с 04.08.2023) // СЗ РФ. 1996. № 25. Ст. 2954. Доступ из СПС «Гарант».
20. Vernigora O. A. The coming of nazis to power in Germany in 1933. *Nauchnye stremleniia*. 2014;(10):18–23. (In Russian).
21. Galkin A. A. *Germanskii fashizm*. 2nd ed., rev. ed. Moscow: Nauka; 1989. 352 p. (In Russian).
22. Antonchenko V. V. The interaction of law and morality in the process of their transformation. *Academic Law Journal*. 2023;24(1):5–13. DOI 10.17150/1819-0928.2023.24(1).5-13. (In Russian).
23. Malinova O. Yu. Kontsept ideologii v sovremennykh politicheskikh issledovaniakh. *Political Science*. 2003;(4):8–30. (In Russian).
24. Selezneva A. V. Value foundations of political ideologies: Political-psychological analysis. *Political Science*. 2017;Special issue:365–384. (In Russian).
25. Babaev M. M. O sootnoshenii ugolovnoi i kriminologicheskoi politiki. In: *Collection of scientific works "Problemy sotsiologii ugolovnogo prava"*. Moscow: Publishing House of All-Union Institute for Crime Prevention; 1982. p. 5–16. (In Russian).
26. Stakhov Ya. G. Sovremennye problemy ugolovnoi politiki Rossiiskoi Federatsii. *Trudy Akademii upravleniia MVD Rossii*. 2011;(4):15–17. (In Russian).
27. Petryanin A. V., Ivenin V. O. The severity of punishment and the inevitability of responsibility as a way of developing Russia's criminal policy. *Vestnik of Putilin Belgorod Law Institute of Ministry of the Interior of Russia*. 2022;(2):12–18. (In Russian).
28. Lesnikov G. Yu. Criminal law politics of the Russian Federation (issues of theory and practice). Moscow: IuNITI: Zakon i pravo; 2004. 197 p. (In Russian).
29. Alekseev A. I., Ovchinsky V. S., Pobegailo E. F. Rossiiskaia ugolovnaia politika: preodolenie krizisa. Moscow: Norma; 2006. 143 p. (In Russian).
30. Solovyev A. I. Culture and politics: The contours of interaction in modern Russia. *Vlast*. 2020;28(6):300–304. DOI 10.31171/vlast.v28i6.7801. (In Russian).
31. Korobeev A. I. Criminal policy in Russia: Problems of penalisation and depenalization. *Zakon*. 2015;(8):46–59. (In Russian).
32. Criminal Code of the Russian Federation of June 13, 1996 No. 63-FZ (as amended on August 4, 2023) (with amendments and additions, came into force as of August 4, 2023). Collection of legislation of the Russian Federation. 1996. No. 25. Art. 2954. Accessed through Law assistance system "Garant". (In Russian).

Информация об авторе

В. В. Антонченко – кандидат юридических наук, доцент.

Information about the author

V. V. Antonchenko – Candidate of Sciences (Law), Docent.

Научная статья
УДК 343.31/.32
DOI 10.35266/2949-3455-2023-4-10

ТОЛКОВАНИЕ ОЦЕНОЧНЫХ ПОНЯТИЙ ПРИ КВАЛИФИКАЦИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СОВЕРШЕННЫХ ПО ЭКСТРЕМИСТСКИМ МОТИВАМ

Юрий Александрович Власов

Омская академия Министерства внутренних дел Российской Федерации, Омск, Россия
karabanovka@mail.ru

Аннотация. Предметом исследования выступают общественные отношения в сфере охраны личности, основ конституционного строя и безопасности государства. Цель – изучение юридического содержания экстремистских мотивов. Задачи исследования: толкование признаков деяния при квалификации преступлений по мотивам возбуждения социальной, расовой, национальной или религиозной розни либо ненависти в отношении какой-либо социальной группы. Методы исследования: изучение мнений ученых юристов по данной проблематике, выборка и анализ материалов судебной практики.

На данный момент сложно дать четкий легальный критерий отграничения положительного мотива от отрицательного при квалификации действий виновного по нормам, содержащим экстремистские мотивы. Эта задача в настоящее время возлагается на правоприменителя, который в ходе расследования уголовного дела и судебного рассмотрения должен определить содержание и юридическую значимость указанных мотивов в каждом конкретном случае.

Предлагается руководящим разъяснением Пленума Верховного Суда Российской Федерации выработать примерные критерии разграничения мотивов политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды либо ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы по признаку положительной и/или отрицательной направленности применительно к социально значимым ценностям.

На основе анализа мнений ученых и судебной практики выявлен формальный подход правоприменителя при квалификации преступлений по экстремистским мотивам, что не отражает реальное содержание деяний данной категории. Обосновывается, что не во всех случаях следует квалифицировать преступление против личности или безопасности государства по экстремистским мотивам, несмотря на их формальное присутствие.

Ключевые слова: толкование, мотив, возбуждение социальной, расовой, национальной или религиозной розни либо ненависти в отношении какой-либо социальной группы

Для цитирования: Власов Ю. А. Толкование оценочных понятий при квалификации преступлений, совершенных по экстремистским мотивам // Вестник Сургутского государственного университета. 2023. Т. 11, № 4. С. 101–109. DOI 10.35266/2949-3455-2023-4-10.

Original article

READING OF ESTIMATE CONCEPTS IN CLASSIFICATION OF EXTREMISM CRIMES

Yuri A. Vlasov

Omsk Academy of the Ministry of the Interior of the Russian Federation, Omsk, Russia
karabanovka@mail.ru

Abstract. The subject of the study is social relations in the protection of an individual, the basics of constitutionality, and the security of the state. The study aims to examine the legal content of extremist motives. The objectives of the study are the following: reading of act attributes in classification of crimes committed to ignite social, racial, national, or religious discord or hatred against any social group. Methods used in the article include studying academic lawyers' opinions on the issue and selecting and analyzing case materials.

At the moment, it is difficult to provide a clear legal criterion for delimitation of positive and negative motives in classifying acts of the perpetrator under regulations with extremist motives. The law enforcer is responsible for resolving this problem by determining the content and legal value of given motives in each specific case during the investigation of a criminal case and legal proceedings.

The Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation has issued the directives that propose to establish approximate criteria for distinguishing the motives of political, ideological, racial, national, or religious hatred or enmity, or hatred or enmity in relation to any social group according to a positive and/or negative orientation as applied to socially significant values.

Based on the analysis of scientists' viewpoints and judicial practice, a formalistic approach used by the law enforcer in classifying crimes with extremist motives is identified, which does not reflect the real content of acts in this category. The author substantiates that it is not recommended to classify all crimes against an individual or the security of the state for extremist reasons, despite their direct presence.

Keywords: reading, motive, ignition of social, racial, national or religious discord or hatred against any social group

For citation: Vlasov Yu. A. Reading of estimate concepts in classification of extremism crimes. *Surgut State University Journal*. 2023;11(4):101–109. DOI 10.35266/2949-3455-2023-4-10.

ВВЕДЕНИЕ

Федеральным законом от 24.07.2007 № 211-ФЗ в ряд статей Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ) были введены альтернативные оценочные понятия, представляющие дополнительный признак субъективной стороны – мотив ненависти или вражды (политический, идеологический, расовый, национальный, религиозный либо в отношении какой-либо социальной группы). В ст. 116 ст. 282 УК РФ эти мотивы стали составообразующими. В п. «л» ч. 2 ст. 105, п. «е» ч. 2 ст. 111, п. «е» ч. 2 ст. 112, п. «б» ч. 2 ст. 115, п. «з» ч. 2 ст. 117, ч. 2 ст. 119 УК РФ, ч. 4 ст. 150, п. «б» ч. 1 ст. 213, ч. 2 ст. 214, п. «б» ч. 2 ст. 244 УК РФ они выступают в качестве отягчающих обстоятельств.

Несмотря на то, что данные юридически значимые признаки используются в правоприменительной практике, нельзя сказать, что накопился достаточный опыт в единообразном применении этих понятий. До сих пор им присущ серьезный недостаток, касающийся точности и достоверности [1, с. 184].

Законодатель лишь формально указал мотивы совершения преступлений (политический, идеологический, расовый, национальный или религиозный, а также ненависть или вражда в отношении какой-либо социальной группы), но не дал их толкования. Однако есть один нюанс, который не был учтен законодателем и не получил легального толкования. Данные мотивы могут иметь как отрицательное содержание, так и положительное.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ

Поставленная задача решалась посредством изучения мнений ученых юристов, исследовавших ранее данную проблему, а также на основе выборки и анализа материалов судебной практики.

Объектом исследования выступают отношения в сфере охраны личности, общественной безопасности и общественного порядка.

РЕЗУЛЬТАТЫ И ИХ ОБСУЖДЕНИЕ

Правильное и доступное для понимания формулирование дефиниций в нормах уголовного права представляет значительные сложности при нормотворческой практике. Они играют важную роль при квалификации преступлений и представляют сложность в юридической технике при конструировании норм. Наиболее полное и доступное для понимания формулирование определений позволяет правильно уяснить содержание нормы и применять ее при квалификации. Дефиниции в уголовном праве имеют более важное значение по сравнению с другими отраслями права, поскольку предусматривают самые жесткие ограничения прав личности при привлечении к уголовной ответственности.

После введения таких признаков деяний, как мотив ненависти или вражды (политический, идеологический, расовый, национальный или религиозный, либо в отношении какой-либо социальной группы) в уголовный

закон, возникли проблемы применения норм, связанные с толкованием этих оценочных понятий. Легальное их толкование со стороны Пленума Верховного Суда РФ не снимает данную проблему, она во многом остается объективно неразрешенной [2]. Так, результаты исследования деяний несовершеннолетних, совершенных по мотиву национальной или расовой ненависти, проведенного М. А. Мошенсон, свидетельствуют, что использование уголовно-правовых критериев, характеризующих мотив преступления, не всегда позволяет учесть все особенности преступления, имеющие значение для оптимальной организации их расследования [3, с. 106].

Введенные в уголовный закон эти юридически значимые мотивы, относятся к экстремизму и заимствованы из п. 1 ст. 1 Федерального закона от 25.07.2002 № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности», где в ряду экстремистских действий указываются «...возбуждение социальной, расовой, национальной или религиозной розни; пропаганда исключительности, превосходства либо неполноценности человека по признаку его социальной, расовой, национальной, религиозной или языковой принадлежности или отношения к религии...» [4]. Однако в законе говорится только о том, что относится к экстремистским действиям и не раскрывается их содержание. Несмотря на то, что данные юридически значимые признаки используются в правоприменительной практике, нельзя сказать, что накопился достаточный опыт в единообразном применении этих понятий. До сих пор им присущ серьезный недостаток, касающийся точности и достоверности [1, с. 184]. Выборка судебных решений, где содержатся рассматриваемые мотивы, показала, что их сравнительно немного, что связано либо с их малым количеством, либо с тем, что не все судебные решения отражены на официальном сайте [5]. Не было найдено ни одного решения по статьям главы 16 «Преступления против жизни и здоровья», содержащих мотив политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды либо ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы. Обнаружено

три приговора по ст. 214 УК РФ и по одному по ст. 213, 282 УК РФ.

Исследуя нормы, содержащие рассматриваемые мотивы, Е. О. Руева и А. С. Вражнов указывают на неоднозначность и противоречивость используемых в тексте закона понятий, нарушение правовой определенности при их конструировании, а также несоблюдение правил формулирования правовых дефиниций. Проведенный анализ законодательных дефиниций экстремизма и преступлений экстремистской направленности показал, что в первом случае при конструировании дефиниции допускается избыточная казуистичность, а во втором – избыточная абстрактность. На основании чего делается вывод, что нарушение правил юридической техники дает возможность неоправданно широко применять меры уголовной репрессии в процессе правоприменительной деятельности, что недопустимо в правовом, демократическом государстве [6, с. 36].

Обобщая судебную и следственную практику, В. А. Бурковская пришла к выводу, что именно установление цели «возбуждение вражды и унижение достоинства» в качестве обязательного признака субъективной стороны вызывает наибольшие сложности. Как правило, подозреваемые и обвиняемые утверждают, что, совершая инкриминируемые им действия, они хотели обнародовать свою позицию по национальному вопросу, привлечь внимание общественности к этой проблеме и т. д., а не возбудить вражду или унижить достоинство. Опровергнуть эти утверждения при невозможности получения квалифицированного экспертного заключения, отсутствии материалов из органов юстиции либо Министерства культуры и массовых коммуникаций РФ достаточно сложно [7, с. 13]. Об этом же говорит и З. М. Бешукова на основе анализа материалов уголовных дел, что абсолютное большинство обвиняемых в ходе допроса утверждают, что «целей оскорбления по национальному, иному признаку, возбуждения ненависти, вражды не преследовали, а просто высказывали свое мнение, делились своей точкой зрения» либо «реализовывали свое право на свободу выражения мне-

ния» [8, с. 268–274]. Так, гр. С., обвиняемый в совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 282 УК РФ, не признал себя виновным в установленном деянии и показал, что он приведенных цели и мотива не имел, в высказываниях изложил правду [9].

В постановлении Пленума Верховного суда РФ от 28.06.2011 № 11 «О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности» не дается разъяснение содержания экстремистских мотивов. В. В. Теннитола, ссылаясь на опрос, проведенный среди судей, следователей и прокуроров, пишет, что зачастую возникают трудности при толковании того или иного мотива, цели убийства. Подавляющее большинство респондентов выступают за введение в Общую часть УК РФ разъяснения субъективных обстоятельств, отягчающих наказание за убийство [10, с. 12]. Сугубо формальный подход, основанный на учете лишь специальных мотивов, может стать препятствием для признания деяний преступлениями [11, с. 55].

Так, гр. А. был привлечен к ответственности за совершение преступления, предусмотренного ст. 148, ч. 2 ст. 214, п. «б» 2 ст. 244 УК РФ. Суд указал, что А. вырезал из религиозных книг листы, произвел в них надписи в отношении Иисуса Христа и Богородицы, которые оскорбляют религиозные чувства верующих, направлены на возбуждение вражды (ненависти, розни) по отношению к группе лиц, выделяемой по признакам национальности (евреи) и отношения к религии (христиане), а также направленные на унижение человеческого достоинства по признаку национальности (евреи) и отношения к религии (христиане). После чего наклеил эти листы на двери церкви с целью оскорбления религиозных чувств верующих, для их публичного просмотра неограниченным кругом лиц.

Кроме того, А., имея сформировавшееся негативное отношение к лицам, объединенным по признакам национальности, отношения к религии, относящимся к евреям и христианам, желая возбудить ненависть и вражду по отношению к ним, по мотиву религиозной ненависти и вражды, прибыл на территорию

кладбища, где сломал несколько надмогильных деревянных крестов, в том числе на захоронении протоиерея. Фрагменты крестов А. перенес к входу в здание церкви и иконной (церковной) лавки, расположенных на территории данного кладбища. Остальные части разбросал на территории кладбища. В приговоре указано, что преступные действия А. имели безнравственный, циничный характер, носили в себе религиозную ненависть и вражду к усопшим [12]. Суд сделал выводы о наличии мотива национальной или религиозной ненависти или вражды на основании листов из религиозных книг, вывешенных для всеобщего обозрения с его надписями. Однако непонятен вывод о наличии такого мотива применительно к ч. 2 ст. 214 и п. «б» 2 ст. 244 УК РФ, поскольку в приговоре не указано, что подсудимый ломал надгробия по признакам религиозной или национальной ненависти.

Законодатель лишь формально указал мотивы совершения преступлений (политический, идеологический, расовый, национальный или религиозный, а также ненависть или вражда в отношении какой-либо социальной группы), но не дал их толкования. Однако есть один нюанс, который не был учтен законодателем и не получил легального толкования. Данные мотивы могут иметь как отрицательное, так и положительное содержание. К примеру, политика и идеология могут быть миролюбивыми, конструктивными, направленными на мирное сосуществование, международное сотрудничество и дружбу, а могут быть и агрессивными, направленными на пропаганду войны, терроризма, человеконенавистничества.

Так, группа лиц, руководствуясь негативным отношением к позиции Российской Федерации в политических отношениях с Украиной, движимые мотивом политической ненависти, используя заранее приготовленное альпинистское снаряжение, поднялись на венчающую шпиль здания звезду. Они покрасили ее верхнюю часть до половины краской синего цвета, создав таким образом визуальное восприятие цветов государственного флага Украины на данном объекте,

чем осквернили здание в г. Москве, являющееся объектом культурного наследия. Лица были привлечены к уголовной ответственности по ч. 2 ст. 213 УК РФ, ч. 2 ст. 214 УК РФ [13]. В данном судебном решении не раскрывается мотив политической ненависти. Такой вывод делается только на основании действий подсудимых, которые, безусловно, могут подтверждать этот мотив или не совпадать с ним.

Это относится и к расовой ненависти. Россия является многонациональной страной, где на протяжении веков проживают люди разных национальностей. И нередко в бытовом общении или конфликте люди упоминают в негативном плане национальность лица, не подразумевая при этом оскорбление национального достоинства. На это обстоятельство обращает Верховный Суд РФ: «Преступления, совершенные по мотивам политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды либо по мотивам ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы, следует отграничивать от преступлений, совершенных на почве личных неприязненных отношений. Для правильного установления мотива преступления следует учитывать, в частности, длительность межличностных отношений подсудимого с потерпевшим, наличие с ним конфликтов, не связанных с национальными, религиозными, идеологическими, политическими взглядами, принадлежностью к той или иной расе, социальной группе» [2]. Так, гр. Узбекистана Б. был привлечен к ответственности за совершение преступления, предусмотренного подп. «а, б» ч. 1 ст. 213 УК РФ, который находясь в состоянии алкогольного опьянения, действуя по мотивам национальной ненависти и вражды в отношении русских по национальности, направил дуло пневматической винтовки в сторону находившихся в помещении лиц, сказав при этом, что будет стрелять. Также громко сказал присутствующим в помещении лицам, что он ненавидит русских, что теперь это их земля, имея в виду, что она принадлежит узбекам, и что русских надо убивать, тем самым выразив национальную ненависть и вражду по отношению к русским по национальности [14]. В данном

случае, обосновывая мотив преступления, суд описал действия подсудимого и его высказывания, которыми они сопровождались.

Достаточно неоднозначна ситуация в отношении религии. В сегодняшнем мире есть множество примеров, где совершаются террористические акты или ведутся войны на религиозной почве. В соответствии со ст. 3.1. «Особенности применения законодательства Российской Федерации о противодействии экстремистской деятельности в отношении религиозных текстов» (Библия, Коран, Танах и Ганджур), их содержание и цитаты из них не могут быть признаны экстремистскими материалами [15]. Однако реальное содержание некоторых текстов утверждает обратное, несмотря на их нейтральное толкование теологами. Так, во Второзаконии Библии написано: «33. И предал Господь, Бог наш, в руки наши, и мы поразили его и сынов его и весь народ его, и взяли в то время все города его, и предали заклятию все города, мужчин и женщин и детей, не оставили никого в живых...» [16, с. 191]. И таких текстов в этой книге достаточно. Независимо от толкования этого текста в данном случае явно усматривается поголовное уничтожение людей по национальному признаку. Не говоря уже о реальных примерах истории, где огромные массы людей уничтожались на религиозной почве. Даже в Великую Отечественную войну советские солдаты воевали не с фашистами (правильнее говорить – «с нацистами»), а с христианами, поскольку практически все солдаты вермахта носили крест с изображением Иисуса и являлись католиками или протестантами. Полагаем, что достаточно примеров в СМИ, где для оправдания экстремизма и терроризма используются положения Корана. Автор не берется утверждать, имеют ли положительное или негативное содержание данные религиозные тексты, но очевидно, что все зависит от их толкования. Их можно это можно делать как в положительном, нравственном ключе, так и в духе ненависти к людям другой религии и национальности.

В качестве примера судебной практики, где преступление совершено по мотивам религиозной ненависти, можно привести при-

говор в отношении Ф., обвиняемого в совершении преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 214 УК РФ. Подсудимый, находясь под окнами музея каменных артефактов, на почве религиозной ненависти, основанной на сформированном мировоззрении, имея умысел на порчу имущества, повалил на землю артефакт, призванный символизировать жизненную энергию, вследствие чего знак был разбит на три части, чем причинил материальный ущерб в сумме 18 000 руб., выразившийся в уничтожении знака «Менгир» [17]. В этом судебном решении суд не дает расшифровку религиозного мотива, из чего не ясно, что явилось основанием для вменения данного состава, а не просто вандализма.

Говоря о возбуждении ненависти либо вражды по признаку принадлежности к какой-либо социальной группе, законодатель не дает определения социальной группы, что на практике приводит к проблемам квалификации. Эта группа может быть как социально положительной, так и социально отрицательной.

В энциклопедии социальная группа значится как любая относительно устойчивая совокупность людей, находящихся во взаимодействии и объединенных общими интересами и целями [18]. Из данного определения можно сделать вывод, что такие цели и интересы могут носить не только социальный, но и антисоциальный, преступный характер. В связи с этим, например, по ст. 282 УК РФ должны быть квалифицированы действия, направленные на возбуждение ненависти или вражды к экстремистскому сообществу или экстремистской организации, что само по себе выглядит абсурдно. Испытывать чувства неприязни или вражды к лицам, совершающим аморальные или противоправные поступки, совершенно естественно для общества, а поэтому относить соответствующие действия к экстремистским не представляется целесообразным. В связи с неопределенностью в понимании социальной группы высшему судебному органу следует дать разъяснения относительно ее существенных признаков с указанием на обязательность правомерных целей данной группы [6, с. 38–40]. Так, С. В. Борисов считает, что к социальным группам, в плане рассматриваемого мо-

тива, не должны относиться «те, что придают группе асоциальный характер (например, принадлежность к тому или иному преступному объединению, экстремистской организации, наличие судимости и т. п.) [19, с. 6]. При ином подходе действия лиц, оказывающих противодействие незаконной деятельности таких групп, можно будет квалифицировать как преступное.

Так, С. был осужден за совершение преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 282 УК РФ, за действия, направленные на возбуждение ненависти и вражды, на унижение достоинства группы лиц по признаку отношения к религии, публично, с использованием информационно-телекоммуникационной сети «Интернет», после привлечения его к административной ответственности за аналогичное деяние в течение одного года. С. поместил в Интернете на общедоступных ресурсах десять высказываний, направленных на унижение достоинства группы лиц по признаку отношения к православной христианской религии, на возбуждение ненависти и вражды к этой группе лиц.

Обвинение основывалось на заключении эксперта по исследованию продуктов речевой деятельности, где в текстовых записях, начинающихся со слов «Каюсь <данные изъяты> ...», определена группа людей, выделенная по признаку отношения к религии (православные христиане). Дана негативная оценка этой группы, ее представителей, описаны их недостатки: негативные свойства и действия, представляющие группу неполноценной. Автор демонстрирует негативное, цинично неуважительное отношение к сакральным ценностям православных, выражает презрение и ненависть к православным. Высказывание, начинающееся со слов «<данные изъяты> ...», представлено в форме побудительного предложения, является информированием о крайне негативном отношении автора к православным верующим, которые достойны смерти, уничтожения. Суд делает вывод, что заключение эксперта по исследованию продуктов речевой деятельности научно обоснованно и надлежащим образом мотивировано, поэтому у суда нет оснований не соглашаться с ним.

Далее приводится заключение специалиста, который является кандидатом филологических наук, прошедшим профессиональную переподготовку по программе «Судебная лингвистическая экспертиза: аналитико-экспертная деятельность филолога-практика», имеющим многолетний научный лингвистический стаж и опыт проведения юрислингвистических исследований. Используя иную, чем эксперт, методику исследования материалов, он пришел к заключению о том, что в них служители Русской православной церкви (далее – РПЦ) именуются словами, которые относятся к некодифицированной (ненормативной) лексике. Используемые номинативные средства являются негативно-оценочными. Определенное словосочетание в неприличной форме негативно оценивает служителей РПЦ. Для характеристики Бога используется негативно-оценочная сниженная лексика. Использованы языковые обозначения, выражающие поругание, поношение, осквернение религиозных святынь, глумление над ними; в этих материалах в отношении других лиц по признаку отношения к православной христианской вере использованы:

- определенные слова и выражения, обозначающие антиобщественную, социально осуждаемую деятельность;
- определенные слова с ярко выраженной негативной окраской, составляющей основной смысл их употребления;
- определенная зоосемантическая метафора;
- определенные слова, содержащие в своем значении негативную экспрессивную оценку деятельности.

В этих материалах в отношении других лиц по признаку отношения к православной христианской вере содержатся:

- формирование и подкрепление негативного образа религии путем использования негативно-оценочных номинаций служителей РПЦ, православных верующих, объектов религиозного поклонения и почитания;
- перенос различного рода негативных характеристик и пороков отдельных представителей религиозной группы на всю группу;
- утверждение о полярной противоположности и несовместимости интересов служи-

телей РПЦ и честных, добропорядочных граждан России.

Суд посчитал, что приведенные выводы специалиста мотивированны, научно обоснованы, логичны, убедительны и согласованы с приведенными выводами эксперта. В целом совокупность вышеприведенных в приговоре согласующихся между собой принятых судом доказательств, которые суд оценивает как допустимые и достоверные, является достаточной для признания подсудимого виновным в изложенном деянии [9]. Если внимательно проанализировать текст приговора, то создается впечатление, что это приговор не гражданского суда, а церковного. Представленные заключения эксперта и специалиста являются слишком общими и оценочными, не обосновывают мотив возбуждения ненависти либо вражды к данной социальной группе. Эти действия можно рассматривать как выражение личного мнения подсудимого, не подразумевающего указанный мотив.

Вышеуказанные мотивы могут иметь отрицательный полюс и, следовательно, увеличивают общественную опасность деяния, а могут иметь и положительный полюс, когда лицо хотя и совершает противоправные действия в отношении потерпевшего именно по указанным мотивам. Но сами эти мотивы не только могут порицаться обществом, но и содержат в себе состав правонарушения или преступления. Например, потерпевший совершает действия, направленные на призывы к вооруженному мятежу (ст. 279 УК РФ), публичные призывы к осуществлению экстремистской деятельности (ст. 280 УК РФ), используя положения религиозных догм, идеологии нацизма и т. д. Лицо, пресекающее эти действия, фактически причиняет вред потерпевшему по мотиву политической, религиозной, идеологической ненависти, но содержание этих мотивов, является асоциальным, а действия потерпевшего – преступными.

В таком случае виновное лицо не должно освобождаться от уголовной ответственности, если оно не действовало при обстоятельствах, исключающих преступность деяния, за при-

чиненный вред. Но нельзя вменять и квалифицирующий признак по указанным мотивам. Ответственность должна наступать по основному составу, при отсутствии другихотягчающих обстоятельств. Если имели место побои, то должна наступать ответственность по нормам КоАП РФ, а не по ст. 116 УК РФ.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Анализируя проблему толкования оценочных понятий, можно прийти к выводу, что весьма сложно дать четкий легальный критерий отграничения положительного мотива от отрицательного при квалификации действий виновного по нормам, содержащим исследуемые мотивы. Эта задача в большей степени возлагается на правоприменителя,

который в ходе расследования уголовного дела и судебного рассмотрения должен определить содержание и юридическую значимость указанных мотивов в каждом конкретном случае.

Тем не менее, представляется целесообразным со стороны Пленума Верховного Суда РФ выработать примерные критерии разграничения мотивов политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды либо ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы по признаку положительной и/или отрицательной направленности применительно к социально значимым ценностям.

Список источников

1. Кашанина Т. В. Юридическая техника. 2-е изд., пересмотр. М. : Норма : ИНФРА-М, 2011. 496 с.
2. О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 28.06.2011 № 11 (ред. от 28.10.2021). Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
3. Мошенсон М. А. Криминалистическая классификация преступлений, совершенных группами несовершеннолетних на почве национальной и расовой ненависти // Уголовное право. 2012. № 1. С. 105–109.
4. О противодействии экстремистской деятельности : федеральный закон от 25.07.2002 № 114-ФЗ (последняя редакция) // СЗ РФ. 2002. № 30. Ст. 3031. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
5. Судебные и нормативные акты РФ. URL: <http://sudact.ru> (дата обращения: 10.10.2023).
6. Рьева Е. О., Вражнов А. С. Проблемы формулирования дефиниций в преступлениях экстремистской направленности // Российский следователь. 2019. № 4. С. 36–40.
7. Бурковская В. Новая редакция ст. 282 УК РФ возбуждение ненависти либо вражды а равно унижение человеческого достоинства: старые проблемы // Уголовное право. 2004. № 2. С. 12–14.
8. Бешукова З. М. Соотношение права на свободу выражения своего мнения с запретом на возбуждение вражды (по материалам Европейского Суда по правам человека) // Общество и право. 2010. № 1. С. 268–275.
9. Приговор Соломбальского районного суда г. Архангельска (Архангельская область) от 06.07.2020 № 1-156/2020 по делу № 1-156/2020. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/PrjgG8IqBqxc/?ysclid=lpas5o9s7i854574346> (дата обращения: 10.10.2023).

References

1. Kashanina T. V. Iuridicheskaja tekhnika. 2nd ed., rev. ed. Moscow: Norma: INFRA-M; 2011. 496 p. (In Russian).
2. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of June 28, 2011 No. 11 “On Court Practice of Criminal Cases on Extremism Crimes” (as amended on October 28, 2021). Accessed through Law assistance system “Consultant Plus”. (In Russian).
3. Moshenson M. A. The criminalistic classification of crimes committed by groups of juveniles on account of national and race hatred. *Ugolovnoe pravo*. 2012;(1):105–109. (In Russian).
4. Federal Law of July 25, 2002 No. 114-FZ “On Control of Extremism” (latest revision). Collection of legislation of the Russian Federation. 2002. No. 30. Art. 3031. Accessed through Law assistance system “Consultant Plus”. (In Russian).
5. Sudebnye i normativnye akty RF. URL: <http://sudact.ru> (accessed: 10.10.2023). (In Russian).
6. Rueva E. O., Vrazhnov A. S. Issues of formulation of definitions in extremist crimes. *Russian Investigator*. 2019;(4):36–40. (In Russian).
7. Burkovskaya V. Novaia redaktsiia st. 282 UK RF vzbuzhdenie nenavisti libo vrazhdy a ravno unizhenie chelovecheskogo dostoinstva: starye problemy. *Ugolovnoe pravo*. 2004;(2):12–14. (In Russian).
8. Beshukova Z. M. Sootnoshenie prava na svobodu vyrazheniia svoego mneniia s zapretom na vzbuzhdenie vrazhdy (po materialam Evropeiskogo Suda po pravam cheloveka). *Society and Law*. 2010;(1):268–275. (In Russian).
9. Judgment of the Solombalsky Regional Court of Arkhangelsk (Arkhangelsk Region) of July 6, 2020 No. 1-156/2020 on the case No. 1-156/2020. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/PrjgG8IqBqxc/?ysclid=lpas5o9s7i854574346>

10. Тенитилова В. В. Причины ошибок, возникающих в практике следственных и судебных органов, при квалификации убийства в процессе установления мотивационной сферы содеянного // Российский следователь. 2009. № 12. С. 11–12.
11. Хлебущкин А. Г. Постановление пленума Верховного Суда РФ «О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности» // Уголовное право. 2011. № 6. С. 54–60.
12. Приговор Скопинского районного суда (Рязанская область) от 09.08.2019 № 1-49/2019 по делу № 1-49/2019. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/mNyOyoEtirbp/?ysclid=lpatefw8zi582374991> (дата обращения: 29.09.2023).
13. Приговор Таганского районного суда (г. Москва) от 10.09.2015 № 1-243/2015 по делу № 1-243/2015. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/H6HGEHyMSyT/?ysclid=lpatgizap9815108330> (дата обращения: 10.10.2023).
14. Приговор Благовещенского городского суда (Амурская область) от 12.11.2020 № 1-1041/2020 по делу № 1-473/2020. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/1zpqweI8NQUL/?ysclid=lpabyvw8175766297> (дата обращения: 29.09.2023).
15. О внесении изменения в Федеральный закон «О противодействии экстремистской деятельности»: федеральный закон от 23.11.2015 № 314-ФЗ // СЗ РФ. 2015. № 48 (часть I). Ст. 6680. Доступ из СПС «Гарант».
16. Библия. М.: Российское Библейское Общество, 2002. 1330 с.
17. Приговор Нальчикского городского суда (Кабардино-Балкарская Республика) от 23.01.2019 № 1-146/2019 по делу № 1-146/2019. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/eZZmLO9VGoxa/?ysclid=lpat2unufx244063027> (дата обращения: 29.09.2023).
18. Социологическая энциклопедия – социальная группа. URL: <https://tinyurl.com/jecxka44> (дата обращения: 17.09.2023).
19. Борисов С. В. Проблемы определения содержания и соотношения мотивов при квалификации преступлений экстремистской направленности // Уголовное право. 2013. № 6. С. 4–9.
10. Tenitilova V. V. Causes of mistakes arising in practice of investigative and judicial agencies in qualification of a murder in the procedure of determination of motivational sphere of an action. *Russian Investigator*. 2009;(12):11–12. (In Russian).
11. Khlebushkin A. G. Postanovlenie plenuma Verkhovnogo Suda RF “O sudebnoi praktike po ugodovnym delam o prestupleniiakh ekstremistskoi napravlenosti”. *Ugodovnoe pravo*. 2011;(6):54–60. (In Russian).
12. Resolution of the Skopinsky Regional Court (Ryazan Region) of August 9, 2019 No. 1-49/2019 on the case No. 1-49/2019. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/mNyOyoEtirbp/?ysclid=lpatefw8zi582374991> (accessed: 29.09.2023). (In Russian).
13. Judgment of the Tagansky Regional Court (Moscow) of September 10, 2015 No. 1-243/2015 on the case No. 1-243/2015. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/H6HGEHyMSyT/?ysclid=lpatgizap9815108330> (accessed: 10.10.2023). (In Russian).
14. Judgment of the Blagoveshchensk City Court (Amur Region) of October 12, 2020 No. 1-1041/2020 on the case No. 1-473/2020. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/1zpqweI8NQUL/?ysclid=lpabyvw8175766297> (accessed: 29.09.2023). (In Russian).
15. Federal Law of November 23, 2015 No. 314-FZ “On Amendments to the Federal Law “On Control of Extremism””. Collection of legislation of the Russian Federation. 2015. No. 48 (Pt. I). Art. 6680. Accessed through Law assistance system “Garant”. (In Russian).
16. Bible. Moscow: Russian Bible Society; 2002. 1330 p. (In Russian).
17. Judgment of the Nalchik City Court (Kabardino-Balkarian Republic) of January 23, 2019 No. 1-146/2019 1-999/2018 on the case No. 1-146/2019. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/eZZmLO9VGoxa/?ysclid=lpat2unufx244063027> (accessed: 29.09.2023). (In Russian).
18. Sotsiologicheskaya entsiklopediya – sotsialnaya grupa URL: <https://tinyurl.com/jecxka44> (accessed: 17.09.2023). (In Russian).
19. Borisov S. V. The problems of identification of content and correlation of motives in the course of classification of extremist crimes. *Ugodovnoe pravo*. 2013;(6):4–9. (In Russian).

Информация об авторе

Ю. А. Власов – кандидат юридических наук, доцент.

Information about the author

Yu. A. Vlasov – Candidate of Sciences (Law), Docent.

Научная статья

УДК 343.359.2

DOI 10.35266/2949-3455-2023-4-11

ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ О ПРИЗНАКАХ ПРЕСТУПЛЕНИЯ В РЕШЕНИИ ПО ИТОГАМ НАЛОГОВОЙ ПРОВЕРКИ

Дмитрий Александрович Кириллов

Тюменский государственный университет, Тюмень, Россия

kdakda@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1550-1962>

Аннотация. Статья посвящена исследованию правовой новеллы, согласно которой с 2023 года при обнаружении в ходе налоговой проверки признаков налогового преступления в итоговом решении проверяемое лицо предупреждается о направлении материалов в следственные органы для возбуждения уголовного дела в случае неуплаты суммы выявленной проверкой недоимки. Предмет исследования – правовые нормы абзаца 5 пункта 8 статьи 101 Налогового кодекса Российской Федерации. Цель исследования – изучить содержание новеллы и ее место в системе налогового права. Задачи исследования: установить правовой смысл новеллы; обосновать применительно к реализации новеллы целесообразность учета отраслевых особенностей вины, отражения результатов новеллы в акте налоговой проверки, определения круга лиц, чьи интересы могут быть затронуты. Методологическая основа исследования – диалектика. Основные методы: сравнительно-правовой анализ, историко-правовой анализ, контент-анализ текста. В ходе исследования выявлено создающее препятствие к реализации новеллы ее несоответствие положениям статей 32 и 69 Налогового кодекса; обоснована важность учета при реализации новеллы прав широкого круга лиц и содержания пункта 14 статьи 101 Налогового кодекса, различий в регулировании вины статьями 110 Налогового кодекса и статьями 24–26 Уголовного кодекса; указаны уточняющие признаки основания освобождения от уголовной ответственности, предложен примерный алгоритм верификации результатов проверки для установления признаков налогового преступления. Исследование является новым, его особенность заключается в системном подходе к изучению предмета.

Ключевые слова: налоговая проверка, налоговое преступление, решение о привлечении к ответственности, легкомыслие, неосторожность, умысел

Для цитирования: Кириллов Д. А. Предупреждение о признаках преступления в решении по итогам налоговой проверки // Вестник Сургутского государственного университета. 2023. Т. 11, № 4. С. 110–115. DOI 10.35266/2949-3455-2023-4-11.

Original article

NOTICE ON CRIME EVIDENCE IN TAX AUDIT'S DECISION

Dmitry A. Kirillov

University of Tyumen, Tyumen, Russia

kdakda@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1550-1962>

Abstract. The article is devoted to studying the new law. Since 2023, if an individual subjected to a tax audit has committed a tax crime, such individual is to be notified via the final decision on the institution of a criminal case, based on the case files provided, by the investigating authorities should the individual fail to pay for his tax arrears. The subject of the study is the legal regulations stated in Article 101, Item 8, Paragraph 5 of the Tax Code of the Russian Federation. The article aims to study the new law's content and its place in the tax law system. The objectives of the study include determining the new law's legal content, justifying the value of guilt based on industry nature, as well as the incorporation of the new law's findings into a tax audit report, and the establishment of the general public whose interests might be involved in relation to

the new law implementation. The methodological basis of the study is dialectics. The main research methods used include a comparative and legal analysis, a historical and legal analysis, and an analysis of the text's content. In the course of the study, it was determined that the new law does not comply with the provisions of Articles 32 and 69 of the Tax Code, which creates challenges in its implementation. Moreover, the importance of considering the general public rights and the content of Article 101, Item 14 of the Tax Code and the differences in regulating guilt between Article 110 of the Tax Code and Articles 24–26 of the Criminal Code is substantiated. At last, the author specifies grounds for release from criminal liability and proposes an approximate algorithm for verifying tax audit results in order to determine tax crime evidence. The study is novel and unique as it uses a systemic approach for studying the object.

Keywords: tax audit, tax crime, decision to impose liability, levity, carelessness, intent

For citation: Kirillov D. A. Notice on crime evidence in tax audit's decision. *Surgut State University Journal*. 2023;11(4):110–115. DOI 10.35266/2949-3455-2023-4-11.

ВВЕДЕНИЕ

Федеральным законом от 14.07.2022 № 263-ФЗ (далее – ФЗ-263) пункт 8 статьи 101 Налогового кодекса РФ (далее – НК) дополнен абзацем 5 (далее – Абзац), согласно которому налоговым органам предписано в решении по результатам налоговой проверки предупреждать налогоплательщика (далее – Лицо) о факте и последствиях наличия в установленном налоговом правонарушении признаков налогового преступления [1, с. 36]. В соответствии с Уголовным кодексом РФ (далее – УК), налоговые преступления характеризуются виной в форме умысла. В связи с этим актуальными представляются две проблемы: несоответствие Абзаца другим положениям НК, наличие существенных различий в регламентации вины налоговым и уголовным правом. Интересна ситуация также и тем, что в статью 140 Уголовно-процессуального кодекса РФ (далее – УПК) спустя восемь лет после изъятия возвращено правило, согласно которому единственным поводом к возбуждению уголовных дел по налоговым преступлениям является **только** представление с этой целью налоговыми органами в следственные материалы налоговых проверок, включая решения, вынесенные по итогам проверок [2].

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ

Объектом исследования выступили отношения в связи с предупреждением налогоплательщика в решении, вынесенном по итогам налоговой проверки, об обязанности налогового органа в связи с обнаружением в правонарушении признаков налогового преступления направить материалы для воз-

буждения уголовного дела в случае неуплаты налогоплательщиком недоимки, выявленной в ходе налоговой проверки. Предметом исследования явились правовые нормы, соответствующие тексту Абзаца, их взаимосвязь с другими нормами налогового права, некоторые аспекты реализации положений Абзаца с учетом прав круга заинтересованных лиц и различий в подходах к регулированию вопросов вины в налоговом и уголовном праве. Цель исследования – изучить место Абзаца в системе налогового права. Задачи исследования: рассмотреть соотношение Абзаца с иными положениями налогового права; исследовать круг лиц, чьи интересы затрагиваются в ходе реализации Абзаца; предложить способ отражения Абзаца в акте налоговой проверки; учесть при реализации Абзаца отраслевые особенности вины. В ходе исследования проводилось сравнение Абзаца с положениями статей 32 и 69 НК; рассматривалась возможность реализации положений Абзаца с учетом прав и интересов различных субъектов, содержания пункта 14 статьи 101 НК, различий в регулировании вопросов вины статьей 110 НК и статьями 24–26 УК. Предложен примерный алгоритм верификации результатов проверки перед предупреждением заинтересованных лиц о наличии в правонарушении признаков налогового преступления.

В ходе подготовки статьи использованы работы таких исследователей, как А. В. Брызгалин, А. С. Власова, О. И. Долгополов, Г. А. Есаков, В. М. Затева, Е. А. Колосова, А. А. Мусаткина и ряда других.

РЕЗУЛЬТАТЫ И ИХ ОБСУЖДЕНИЕ**О прямых противоречиях между Абзацем и другими положениями НК**

Абзац содержит два положения, прямо противоречащих положениям статей 32 и 69 НК. В связи с этим целесообразны следующие пояснения.

До внесения ФЗ-263 изменений в НК имелось противоречие между текстами абзаца 3 пункта 4 статьи 69 и пункта 3 статьи 32 НК в редакции Федерального закона от 28.12.2010 № 404-ФЗ. Так, согласно статье 69 НК, Лицо предупреждалось в требовании об уплате налога, сбора, страховых взносов, о возможности направления материалов налоговым органом в следственные для возбуждения уголовного дела (далее – «направление материалов») при наличии любого решения, вынесенного по итогам рассмотрения материалов налоговой проверки в порядке статьи 101 НК. Это могло быть как решение о привлечении к ответственности за совершение налогового правонарушения (далее – «решение о привлечении»), так и решение об отказе в привлечении к ответственности за совершение налогового правонарушения (далее – «решение об отказе»). Основанием же для фактического «направления материалов», согласно статье 32 НК, было только «решение о привлечении» [3]. С 2023 г. указанное противоречие законодательно преодолено. Теперь единственным видом решения, выступающим основанием и для предупреждения Лица в требовании об уплате задолженности (далее – «требование»), о возможности «направления материалов», согласно статье 69 НК, и для фактического «направления материалов», согласно статье 32 НК, является «решение о привлечении».

Первый аспект прямой противоречивости Абзаца состоит в том, что, согласно Абзацу, предупреждение Лица об обязанности налогового органа «направить материалы» (далее – «предупреждение Лица») производится не только в «решении о привлечении», как это должно быть, исходя из статей 32 и 69 НК, но и в «решении об отказе». Как представляется, возложение на налоговый орган обязанности по «предупреждению Лица» в «ре-

шении об отказе» в определенной степени нелогично, поскольку «решение об отказе» не может являться основанием как для «предупреждения Лица» в «требовании», так и собственно «направления материалов». Вряд ли следует исключать, что отдельные налоговые органы могут усмотреть в Абзаце обязанность не только «предупреждать Лицо» в «решении об отказе», но и после этого «направлять материалы», что является нарушением прав налогоплательщиков. Уже только в силу этого, очевидно, указание на «решение об отказе» из текста Абзаца следует исключить.

Второй аспект прямой противоречивости Абзаца заключается в том, что в нем по сравнению со статьями 32, 69 НК указаны разные необходимые условия для «направления материалов». Согласно Абзацу, это неуплата лишь суммы недоимки, а согласно пункту 3 статьи 32 и пункту 2 статьи 69 НК, неуплата как суммы недоимки, так и сверх последней еще и соответствующих пеней, штрафов. В данной части текст Абзаца представляется для Лица позитивным. Так, Лицу предоставлено право исключить уголовное преследование путем уплаты только суммы недоимки, а не гораздо большей суммы, складывающейся из недоимки, пеней и штрафов, как это следует из пункта 3 статьи 32 НК.

В охарактеризованной конкуренции Абзаца и положений статей 32, 69 НК налицо пример предусмотренной пунктом 7 статьи 3 НК и решаемой в пользу Лица «неясности» с выводом о достаточности уплаты недоимки для исключения уголовных правоотношений. Но традиции реализации принципа, отраженного в пункте 7 статьи 3 НК [4, с. 183], могут не позволить до особых разъяснений ожидать разрешения данной «неясности» в пользу Лица.

О субъектах, права которых затрагиваются положениями Абзаца

Представляется, если установленные налоговой проверкой и закрепленные в «решении о привлечении» фактические обстоятельства объективно указывают на наличие признаков налогового преступления, то «предупреждение Лица» не затрагивает интересов иных субъектов лишь тогда, когда Лицом является

гражданин. Между тем даже по результатам проверки гражданина обстоятельства могут указывать на признаки налогового преступления в поведении иных граждан. В отношении же организации «предупреждение Лица» в большей степени затрагивает интересы не самого Лица, а людей, занимавших в ней в охваченный проверкой и, возможно, более широкий период времени руководящие должности [5].

Из систематического толкования законодательства представляется необходимым нормативно распространить «предупреждение Лица» также и на граждан, в деяниях которых на основании материалов проверки усматриваются признаки налогового преступления, поскольку подобным предупреждением права таких граждан затрагиваются. Граждане к тому же получают возможность исключить уголовное преследование, уплатив «за Лицо» сумму недоимки в порядке абзаца 3 пункта 1 статьи 45 НК [6, с. 8].

Отражение информации о налоговых преступлениях в акте проверки

В случае ошибки налогового органа «предупреждение Лица» нарушало бы права Лица самим фактом указания на признаки преступления, которого на самом деле не было. Отмена в подобных случаях «решения о привлечении» по итогам обжалования создает условия для обращения в суды как Лица, так и иных субъектов с исками о защите неимущественных прав. В связи с этим целесообразно, чтобы «предупреждение Лица» до рассмотрения материалов проверки отражалось в одном из документов, вручаемых Лицу. Более того, отсутствие подобного отражения создает предпосылки к применению такого основания для отмены «решения о привлечении», как необеспечение Лицу возможности представить объяснения (абзац 2 пункта 14 статьи 101 НК).

Видится уместным, чтобы «предупреждение Лица» находило отражение либо в акте проверки, либо в дополнении к акту по итогам проведения дополнительных мероприятий налогового контроля. Сегодня включение в такие документы мнения проверяющих о предпосылках реализации положений Абзаца без специального указания в статьях 100

или 101 НК следует трактовать как нарушение пункта 3 статьи 100, либо пункта 6 статьи 101 НК о содержании этих документов. Обоснованным представляется внесение в статью 100 или 101 НК РФ положения о том, что в акте налоговой проверки (дополнении к акту после проведения дополнительных мероприятий) должно содержаться суждение проверяющих о наличии (отсутствии) в нарушении налогового законодательства признаков налогового преступления. При указании на наличие таких признаков, выписка из акта (дополнения к акту) должна вручаться не только Лицу, но и всем заинтересованным субъектам с предоставлением прав на представление возражений и участие в рассмотрении материалов проверки.

Об учете соотношения вины в налоговом и уголовном праве

В УК для налоговых преступлений установлена вина в форме умысла. Учитывая, что согласно пункту 1.3 статьи 140 УПК, только «направляемые материалы» являются поводом к возбуждению уголовного дела по налоговым преступлениям, налоговые органы должны, как представляется, устанавливать в отношении налоговых правонарушений как налогово-правовую умышленную вину (пункт 2 статьи 110 НК), так и умысел в уголовно-правовом смысле (статья 25 УК). Такое «двойное» установление умысла необходимо в связи с тем, что правовое регулирование вины в уголовном праве и в налоговом праве различается [7, с. 185–187].

Вина входит в состав налогового правонарушения, который включен в предмет доказывания (подпункт 2 пункта 5 статьи 101 НК). С точки зрения вины в налоговом праве налоговому органу следует разделять выявляемые проверкой налоговые правонарушения на две группы: с умышленной виной и с неосторожной виной. Дальнейшее доказывание обстоятельств, указанных в Абзаце, целесообразно осуществлять примерно по следующему алгоритму:

1. От общей суммы недоимки следует обособить часть недоимки, возникновение которой характеризуется совершением налоговых правонарушений с умышленной виной (пункт 2 статьи 110 НК).

2. Провести оценку обособленной части недоимки с разбивкой по лицам, в деяниях которых возможно усмотрение признаков налогового преступления.

3. Если суммы обособленной части недоимки недостаточно для предположения о наличии в нарушении законодательства Лицом или хотя бы одним связанным с Лицом гражданином признаков преступления, то основания для применения Абзаца отсутствуют.

4. При «достаточности» обособленной части недоимки для покрытия сумм, указанных в составах налоговых преступлений применительно к Лицу либо связанным с Лицом конкретным гражданам, необходимо оценить образующие данную часть недоимки налоговые правонарушения с точки зрения умышленной вины в уголовном праве.

Проблема заключается в том, что виды и описание умысла в налоговом и уголовном праве в целом логически совпадают, а неосторожности существенно различаются [8, с. 40]. Так, в уголовном праве легкомыслие – это вид неосторожности, а в налоговом праве легкомыслия вообще нет ни в умысле, ни в неосторожности. Но в силу некоторой схожести описания интеллектуальных моментов легкомыслия и умысла налоговой практикой осознание противоправности содеянного с самонадеянным расчетом на предотвращение последствий нередко воспринимается как умысел [7, с. 186], что незаконно. Для применения положений Абзаца необходимо выяснить, какие из налоговых правонарушений с установленным «налогово-правовым» умыслом являются неосторожными с точки зрения уголовного права.

5. Исключив из предварительно приписываемых конкретному гражданину умышлен-

ных налоговых правонарушений те деяния, которые характеризуются уголовно-правовой неосторожностью, следует применительно к конкретному гражданину установить скорректированную сумму недоимки, соответствующую только деяниям с умыслом в уголовно-правовом смысле.

6. При достаточности скорректированной суммы недоимки для уголовного преследования в части, как минимум, одного гражданина, появляются основания для применения текста Абзаца.

Без применения подобного алгоритма велик риск усмотреть признаки преступления в неосторожном деянии. В качестве последствий возможны иски заинтересованных лиц в связи с незаконным применением Абзаца.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

По итогам изучения Абзаца представляется логичным ожидать внесения изменений в законодательство, устраняющих противоречия Абзаца с пунктом 3 статьи 32 НК, а также в статьях 100 и 101 НК. При этом, правильным представляется не менять текст Абзаца в части предоставления возможности избежать уголовных правоотношений путем уплаты только суммы недоимки.

В связи с возложением в Абзаце на налоговые органы функции оценки наличия признаков налоговых преступлений в поведении нарушителей, представляется уместным не только использование алгоритма применения смежных положений о вине в уголовном праве, но и изучение в будущем возможностей межотраслевой синхронизации положений о вине в праве в целом.

Список источников

1. Брызгалин А. В., Федорова О. С., Королева М. В. Основные изменения в Налоговом кодексе в 2023 году // Налоги и финансовое право. 2023. № 1. С. 12–92.
2. Есаков Г. А. Налоговые преступления: тонкая настройка ответственности в 2022 году и на перспективу // Закон. 2022. № 11. С. 38–47.
3. Долгополов О. И. Выездная налоговая проверка (законодательство, особенности, судебная практика). 2013. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

References

1. Bryzgalin A. V., Fedorova O. S., Koroleva M. V. Osnovnye izmeneniia v Nalogovom kodekse v 2023 godu. *Nalogi i finansovoe pravo*. 2023;(1):12–92. (In Russian).
2. Esakov G. A. Nalogovye prestupleniia: tonkaia nastroiika otvetstvennosti v 2022 godu i na perspektivu. *Zakon*. 2022;(11):38–47. (In Russian).
3. Dolgoplov O. I. Vyezdnaia nalogovaia proverka (zakonodatelstvo, osobennosti, sudebnaia praktika). 2013. Accessed through Law assistance system “Consultant Plus”. (In Russian).

4. Кириллов Д. А. Притворные правовые явления в системе принципов административного процесса // Сибирское юридическое обозрение. 2021. Т. 18, № 2. С. 175–191. DOI 10.19073/2658-7602-2021-18-2-175-191.
5. Власова А. С., Лошкарёва М. Е., Удалова Н. М. Юридическое лицо и его ответственность: от фикции к реальному субъекту правоотношений // Закон. 2018. № 4. С. 120–134.
6. Гараев И. Г. Особенности расчетных правоотношений в налоговом праве // Налоги. 2022. № 2. С. 6–9.
7. Затева В. М., Колосова Е. А. О разграничении форм вины за неисполнение обязанности по уплате налога в уголовном, административном и налоговом праве России // Law Afterknown: право за гранью обыденного : материалы II Международного молодежного юридического форума, 18–21 мая 2023 г., г. Тюмень. Тюмень : ТюмГУ-Press, 2023. С. 183–188.
8. Мусаткина А. А. К вопросу о понятии вины и ее формах по Налоговому кодексу Российской Федерации // Финансовое право. 2013. № 8. С. 39–42.
4. Kirillov D. A. Simulated legal phenomena in the system of principles of the administrative process. *Siberian Law Review*. 2021;18(2):175–191. DOI 10.19073/2658-7602-2021-18-2-175-191. (In Russian).
5. Vlasova A. S., Loshkareva M. E., Udalova N. M. Iuridicheskoe litso i ego otvetstvennost: ot fiktsii k realnomu subektu pravootnoshenii. *Zakon*. 2018;(4):120–134. (In Russian).
6. Garaev I. G. Peculiarities of settlement relations in tax law. *Taxes*. 2022;(2):6–9. (In Russian).
7. Zateeva V. M., Kolosova E. A. On the distinction of forms of guilt for failure to pay tax in criminal, administrative and tax law in Russia. In: *Proceedings of the II International Youth Law Forum “Law Afterknown: pravo za graniu obydenного”*, May 18–21, 2023, Tyumen. Tyumen: TiumGU-Press; 2023. p. 183–188. (In Russian).
8. Musatkina A. A. On the notion of guilt and forms of Tax vomu RF code. *Finansovoe pravo*. 2013;(8):39–42. (In Russian).

Информация об авторе

Д. А. Кириллов – кандидат юридических наук, доцент.

Information about the author

D. A. Kirillov – Candidate of Sciences (Law), Docent.

Научная статья
УДК 343.914: 331.103
DOI 10.35266/2949-3455-2023-4-12

ОСОБЕННОСТИ ОРГАНИЗАЦИИ ТРУДА ЖЕНЩИН, ОСУЖДЕННЫХ К ЛИШЕНИЮ СВОБОДЫ

Лилианна Юрьевна Перемолотова^{1✉}, Ирина Михайловна Черноярлова²

^{1,2} Академия права и управления Федеральной службы исполнения наказаний, Рязань, Россия

¹ lady.peremolotova@yandex.ru ✉, <https://orcid.org/0009-0005-5317-9731>

² mailche95@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0008-4534-1251>

Аннотация. Целью статьи является изучение вопроса основных организационных проблем трудовой занятости осужденных женщин, отбывающих наказание в местах лишения свободы, так как формирование у осужденных уважительного отношения к труду является важным фактором в их социальной адаптации. Основные задачи в рамках научной статьи: рассмотрение вопроса мотивации осужденных к труду; выделение основных проблем трудоустройства женщин, осужденных к лишению свободы; изучение зарубежного опыта организации труда осужденных на примере ряда государств.

В качестве методов научных исследований использовались методы эмпирического (сравнительный анализ) и теоретического исследования (анализ и синтез, индукция и дедукция).

В результате исследования авторы предлагают пути решения выявленных проблем, связанных с организацией труда осужденных женщин: расширение перечня профессий, в том числе и творческих, которые могут быть освоены осужденными женщинами, при этом быть востребованными и перспективными в настоящее время на рынке труда. Труд для осужденных женщин позволяет не только улучшить условия своего пребывания в местах лишения свободы, ресоциализировать осужденных, но и позволяет повысить свои личные и профессиональные качества, которые дают возможность самостоятельно заработать денежные средства.

Ключевые слова: осужденные женщины, труд осужденных, ресоциализация, социальная адаптация, исправление, мотивация

Для цитирования: Перемолотова Л. Ю., Черноярлова И. М. Особенности организации труда женщин, осужденных к лишению свободы // Вестник Сургутского государственного университета. 2023. Т. 11, № 4. С. 116–121. DOI 10.35266/2949-3455-2023-4-12.

Original article

FEATURES OF IMPRISONED WOMEN LABOR MANAGEMENT

Lilianna Yu. Peremolotova^{1✉}, Irina M. Chernoyarova²

^{1,2} The Academy of the FPS of Russia, Ryazan, Russia

¹ lady.peremolotova@yandex.ru ✉, <https://orcid.org/0009-0005-5317-9731>

² mailche95@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0008-4534-1251>

Abstract. The study aims to examine the main issues in managing the employment of convicted women serving sentences in places of confinement, as promoting respect for labor among convicts is an important factor in their social adaptation. The main objectives of the article include examining the issue of convicts' motivation to work, emphasizing the main issues of employment for women sentenced to imprisonment, and studying foreign practices in managing convicts labor, with several states as examples.

Methods of empirical (comparative analysis) and theoretical research (analysis and synthesis, induction and deduction) are used as scientific research methods.

As a result of the study, the authors propose solutions to the identified problems in managing labor of convicted women, such as expanding the list of professions, including creative activities, that can be mastered by convicted women, while being in demand and promising in the labor market at present. Labor for convicted women allows for both the improvement of their confinement conditions, resocialization of convicts and mastery of their personal and professional qualities, which make it possible to earn money on their own.

Keywords: convicted women, convict labor, resocialization, social adaptation, correction, motivation

For citation: Peremolotova L. Yu., Chernoyarova I. M. Features of imprisoned women labor management. *Surgut State University Journal*. 2023;11(4):116–121. DOI 10.35266/2949-3455-2023-4-12.

ВВЕДЕНИЕ

Концепция развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2030 г. ориентирует на исправление осужденных в контексте их ресоциализации. Роль уголовно-исполнительной системы в российском государстве достаточно высока, в том числе потому что ее функционирование носит предупредительный и профилактический характер, ведет к снижению рецидива преступлений благодаря ресоциализации и социальной адаптации осужденных к лишению свободы.

Ресоциализация напрямую способствует исправлению осужденных. Согласно ст. 9 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации, исправление осужденных – это формирование уважительного отношения к человечеству, обществу, труду, нормам и традициям человеческого общежития и стимулирование правопослушного поведения [1]. Одним из немаловажных средств исправления осужденных, в том числе женщин, является труд.

Как писал выдающийся педагог К. Д. Ушинский, «воспитание гражданина в труде и через труд определяет его нравственный подход в жизни: жизнь без труда – жизнь паразитическая, лишаящая человека элементарного достоинства». Труд осужденных женщин в исправительных учреждениях играет значительную роль как для личности осужденной, так и для всего общества, государства в целом. Трудовая деятельность способствует не только воспитанию осужденных женщин, но и решению некоторых экономических проблем государства, способствует возмещению ущерба, причиненного преступлением, а также покрытию расходов государства на содержание осужденных.

Несмотря на то, что ст. 37 Конституции Российской Федерации декларирует, что труд свободен, а принудительный труд запрещен [2], для осужденных труд из права превращается в обязанность в силу приобретения специального статуса гражданина в обществе – осужденного.

Отметим, что в советской и современной юридической литературе сложились разные точки зрения относительно понимания сущности труда осужденных. С точки зрения А. А. Раськевича [3, с. 80], Д. А. Шаповаловой [4, с. 627], Д. В. Хильмана [5, с. 38], труд осужденных к лишению свободы является принудительным, ведь главной его целью становится наказание виновного лица. Несомненно, труд осужденных никоим образом не может быть сопоставлен с трудом свободных граждан.

Другая точка зрения у авторов, которые утверждают, что труд осужденных является неким обязательством и необходимостью, но принудительным его не считают. Так, А. Б. Смирнов [6, с. 26], Е. А. Марина [7, с. 32] полагают, что он ограничен рядом нормативно-правовых актов (например, Правилами внутреннего распорядка исправительных учреждений).

И лишь некоторая часть исследователей, например, А. В. Губенко [8, с. 48], утверждает, что труд является правом, а не обязанностью, т. к. Уголовный кодекс Российской Федерации не содержит нормы, определяющие наказание в виде лишения свободы на определенный срок с обязательным привлечением к труду, а значит, труд является свободным. Но данный подход не получил большого распространения.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ

Изучение рассматриваемой проблемы потребовало применение таких методов, как сравнительный анализ, синтез, индукция, дедукция, наблюдение, логический метод. Проведен анализ нормативно-правовой базы, рассмотрены мнения и позиции ученых и научных деятелей, а также анализ собственного эмпирического опыта, изучен опыт зарубежных стран.

РЕЗУЛЬТАТЫ И ИХ ОБСУЖДЕНИЕ

По нашему мнению, в местах лишения свободы труд для осужденных женщин является определенным принуждением. Ведь большинство из них до осуждения привыкли вести праздный или аморальный образ жизни: употреблять спиртные напитки/наркотические вещества, вести беспорядочную половую жизнь, заниматься бродяжничеством, не работать и не обучаться, а также не осуществлять родительских функций по воспитанию своих детей. Только попав в исправительные учреждения, осужденные женщины вспоминают о своих родственных связях (детях), начинают задумываться о состоянии своего здоровья, восстанавливать свои документы, которые давно утеряны, т. е. начинают заботиться о себе, при этом не всегда исполняют свои обязанности, в том числе обязанность трудиться. Труд выступает одной из обязанностей осужденных, а трудоустройство осужденных женщин напрямую зависит от наличия у них профессии, стремления к трудовой деятельности, наличия вакансий, соответствующего состояния здоровья.

К сожалению, список профессий, которые могут быть освоены осужденными женщинами в исправительных учреждениях, незначителен, т. к. Правила внутреннего распорядка исправительных учреждений накладывают ряд ограничений на процесс трудовой деятельности осужденных.

Так, в соответствии с данными Правилами запрещается:

- ремонтировать и обслуживать технические средства охраны и надзора, а также инженерные сооружения, конструкции, коммуникации, находящиеся в запретной зоне;
- работать с множительной, радиотелеграфной, телефонной, факсимильной техникой,

связанной с учетом, хранением и выдачей медикаментов, взрывчатых, отравляющих, ядовитых веществ;

- осуществлять деятельность с подчинением им представителей администрации исправительного учреждения;

- работать в качестве водителей оперативных машин;

- трудиться в качестве продавцов, бухгалтеров-операционистов, кассиров, кладовщиков, заведующих продовольственными и вещевыми складами, а также складами со сложным и дорогостоящим оборудованием;

- работать в качестве сторожей в ночное время на удаленных объектах (для колоний-поселений) [9].

Таким образом, в основном осужденные женщины трудятся швеями-мотористками, поварами, уборщицами помещений, фасовщицами и грузчиками в производственных цехах, подсобными рабочими, а также в составе строительных бригад.

Исходя из объективной реальности, администрация исправительного учреждения в первую очередь старается трудоустроить тех осужденных женщин, у которых имеются исполнительные листы. Но часто бывает, что женщины не желают погашать их, принимая все попытки уклониться от возмещения денежных средств, и соответственно от работы в целом. В таких случаях осужденные женщины нередко бракуют изделия своего труда, симулируют болезни, конфликтуют с мастерами и бригадирами цехов, отказываются от работы, создавая различные причины для увольнения либо отстранения от работы. Теряя место работы и не имея заработной платы, они становятся склонными к различным нарушениям правил внутреннего распорядка исправительного учреждения, мелкому воровству (продуктов питания, средств личной гигиены у других осужденных), т. к. своих денежных средств они зачастую не имеют. Они позволяют себе сон в неположенное время, нарушение формы одежды, грубость и агрессию по отношению к персоналу исправительного учреждения и другим осужденным. Подобное поведение осужденных женщин дестабилизирует взаимоотношения осужденных и персонала, обстановку исправительного учреждения в целом.

Стоит сказать, что в силу специфики спецконтингента и их привычки вести асоциальный образ жизни большинство осужденных женщин не заинтересованы в трудовой деятельности и ее результатах, многие соглашаются на это лишь из-за страха наказания. На практике встречаются ситуации, когда осужденные женщины стремятся работать, хотя трудоустроить их не представляется возможным в силу ограниченности вакантных мест. Также стоит отметить, что часть осужденных женщин в исправительных учреждениях имеют довольно высокую мотивацию к трудовой деятельности. По нашему мнению, в качестве такой мотивации выступают возможности условно-досрочного освобождения; перевод из обычных в облегченные условия отбывания наказания; перевод из колонии общего режима в колонию-поселение, где возрастает вероятность получить условно-досрочное освобождение; получение заработной платы; получение поощрения (например, в виде благодарности или дополнительного краткосрочного или длительного свидания); смена обстановки, общение; получение профессии, усовершенствование имеющихся трудовых и профессиональных навыков и т. д. Целесообразно обратить внимание на опыт зарубежных стран в сфере организации трудовой занятости осужденных женщин, которой отводится значительная роль в процессе исправления и ресоциализации осужденных.

Так, в Японии труд осужденных является обязательным, осужденные в процессе трудовой деятельности восполняют тюремные расходы в большем объеме, по сравнению с другими странами, а также частично получают денежное вознаграждение при освобождении из мест лишения свободы.

В Китае осужденные занимаются трудовой деятельностью по 12 часов в день, при этом заработная плата им не начисляется, т. к. они обеспечиваются всем необходимым (одеждой, питанием, средствами личной гигиены, услугами). Прибыль от трудовой деятельности осужденных идет на развитие исправительных учреждений, а также образовательный процесс, организуемый в пениitenciарных учреждениях.

Во Франции после отмены в 1983 г. принудительного труда осужденные сами изъявляют желание трудиться, что дает им возможность находиться длительное время вне своих камер и зарабатывать денежные средства, а также распоряжаться ими по своему усмотрению.

В ФРГ уголовно-исполнительные учреждения организуют занятость осужденных в автомастерских, швейных предприятиях, на сельскохозяйственных работах, слесарных и столярных производствах. Кроме того, осужденные привлекаются к вспомогательному обслуживанию собственных нужд пениitenciарного учреждения. Труд осужденных рассматривается не как средство исправления, а как составляющая часть социально-педагогической работы с осужденными. В обязательном порядке представители администрации исправительного учреждения учитывают квалификацию осужденных, что способствует их дальнейшему трудоустройству вне учреждения. Как правило, работу для осужденных предоставляют предприниматели, отбор осужденных для выполнения производственных работ ведется администрацией исправительного учреждения. Осужденные, которым устанавливается менее строгий режим содержания, могут заключать трудовые договоры на работу вне исполнительного учреждения, поэтому на их труд распространяет свое действие исключительно трудовое законодательство. Часть денежных средств накапливается и выдается уже при освобождении осужденных [10].

В Швеции труд входит в комплекс реабилитационных мероприятий осужденных, осуществляется в соответствии с заказами на изготовление тех или иных работ. Трудовой процесс осужденных организуют инженеры управления исправительных учреждений, которые и принимают заказы [11, с. 21].

Обращение к опыту организации трудовой занятости осужденных в зарубежных странах полезно, но важнее выявлять и устранять проблемы, которые стоят перед российским государством в рамках регулирования труда осужденных, отбывающих наказание в местах лишения свободы, в том числе женщин.

Одной из таковых проблем является создание новых рабочих мест в исправительных учреждениях. В настоящее время в силу лимита вакантных мест на производственных участках не всем желающим осужденным женщинам предоставляются рабочие места, они лишаются возможности приобрести конкретные профессиональные навыки, заработать денежные средства, необходимые для приобретения товаров первой необходимости или для оказания материальной помощи родным и близким (прежде всего детям или родителям, находящимся на свободе). Для решения данной проблемы следует более активно привлекать предпринимателей, которые могли бы выступить в качестве работодателей. В случае добросовестного выполнения работы осужденными женщинами на протяжении всего срока отбывания наказания они могли бы иметь возможность продолжить трудиться у этих работодателей уже после освобождения или получить рекомендации в целях дальнейшего трудоустройства.

Проблемным вопросом является не только ограниченное количество рабочих мест, но и незначительный перечень профессий, которые могут быть освоены осужденными женщинами в исправительных учреждениях. Полагаем целесообразным расширить перечень творческих профессий, которым возможно обучать осужденных в период отбывания наказания (дизайнер, модельер, художник), а также основным иностранным языкам (английский, немецкий, французский). Помимо этого, осужденные женщины могли бы успешно и квалифицированно осваивать такие профессии, как повар, кондитер, мастер бьюти-сферы, другие востребованные на рынке труда, перспективные и интересные специальности.

Важным проблемным моментом является отсутствие желания некоторых осужденных женщин трудиться или обучаться профессиональным навыкам: стремление к намеренной порче изделий, небрежное отношение к труду и нормам безопасности на производстве, необоснованные причины для отказа от работы, симулирование различных заболеваний – все это ведет к тому, что вынужденное возложение их трудовых обязанностей на других осужденных влияет на время и процесс изготовления продукции. Для решения данной проблемы целесообразно применение в обязательном порядке строгих дисциплинарных взысканий в отношении осужденных, допускающих подобное поведение, особенно если такое происходит регулярно и намеренно. Также следует производить удержания из заработной платы осужденных за испорченные материалы (сырье) для изготовления продукции. Данные санкции позволят повысить производительность труда осужденных женщин и избежать нецелесообразного поведения с их стороны.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, труд для осужденных женщин позволяет не только улучшить условия своего пребывания в исправительных учреждениях, но и предоставляет возможность совершенствовать свои личные и профессиональные качества. Трудовая деятельность позволяет самостоятельно заработать денежные средства для приобретения товаров первой необходимости, возмещения ущерба, причиненного преступлением, а также материальной помощи своим родным и близким. Труд оказывает большое влияние на ресоциализацию и социальную адаптацию осужденных женщин, отбывающих наказание в местах лишения свободы.

Список источников

1. Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации от 08.01.1997 № 1-ФЗ (ред. от 23.11.2020, с изм. и доп. от 13.06.2023) : принят Гос. Думой 18.12.1996 ; одобрен Советом Федерации 25.12.1996 // СЗ РФ. 1997. № 2. Ст. 198. Доступ из СПС «Гарант».
2. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Российская газета. 2020. № 144. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

References

1. The Criminal and Procedural Code of the Russian Federation of January 8, 1997 No. 1-FZ (as amended on November 23, 2020, with amendments and additions of June 13, 2023); adopted by the State Duma of December 18, 1996, approved by the Federation Council of December 25, 1996. Collection of legislation of the Russian Federation. 1997. No. 2. Art. 198. Accessed through Law assistance system "Garant". (In Russian).
2. Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote on December 12, 1993 with amend-

3. Раськевич А. А. Общественно-полезный труд как средство исправления осужденных: пенитенциарные проблемы // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2010. № 2. С. 77–84.
4. Шаповалова Д. А. Правовое регулирование труда осужденных // Science Time. 2015. № 3. С. 627–630.
5. Хильман Д. В. Правовые особенности труда осужденных // Вестник Кузбасского института. 2013. № 3. С. 38–44.
6. Смирнов Л. Б. Проблемы правового статуса осужденных к лишению свободы в контексте требований Конституции РФ и Всеобщей декларации прав человека // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. 2009. № 2. С. 25–28.
7. Марина Е. А. Правоограничения общегражданского статуса осужденных к лишению свободы // Российский следователь. 2017. № 19. С. 32–35.
8. Губенко А. В. Особенности правового регулирования труда осужденных к лишению свободы : дис. ... канд. юрид. наук. Челябинск, 2005. 177 с.
9. Об утверждении Правил внутреннего распорядка следственных изоляторов уголовно-исполнительной системы, Правил внутреннего распорядка исправительных учреждений и Правил внутреннего распорядка исправительных центров уголовно-исполнительной системы : приказ Министерства юстиции РФ от 04.07.2022 № 110 (ред. от 23.08.2023, с изм. и доп., вступ. в силу с 01.10.2023) // СЗ РФ. 2023. № 3. Ст. 553. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
10. Воронина Н. П. Правовое регулирование отношений по привлечению лиц, осужденных к лишению свободы, к труду: российский и зарубежный опыт // Новое слово в науке: стратегии развития : сб. материалов II Междунар. науч.-практич. конф., 22 октября 2017 г., г. Чебоксары. Т. 2. Чебоксары : Центр научного сотрудничества «Интерактив плюс», 2017. С. 173–182.
11. Антонян Е. А. Привлечение осужденных к труду за рубежом // Человек: преступление и наказание. 2016. № 4. С. 21–24.
3. Raskevich A. A. Labor as the mean of offenders' rehabilitation: Penitentiary problems. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii*. 2010;(2):77–84. (In Russian).
4. Shapovalova D. A. Pravovoe regulirovanie truda osuzhdennykh. *Science Time*. 2015;(3):627–630. (In Russian).
5. Khilman D. V. Legal features of work of the condemned. *Bulletin of the Kuzbass Institute*. 2013;(3):38–44. (In Russian).
6. Smirnov L. B. Problemy pravovogo statusa osuzhdennykh k lisheniui svobody v kontekste trebovaniia Konstitutsii RF i Vseobshchei deklaratsii prav cheloveka. *Criminal-Executory System: Law, Economy, Management*. 2009;(2):25–28. (In Russian).
7. Marina E. A. Pravoogranicheniia obshchegrazhdanskogo statusa osuzhdennykh k lisheniui svobody. *Rossiiskii sledovatel*. 2017;(19):32–35. (In Russian).
8. Gubenko A. V. Osobennosti pravovogo regulirovaniia truda osuzhdennykh k lisheniui svobody. *Cand. Sci. (Law) Thesis*. Chelyabinsk; 2005. 177 p. (In Russian).
9. Order of the Ministry of Justice of the Russian Federation of July 4, 2022 No. 110 "On Adoption of the Rules of the Internal Code of Conduct in Pretrial Detention Centers of the Penal System, the Rules of Internal Code of Conduct in Correction Institutions, and the Rules of Internal Code of Conduct in Correction Centers of the Penal System" (as amended on August 23, 2023, with amendments and additions, came into force on October 1, 2023). *Collection of legislation of the Russian Federation*. 2023. No. 3. Art. 553. Accessed through Law assistance system "Consultant Plus". (In Russian).
10. Voronina N. P. Pravovoe regulirovanie otnoshenii po privlecheniiu lits, osuzhdennykh k lisheniui svobody, k trudu: rossiiskii i zarubezhnyi opyt. In: *Proceedings of the II International Research-to-Practice Conference "Novoe slovo v nauke: strategii razvitiia"*, October 22, 2017, Cheboksary. Vol. 2. Cheboksary: Scientific Cooperation Center "Interactive plus"; 2017. p. 173–182. (In Russian).
11. Antonyan E. A. Involvement of convicts to work in penal institutions abroad. *Man: Crime and Punishment*. 2016;(4):21–24. (In Russian).

Информация об авторах

Л. Ю. Перемолотова – кандидат юридических наук, доцент.
И. М. Черноторова – адъюнкт.

Information about the authors

L. Yu. Peremolotova – Candidate of Sciences (Law), Docent.
I. M. Chernoyarova – Postgraduate.

Научная статья

УДК 346.51:338.26

DOI 10.35266/2949-3455-2023-4-13

ИНСТИТУЦИОНАЛИЗАЦИЯ МОНИТОРИНГА В СИСТЕМЕ СТРАТЕГИЧЕСКОГО ПЛАНИРОВАНИЯ В РОССИИ

Валентина Викторовна Руденко

Институт философии и права Уральского отделения Российской академии наук,

Екатеринбург, Россия

emikh.valentina@gmail.com

Аннотация. В статье проанализировано текущее правовое регулирование мониторинга в системе стратегического планирования и дана его оценка. Методологическая стратегия статьи заключается в синтезе общенаучных методов и специальных частноправовых методов. Выявлены признаки институционализации мониторинга в системе стратегического планирования и названы факторы, затрудняющие институционализацию мониторинга в системе стратегического планирования. Сделан вывод о необходимости переориентации законодательного подхода к мониторингу. Мониторинг должен быть действенным инструментом стратегического планирования и способом повышения доверия общества государству. Сформулированы предложения по совершенствованию правового регулирования мониторинга в системе стратегического планирования.

Ключевые слова: стратегическое планирование, мониторинг, правовой мониторинг, участники стратегического планирования, доверие общества государству

Для цитирования: Руденко В. В. Институционализация мониторинга в системе стратегического планирования в России // Вестник Сургутского государственного университета. 2023. Т. 11, № 4. С. 122–128. DOI 10.35266/2949-3455-2023-4-13.

Original article

INSTITUTIONALIZATION OF MONITORING IN RUSSIA'S STRATEGIC PLANNING SYSTEM

Valentina V. Rudenko

Institute of Philosophy and Law, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences,

Yekaterinburg, Russia

emikh.valentina@gmail.com

Abstract. The article analyzes and evaluates the current legal regulation of monitoring in the strategic planning system. The methodological strategy of the article is a synthesis of general scientific methods and special private law methods. The author identifies institutionalization signs of the monitoring in the strategic planning system and lists the factors that impede such institutionalization. It is concluded that a shift in the legislative approach to monitoring is necessary. Monitoring should be an effective tool for strategic planning and increasing public trust in government. The author proposes ways to improve the legal regulation of monitoring in the strategic planning system.

Keywords: strategic planning, monitoring, legal monitoring, participants of strategic planning, public trust in government

For citation: Rudenko V. V. Institutionalization of monitoring in Russia's strategic planning system. *Surgut State University Journal*. 2023;11(4):122–128. DOI 10.35266/2949-3455-2023-4-13.

ВВЕДЕНИЕ

В условиях формирования в Российской Федерации системы стратегического планирования по индикативной модели мониторинг и контроль реализации стратегических документов, являясь составной частью системы стратегического планирования, приобретает все большее значение. Именно мониторинг и контроль позволяют проверить, соответствуют ли достигнутые результаты изначально поставленным целям, нужны ли корректировки (подробно о различиях индикативной и директивной моделей, их достоинствах и недостатках, зарубежном опыте использования можно узнать в статье А. С. Емельянова «Мониторинг и контроль в механизме стратегического планирования» [1]). Вместе с тем их эффективность зависит от значительного количества факторов, в том числе сбалансированности и релевантности используемых систем показателей, корреляции показателей поставленным целям, системности проведения, а также от степени институционализации. Текущее правовое регулирование мониторинга в системе стратегического планирования основано на принятом в 2014 г. Федеральном законе «О стратегическом планировании в Российской Федерации» (далее – Закон о стратегическом планировании, Закон) [2]. С этого момента накоплен достаточно обширный опыт правового регулирования мониторинга и контроля в системе стратегического планирования на всех уровнях организации публичной власти и опыт правоприменения, которые нуждаются в осмыслении с целью дальнейшего совершенствования мониторинга в системе стратегического планирования.

В рамках настоящей статьи поставлены следующие исследовательские задачи: выявить основные элементы мониторинга документов стратегического планирования; проанализировать степень институционализации мониторинга в системе стратегического планирования на федеральном, региональном и муниципальном уровнях организации публичной власти; выработать рекомендации по совершенствованию правового регулирования мониторинга в системе стратегического плани-

рования. В научной литературе отсутствует системное исследование институционализации мониторинга в системе стратегического планирования в современных условиях, несмотря на достаточно детальную разработку вопросов правового мониторинга в юриспруденции [3–5]. Настоящая статья направлена на восполнение обозначенного пробела.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ

Объектом исследования являются общественные отношения между участниками стратегического планирования, складывающиеся в процессе оценки хода и итогов реализации документов стратегического планирования. В качестве материалов избраны нормативные правовые акты Президента Российской Федерации, Правительства Российской Федерации, федеральных органов исполнительной власти, нормативные правовые акты субъектов РФ, муниципальные нормативные правовые акты, регламентирующие вопросы мониторинга в системе стратегического планирования, научная литература по вопросам мониторинга в системе стратегического планирования, правового мониторинга, мониторинга правоприменения. Использовано сочетание как общенаучных методов познания (метода системного анализа, восхождения от абстрактного к конкретному, восхождения от единичного к общему, метода синтеза, сравнительного метода, типологического метода), так и специальных правовых, частнонаучных исследовательских методов (метода сравнительного правоведения, метода теоретико-правового моделирования, формально-юридического метода и метода правовой герменевтики).

РЕЗУЛЬТАТЫ И ИХ ОБСУЖДЕНИЕ

В Законе о стратегическом планировании мониторингу отведено значительное количество норм – порядка 20, выделена отдельная глава «Мониторинг и контроль документов стратегического планирования», где дается определение понятию мониторинга и контроля реализации документов стратегического планирования, заложены основы разгра-

ничения компетенции органов публичной власти по вопросам определения порядка осуществления мониторинга и его непосредственного осуществления, определены цели и задачи мониторинга, установлен перечень документов, в которых отражаются результаты мониторинга, заложена основа информационного обеспечения мониторинга на базе федеральной информационной системы стратегического планирования, т. е. заложены основные черты правовой модели мониторинга в системе стратегического планирования. Федеральная информационная система стратегического планирования создана, в том числе, в целях мониторинга и контроля реализации документов стратегического планирования, показателей социально-экономического развития и обеспечения национальной безопасности РФ, мониторинга эффективности деятельности участников стратегического планирования [2]. Законодатель не ограничивается лишь мониторингом реализации документов стратегического планирования, но детально регулирует только этот аспект мониторинга в системе стратегического планирования.

В содержащейся в статье 3 анализируемого Закона дефиниции понятия «мониторинг и контроль реализации документов стратегического планирования» делается акцент на оценке процесса и итогов реализации данных документов, а также на оценке взаимодействия участников стратегического планирования в части соблюдения принципов стратегического планирования и реализации ими полномочий в сфере социально-экономического развития и обеспечения национальной безопасности РФ [2]. Казалось бы, законодатель ограничивает роль мониторинга в системе стратегического планирования оценкой реализации документов стратегического планирования, но в этом же законе упоминается понятие мониторинга состояния национальной безопасности наряду с понятием реализации Стратегии национальной безопасности. Более того, одной из основных задач мониторинга реализации документов стратегического планирования в статье 40 Закона

указывается оценка уровня социально-экономического развития, субъектов, муниципальных образований и состояния национальной безопасности РФ [2]. Очевидно, что понятия мониторинга реализации актов и мониторинга состояния определенной сферы отношений по своему содержанию отличны, т. к. первое предполагает мониторинг правоприменения, а второе – мониторинг общественных отношений, не обязательно урегулированных правом. Более того, мониторинг значим и на этапе подготовки документов стратегического планирования. Законодатель не ограничивает понятия мониторинга и контроля, что характерно в целом для законодательства в сфере стратегического планирования. В статьях 40 и 41 Закона о стратегическом планировании определены задачи мониторинга и контроля реализации документов стратегического планирования, но ограничить их на основе данного регулирования не представляется возможным. В свою очередь представляется, что мониторинг является технологией контроля, инструментом для получения информации, необходимой для контроля. Мониторинг сориентирован на получение информации, а контроль – на отслеживание достижения запланированных показателей и результатов [6, с. 30].

Анализ Закона о стратегическом планировании показывает, что для законодателя мониторинг выступает в качестве канала получения информации о процессе и итогах реализации документов стратегического планирования, но нельзя недооценивать общесоциальное значение мониторинга как способа обеспечения доверия общества государству [1, с. 69]. Положительной оценки заслуживает то, что в законодательной дефиниции задаются такие критерии оценки, как соблюдение принципов стратегического планирования и реализация участниками стратегического планирования принадлежащих им полномочий в сфере социально-экономического развития РФ и обеспечения национальной безопасности РФ.

Порядок осуществления мониторинга, его формы, способы и методы в законе о страте-

гическом планировании не установлены. Нормы закона содержат отсылки к уполномоченному органу, к компетенции которого отнесено регулирование порядка осуществления конкретного документа стратегического планирования. На федеральном уровне данные вопросы устанавливаются актами Президента Российской Федерации и Правительства Российской Федерации в соответствии с их компетенцией, на региональном уровне – законодательством субъекта РФ, на муниципальном уровне – муниципальными актами. Достаточно детально разработаны правила осуществления мониторинга следующих документов стратегического планирования: стратегии научно-технологического развития РФ, государственных программ в рамках системы управления государственными программами, стратегии пространственного развития РФ, стратегии социально-экономического развития РФ, стратегий социально-экономического развития макро-регионов, основных направлений деятельности Правительства Российской Федерации. Методическое обеспечение мониторинга осуществляется в том числе актами министерств и ведомств (например, [7]). На федеральном уровне остаются неразработанными механизм мониторинга стратегии национальной безопасности, вопросы мониторинга реализации документов стратегического планирования в рамках целеполагания по отраслевому и территориальному принципам. На региональном и муниципальном уровне порядку осуществления мониторинга в системе стратегического планирования и методике его проведения уделяется незначительное внимание.

Компетенция по вопросам мониторинга распределена между участниками стратегического планирования согласно принципу организационно-функционального единства стратегического планирования. Например, основные направления деятельности Правительства Российской Федерации разрабатываются и корректируются Министерством экономического развития Российской Федерации, утверждаются Председателем Правительства Российской Федерации. Монито-

ринг и контроль реализации основных направлений осуществляются этим же министерством, результаты мониторинга отражаются в ежегодном отчете Правительства Российской Федерации о результатах его деятельности [8]. Ответственные исполнители государственных программ составляют отчеты по результатам мониторинга согласно пункту 63 постановления Правительства РФ от 26.05.2021 № 786 «О системе управления государственными программами Российской Федерации» [9]. Использование указанного принципа при распределении компетенции может негативно сказываться на эффективности мониторинга, поскольку действенность контрольных и мониторинговых мероприятий, как правило, выше, когда контролируемый субъект находится вне системы, которую он контролирует.

Анализ федеральных, региональных и муниципальных нормативных правовых актов, регулирующих вопросы осуществления мониторинга в системе стратегического планирования, позволил выявить следующие проблемы правового регулирования и правоприменения: отсутствие или недостаточность регламентации методики и процедур мониторинга, отсутствие или недостаточная степень корреляции показателей мониторинга с показателями документов стратегического планирования, низкая степень эффективности используемых систем показателей мониторинга, отсутствие механизмов, обеспечивающих открытость осуществления мониторинга в системе стратегического планирования, проблема обеспечения непрерывности мониторинга на всех этапах государственного управления, проблема корреляции целей государственной политики, отраженных в документах стратегического планирования, и показателей, используемых для мониторинга реализации документов стратегического планирования, отсутствие необходимых механизмов координации участников стратегического планирования по вопросам осуществления мониторинга и корректировки документов стратегического планирования по итогам мониторинга. Текущее регулирование мониторинга в системе стратегического

планирования сориентировано в большей степени на оценку реализации документов стратегического планирования, но мониторинг имеет гораздо большие горизонты – он может быть направлен на оценку состояния определенной сферы общественных отношений и быть источником информации для изменения регулирующего воздействия документов стратегического воздействия, а также источником информации при непосредственном составлении документов стратегического планирования. В этом качестве мониторинг выступает в качестве инструмента повышения эффективности права и государственно-го управления [10, с. 18–19].

Таким образом, можно выделить следующие признаки институционализации мониторинга в системе стратегического планирования:

1. Объектом мониторинга становится не просто реализация документов стратегического планирования, а оценка уровня социально-экономического развития и состояния национальной безопасности РФ, т. е. мониторинг имеет свой самостоятельный объект.

2. Мониторингу посвящен значительный массив норм, содержащихся в актах по вопросам стратегического планирования, издаваемых органами публичной власти всех уровней.

3. Данный массив норм регламентирует специфическую деятельность участников стратегического планирования по оценке реализации документов стратегического планирования, т. е. имеется направленность на регулирование однородных общественных отношений.

4. Имеются нормативные правовые акты, объектом регулирования которых выступает мониторинг реализации отдельных документов стратегического планирования.

5. В отношении мониторинга в системе стратегического планирования законом закреплены основные элементы правовой модели мониторинга: субъект, объект, процедуры, средства, приемы осуществления мониторинга, формы представления результатов мониторинга.

Очевидно, что становление мониторинга в системе стратегического планирования в качестве самостоятельного правового института затруднительно в виду его связанности

с собственно стратегическим планированием. Более того, процесс институционализации мониторинга в системе стратегического планирования затруднен по объективным причинам. Каждый документ стратегического планирования имеет свою специфику, поэтому унификация показателей и порядка осуществления мониторинга невозможна. Мониторинг имеет сквозной характер, в виду чего процедуры его осуществления должны быть встроены в систему стратегического планирования на всех его этапах. Документы стратегического планирования имеют межведомственный характер, что увеличивает количество субъектов, деятельность которых должна быть оценена в ходе мониторинговых мероприятий.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Исследователи подчеркивают ненадлежащий уровень институционального выражения мониторинга [11]. Степень эффективности мониторинга непосредственно связана со степенью его институционализации, что в конечном счете влияет на эффективность непосредственно стратегического планирования. Именно институционализация позволяет расширить горизонты применения мониторинга, способствует трансформации мониторинга из формальной деятельности по сбору информации в действенный инструмент стратегического планирования и способ повышения доверия общества государству.

Институционализация мониторинга в системе стратегического планирования требует объединения усилий специалистов в разных областях: экономике, государственном и муниципальном управлении, праве. Оправданным представляется изменение законодательного подхода к мониторингу в системе стратегического планирования, что требует корректировки целей и задач мониторинга, их более четкое отграничение от целей и задач контроля в системе стратегического планирования. В качестве объекта мониторинга можно рассматривать состояние определенной сферы общественных отношений, на которую воздействует конкретный документ стратегического планирования. Требуется

восполнение пробелов по регламентации способов, методов, приемов и порядка осуществления мониторинга конкретных документов стратегического планирования. В базовой части порядок осуществления мониторинга и мониторинговых мероприятий может быть унифицирован на уровне Закона о стратегическом планировании. Особое внимание на законодательном уровне необходимо уделить вопросам разграничения компетенции между органами публичной власти по осуществлению мониторинга и координации деятельности участников стратегического планирования как в процессе проведения мониторинговых

мероприятий, так и в процессе использования результатов мониторинга для совершенствования стратегического планирования. Функция обеспечения доверия общества государству может быть реализована посредством установления прозрачности процедур мониторинга, привлечения общественности к осуществлению мониторинга в системе стратегического планирования, созданию действенных механизмов обеспечения открытого доступа к документам, содержащим результаты мониторинга в системе стратегического планирования.

Список источников

1. Емельянов А. С. Мониторинг и контроль в механизме стратегического планирования // Журнал российского права. 2021. Т. 25, № 8. С. 61–75. DOI 10.12737/jrl.2021.099.
2. О стратегическом планировании в Российской Федерации : федер. закон от 28.06.2014 № 172-ФЗ. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
3. Арзамасов Ю. Г., Наконечный Я. Е. Концепция мониторинга нормативных правовых актов. М. : Юрлитинформ, 2011. 208 с.
4. Горохов Д. Б., Спектор Е. И., Глазкова М. Е. Правовой мониторинг: концепция и организация // Журнал российского права. 2007. № 5. С. 25–38.
5. Горохов Д. Б., Радченко В. И., Черногор Н. Н. и др. Правовой мониторинг: актуальные проблемы теории и практики : моногр. / под ред. Н. Н. Черногора. М. : Международный юридический институт, 2010. 232 с.
6. Сургуладзе В. Ш. Проблемы мониторинга и организации контроля реализации документов стратегического планирования в Российской Федерации // Власть. 2016. Т. 24, № 8. С. 29–38.
7. Об утверждении методических рекомендаций по мониторингу государственных программ Российской Федерации : приказ Минэкономразвития России от 21.04.2022 № 218. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
8. Об утверждении Правил разработки, корректировки, осуществления мониторинга и контроля реализации основных направлений деятельности Правительства Российской Федерации : постановление Правительства РФ от 04.08.2015 № 789. Доступ из СПС «Гарант».
9. О системе управления государственными программами Российской Федерации : постановление Правительства РФ от 26.05.2021 № 786. Доступ из СПС «Гарант».
10. Залоило М. В. Мониторинг законодательства о противодействии коррупции / под ред. Д. А. Пашенцева. М. : Проспект, 2023. 112 с.

References

1. Emelyanov A. S. Monitoring and control in the strategic planning mechanism. *Journal of Russian Law*. 2021;25(8):61–75. DOI 10.12737/jrl.2021.099. (In Russian).
2. Federal Law of June 28, 2014 No. 172-FZ “On Strategic Planning in the Russian Federation”. Accessed through Law assistance system “Consultant Plus”. (In Russian).
3. Arzamasov Yu. G., Nakonechnyi Ya. E. Kontseptsia monitoringa normativnykh pravovykh aktov. Moscow: Iurlitinform; 2011. 208 p. (In Russian).
4. Gorokhov D. B., Spektor E. I., Glazkova M. E. Legal monitoring: Concept and organization. *Journal of Russian Law*. 2007;(5):25–38. (In Russian).
5. Gorokhov D. B., Radchenko V. I., Chernogor N. N. et al. Pravovoi monitoring: aktualnye problemy teorii i praktiki. Monograph. Chernogor N. N., editor. Moscow: International Law Institute; 2010. 232 p. (In Russian).
6. Surguladze V. Sh. Monitoring and control problems of realization of the state strategic planning documents of the Russian Federation. *Vlast*. 2016;24(8):29–38. (In Russian).
7. Order of the Ministry of Economic Development of Russia of April 21, 2022 No. 218 “On Approval of Methodical Guidelines for Monitoring State Programs of the Russian Federation”. Accessed through Law assistance system “Consultant Plus”. (In Russian).
8. Decree of the Government of the Russian Federation of August 4, 2015 No. 789 “On Approval of the Rules for the Development, Adjustment, Monitoring and Control of Implementing the Main Activities of the Government of the Russian Federation”. Accessed through Law assistance system “Garant”. (In Russian).
9. Decree of the Government of the Russian Federation of May 26, 2021 No. 786 “On the System for Managing the State Programs of the Russian Federation”. Accessed through Law assistance system “Garant”. (In Russian).

11. Кузнецов Н. В., Побываев С. А. Мониторинг разработки и реализации документов стратегического планирования: ключевые аспекты // Общество: политика, экономика, право. 2020. № 5. С. 56–61. DOI 10.24158/pep.2020.5.9.
10. Zaloilo M. V. Monitoring of legislation of counter-action corruption. Scientific and practical guide. Pashentsev D. A., editor. Moscow: Prospekt; 2023. 112 p. (In Russian).
11. Kuznetsov N. V., Pobyyaev S. A. Monitoring the development and implementation of strategic planning documents: Key aspects. *Society: Politics, Economics, Law*. 2020;(5):56–61. DOI 10.24158/pep.2020.5.9. (In Russian).

Информация об авторе

В. В. Руденко – кандидат юридических наук, доцент.

Information about the author

V. V. Rudenko – Candidate of Sciences (Law), Docent.